

Subl. 8^o A 28919

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

—
ВЫПУСКЪ 2.

Ms. No. 1, Sp. 111



ВАРШАВА.
ТИПОГРАФИЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

—
1903.

ЗАПИСКИ ОБЩЕСТВА ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ПРАВА

П Р И

ИМПЕРАТОРСКОМЪ ВАРШАВСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ.

ВЫПУСКЪ 2.



В А Р Ш А В А.
ТИПОГРАФІЯ ВАРШАВСКАГО УЧЕБНАГО ОКРУГА.
Краковское Предмѣстье, № 3.

—
1903.

D-174/195



143765

Печатано по опредѣленію Совѣта Общества исторіи, филологіи и
права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

За предсѣдателя Общества *Н. Любичъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.



Отдѣлъ I.

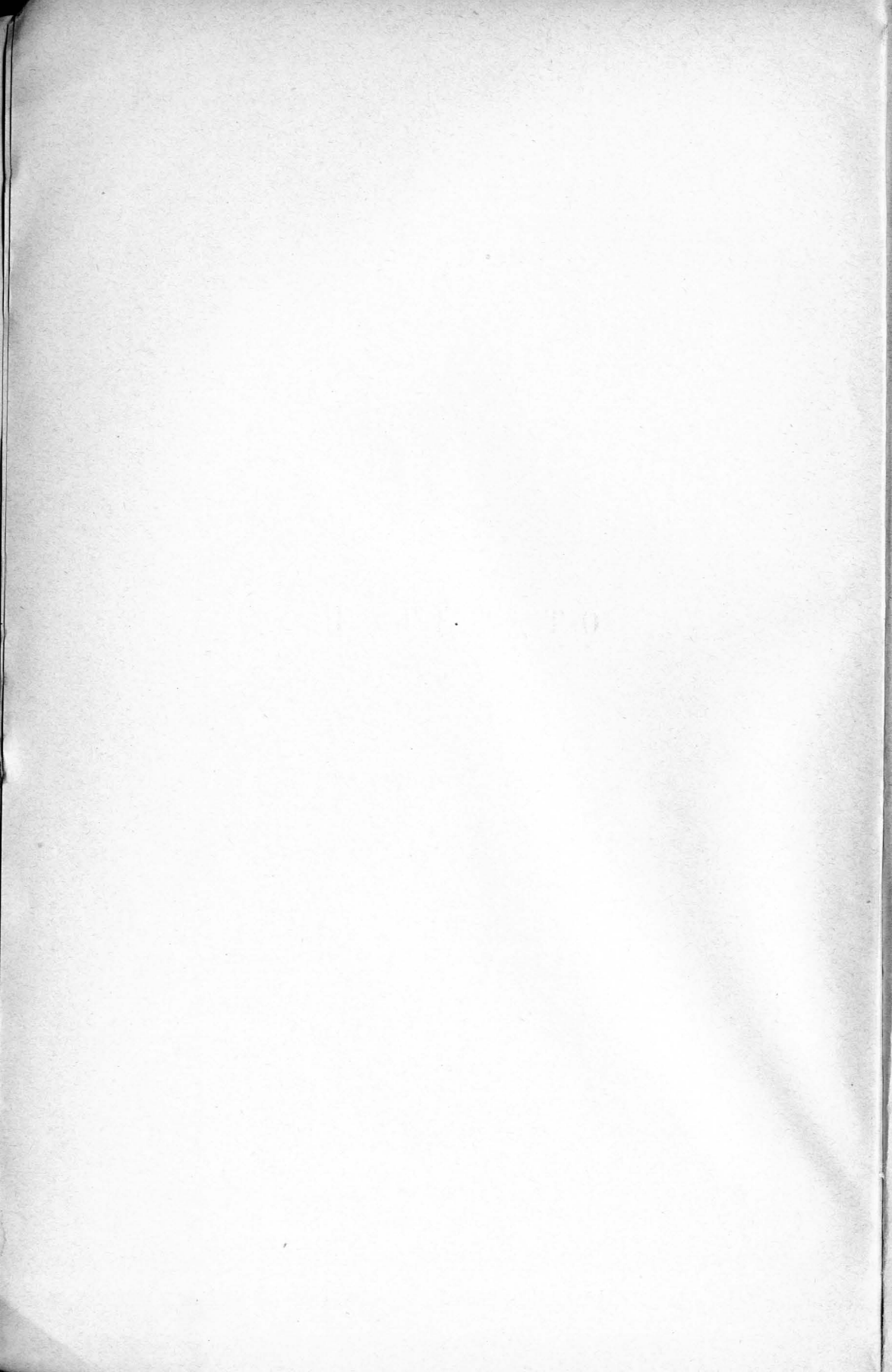
	<i>Стр.</i>
Сокращенные протоколы засѣданій Общества	1— 64.
Годичное собраніе Общества	65— 69.
Приложенія къ протоколамъ	70— 75.

Отдѣлъ II.

О. Ѳ. Бавинеръ. Краткая характеристика отношеній Жуковского къ классической древности	1— 22.
Е. Ѳ. Карскій. XII Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ	23— 34.
П. А. Заболотскій. Гуманные мотивы поэзіи Н. А. Некрасова	35 —72.
И. П. Созиновичъ. Джемсъ Чайльдъ и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ	73— 83.
В. В. Власовъ. О преподаваніи географіи съ точки зрѣнія новѣйшихъ требованій	84—112.
А. И. Даринскій. Семья у кавказскихъ горцевъ	113—169.
Н. Н. Любавичъ. Международный историческій конгрессъ въ Римѣ	170—179.

Редакторъ *Н. Новосадскій.*

О Т Д Ъ Л Ъ I.



СОКРАЩЕННЫЕ ПРОТОКОЛЫ

засѣданій Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ за 1902 г.

I.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

6-го февраля 1902 г.¹⁾

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 27 членовъ общества.

Слушали докладъ А. В. Горбунова „О борьбѣ съ нищенствомъ“.

Докладъ содержалъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія.

Авторъ предупредилъ слушателей, что изъ обширнаго вопроса о борьбѣ съ нищенствомъ онъ избралъ для доклада только часть — социальную оцѣнку средствъ и результатовъ этой борьбы.

Послѣ уголовной репрессіи нищенства въ средніе вѣка XVI вѣкъ положилъ начало общественному призрѣнію, которое лишь въ XIX вѣкѣ приняло болѣе или менѣе законченную форму систематической борьбы съ нищенствомъ. Только къ концу XIX вѣка борьба съ нищенствомъ начинаетъ переходить въ сферу социальной политики, направленной на предупрежденіе массовой бѣдности и нищеты.

Такимъ образомъ исторія представляетъ три системы борьбы съ нищенствомъ: а) систему уголовной репрессіи нищенства, б) систему общественного призрѣнія и в) систему предупрежденія нищенства мѣрами социальной политики.

¹⁾ Протоколъ годичнаго собранія Общества, происходившаго 27-го января 1902 г., напечатанъ въ 1 выпускѣ „Записокъ Общества исторіи, филологіи и права“.

Полицейско-уголовная репрессія, какъ въ прежнемъ видѣ непо-мѣрно жестокихъ наказаній, такъ и въ современной формѣ краткосроч-наго лишенія свободы, рѣшительно не достигаетъ цѣли. Вслѣдствіе этого наиболѣе совершенный въ наше время Бельгійскій законъ о ни-щенствѣ (1891 г.) отвергъ ее, и понемногу ее оставляютъ повсюду.

Изъ мѣръ общественнаго призрѣнія признается въ настоящее вре-мя наиболѣе раціональной трудовая помощь, предлагаемая въ разнаго рода домахъ трудолюбія и рабочихъ колоніяхъ. Но и эта мѣра даетъ результаты далеко не блестящіе, такъ какъ не въ силахъ устранить рецидивъ нищенства, на долю котораго приходится свыше 70% обща-го числа призрѣваемыхъ, какъ объ этомъ свидѣлствуютъ соотвѣт-ственные статистическіе отчеты Германіи, Бельгіи и Франціи.

Неудачи трудовой помощи вызываются главнымъ образомъ дву-мя причинами: а) тѣмъ, что помощь приходитъ къ лицамъ, въ боль-шинствѣ случаевъ уже неспособнымъ къ труду, и б) тѣмъ, что оказа-ніе ея до сихъ поръ не утратило суроваго характера, свойственнаго прежней уголовно-полицейской репрессіи.

Раціональная постановка общественнаго призрѣнія, неизбежнаго по условіямъ нынѣшняго времени, должна основываться на организа-ціи его по началу широкой общественной самодѣтельности и разно-сторонней индивидуализаціи самыхъ мѣръ призрѣнія.

Дѣйствительнѣ всякаго призрѣнія — нарождающіеся въ послѣд-нее время мѣры соціальной политики въ видѣ обязательнаго страхова-нія рабочихъ и другихъ начинаній экономической политики, вводи-мыхъ на западѣ Европы.

Для нашего отечества, при отсутствіи необходимыхъ условій для соціальной политики, докладчикъ рекомендуетъ организацію призрѣ-нія на началахъ широкой общественной самодѣтельности, для чего требуется между прочимъ подъемъ нашего мѣстнаго самоуправленія.

По содержанию доклада происходили въ обществѣ пренія, во вре-мя которыхъ высказаны были отдѣльными членами нижеслѣдующія мнѣнія.

Д. В. Туткевичъ указалъ, что существуетъ у насъ такой типъ нищенства, который врядъ ли слѣдуетъ искоренять. Это нищія — по-эты, какъ выразился *Д. В.*, отдаленные потомки былинныхъ калік-перехожихъ. Затѣмъ оппонентъ высказался въ пользу того, чтобы при общественной организаціи мѣръ борьбы съ нищенствомъ не унич-тожать индивидуальной неорганизованной благотворительности, удо-влетворяющей естественное человѣческое чувство и желаніе самому непосредственно утереть слезу бѣдняку.

Л. С. Венгеровъ отмѣтилъ, что содержаніе доклада уже его названія: докладъ не исчерпалъ всѣхъ практикуемыхъ мѣръ борьбы съ нищенствомъ. Такъ, нпр., въ немъ ничего не сказано о филантропической дѣятельности. Самъ оппонентъ находитъ ее нераціональною, хотя бы потому, что недостаточно опредѣлено понятіе бѣднаго, какъ объекта филантропіи. Особенно вредною оппонентъ считаетъ раздачу денегъ т. н. бѣднымъ. Оппонентъ упрекнулъ докладчика еще въ томъ, что онъ не развилъ вопроса объ обезпеченіи всеобщаго права на трудъ, ограничившись лишь упоминаніемъ о крушеніи этого дѣла во Франціи. Последнее объясняется неправильною постановкою, что не устраняетъ еще самаго вопроса, который въ послѣднее время привлекаетъ къ себѣ умы изслѣдователей, нпр., извѣстнаго ученаго обществовѣда Менгера.

В. Н. Александрѣнко обратилъ вниманіе докладчика на то, что его рефератъ выигралъ бы въ смыслѣ доказательности и убѣдительности, еслибы къ изслѣдованію вопроса былъ примѣненъ историческій методъ. Одно простое указаніе на переходъ дѣла борьбы съ нищенствомъ отъ церкви къ государству, вызванный секуляризацией церковныхъ имуществъ, наглядно объяснило бы все дальнѣйшее развитіе этого дѣла.

Д. В. Туткевичъ выступилъ вторично съ возраженіемъ по поводу того, что въ докладѣ ничего не сказано о причинахъ нищенства, между тѣмъ это необходимо для пріисканія средствъ, которыя искореняли бы нищенство, устраняя производящія его причины.

Г. В. Демченко, отмѣтивъ неоднократное упоминаніе докладчикомъ объ уголовной репрессіи нищенства, счелъ необходимымъ выяснитъ всѣ тѣ стороны, которыми явленіе нищенства входитъ въ область криминалистики. По мнѣнію Г. В. - ча, въ этомъ отношеніи важны три слѣдующія главныя стороны: 1) отдѣльные акты нищенства признаются полицейскими правонарушеніями и поэтому являются объектомъ уголовной репрессіи; 2) массовое нищенство представляется выраженіемъ т. н. деклассации и этимъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе законодателя; 3) организація профессиональнаго нищенства возбуждаетъ интересъ судьи съ точки зрѣнія криминалистической техники.

Ө. В. Тараповскій, присоединяясь къ мнѣнію Д. В. Туткевича, высказался въ пользу совершенно свободнаго допущенія частной, неорганизованной, слѣпой благотворительности. Въ подтвержденіе этого оппонентъ привелъ два аргумента. Во-первыхъ, свободная частная благотворительность необходима на ряду съ общественной организаціей мѣръ борьбы съ нищенствомъ, какъ вообще необходима свободная нравственная дѣятельность на ряду съ дѣйствіемъ формально юри-

дической регламентации жизни. Во-вторых, частная благотворительность является выражением того законного индивидуализма, который необходимо отстаивать всеми силами предъ все болѣе и болѣе расширяющейся компетенціей государства и растущей социализацией разныхъ сторонъ жизни.

А. В. Горбунѣвъ, возражая оппонентамъ, высказалъ въ общихъ чертахъ слѣдующее: 1) онъ самъ предупредилъ слушателей, что для доклада избрана лишь часть поставленнаго въ заглавіи вопроса и этимъ предотвратилъ упрекъ въ несоотвѣтствіи объема содержанія и заглавія; 2) докладчикъ не думаетъ, чтобы современныхъ калікъ-перехожихъ, о которыхъ упомянулъ Д. В. Туткевичъ, слѣдовало сохранять для общества, но не настаиваетъ и на ихъ преслѣдованіи, такъ какъ вообще не считаетъ уголовно-полицейскую репрессию сколько-нибудь рациональной мѣрой борьбы съ нищенствомъ; 3) обезпеченіе права на трудъ докладчикъ считаетъ теоретически интереснымъ, но практически настолько трудно осуществимымъ, что весь этотъ вопросъ, по его мнѣнію, не выходитъ изъ той области, въ которой помѣщаются различныя *ria desideria*; 4) докладчикъ не сомнѣвается въ пользѣ историческаго метода, но прибѣгнуть къ нему не позволили ограниченные размѣры доклада; 5) по той же причинѣ докладчикъ обошелъ молчаніемъ сложный и спорный вопросъ о причинахъ обѣдненія и нищеты; 6) докладчикъ полагаетъ, что при организаціи призрѣнія на началахъ широкой общественной самодѣятельности, индивидуализмъ въ этомъ дѣлѣ достаточно обезпечивается самой его организаціей; неорганизованная же частная благотворительность является, по мнѣнію докладчика, безусловно вредной.

II.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

28-го февраля 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 13 членовъ Общества.

Слушали доклады И. Д. Малиновскаго „Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ“ и В. А. Францева „Гоголь въ чешской литературѣ“. Докладъ г. Малиновскаго напечатанъ въ „Запискахъ“ Общества (I вып., 1902 г.). Содержаніе доклада г. Францева слѣдующее¹⁾.

¹⁾ Докладъ г. Францева напечатанъ въ изданномъ С.-Петербургской Академіею Наукъ „Сборникѣ памяти Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго“.

В. А. Францев познакомил слушателей съ исторіей первыхъ чешскихъ переводовъ произведеній Гоголя, съ первыми отзывами о нихъ чешской критики и сообщилъ нѣкоторыя данныя, касающіяся пребыванія Гоголя въ Прагѣ и знакомства его съ чешскими учеными Шафарикомъ и Ганкой. Произведенія Гоголя читались въ Чехіи раньше, чѣмъ появились первые ихъ чешскіе переводы. Этому знакомству содѣйствовали въ значительной степени пребываніе въ Прагѣ М. П. Погодина въ 1835 г. и О. М. Бодянского въ 1838 г. и связи обоихъ русскихъ ученыхъ съ представителями чешскаго ученаго и литературнаго міра. Уже въ 1837 г. знаменитый чешскій поэтъ Ф. Л. Челаковскій намѣренъ былъ приступить къ переводу нѣкоторыхъ повѣстей Гоголя на чешскій языкъ, но его намѣреніе не осуществилось. Первымъ переводчикомъ повѣстей Гоголя на чешскій языкъ была, какъ кажется, жена Шафарика; къ сожалѣнію, объ этихъ переводахъ нѣтъ вообще точныхъ свѣдѣній. Раньше другихъ произведеній Гоголя появился въ чешскомъ переводѣ (въ журналѣ „Цвѣты“ за 1839 г.) „Тарасъ Бульба“, переведенный чешскимъ писателемъ К. В. Запомъ. Слѣдующіе по времени переводы принадлежатъ чешскому публицисту Карлу Гавличку-Боровскому (1821 — 1856), который, пріѣхавъ въ 1842 г. въ Москву, по приглашенію Погодина, занялъ мѣсто воспитателя дѣтей въ домѣ проф. Шевырева и здѣсь сблизился съ выдающимися представителями русской науки и литературы. Познакомившись съ повѣстями Гоголя, Гавличекъ началъ переводить ихъ на чешскій языкъ для изданія вышеупомянутаго Запа— „Зерцало жизни восточной Европы“. По возвращеніи въ 1844 г. въ Чехію Гавличекъ продолжалъ переводить Гоголя. Его переводъ поэмы „Мертвыя души“ былъ напечатанъ впервые въ 1849 г. въ газетѣ *Národní Noviny*.

Переводы Гавличка въ общемъ очень близки къ подлиннику и лучше позднѣйшихъ переводовъ: Гавличекъ переводилъ слово въ слово, не мѣнялъ конструкціи предложеній и не обходилъ болѣе трудныхъ мѣстъ. Но сущность творчества Гоголя и значеніе этого поэта въ русской литературѣ остались для Гавличка непонятными: онъ увидѣлъ въ нихъ одно только смѣшное, на что въ свое время обратилъ уже вниманіе и профессор Шевыревъ. Въ 1847 г. въ Прагѣ вышелъ цѣлый сборникъ произведеній Гоголя въ чешскомъ переводѣ. Чешская критика восторженно привѣтствовала это изданіе и считала повѣсти Гоголя украшеніемъ чешской переводной литературы. Въ отзывахъ критики о повѣстяхъ „Тарасъ Бульба“, „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Портретъ“ и др. видно глубокое пониманіе основныхъ мотивовъ творчества Гоголя. Возбужденію интереса къ произведеніямъ Гоголя въ чешской литературѣ 40-хъ годовъ въ извѣстной степени содѣйствовало, надо ду-

мать, пребываніе Гоголя въ 1845 г. въ Прагѣ, а также его знакомство съ Шафарикомъ и Ганкою. Съ Шафарикомъ Гоголь, впрочемъ, былъ знакомъ уже раньше. Благодаря посредничеству Бодянского Гоголь пользовался книгами Шафарика и писалъ ему по поводу этихъ книгъ еще въ 1839 г. Съ извѣстнымъ ученымъ В. В. Ганкою, бібліотекаремъ Чешскаго музея, Гоголь встрѣтился въ Прагѣ только въ 1845 г. Такимъ образомъ, заключилъ докладчикъ, чешское общество рано начало знакомиться съ произведеніями Гоголя. Поэтому едва ли справедливо утвержденіе тѣхъ, которые говорятъ, что не только въ 40-хъ годахъ, но и гораздо позднѣе западные славяне очень мало знали Пушкина и почти вовсе не переводили и не читали Гоголя. Чехи съ Пушкинымъ познакомились очень рано и—во многихъ переводахъ, а Гоголя („Мертвыя души“ и большинство его повѣстей) читали, какъ мы видимъ, на своемъ родномъ языкѣ задолго до кончины поэта. Иной вопросъ, насколько чехи понимали и умѣли цѣнить произведенія этихъ русскихъ писателей. По справедливому замѣчанію ак. А. Н. Пыпина, непониманію Пушкина и особенно Гоголя содѣйствовало малое знаніе или даже полное незнаніе западными славянами русской жизни. Отъ этого недостатка чешское общество въ настоящее время уже освободилось и, какъ 50-лѣтъ тому назадъ, съ неизмѣнной симпатіей и неослабвающимъ вниманіемъ слѣдитъ за всеми движеніями русской литературы.

III.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

3-го марта 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 20 членовъ Общества.

Слушали рѣчь *В. Н. Александренко*, посвященную памяти Р. Гардинера (ум. 10/23 февраля 1902 года).

Содержаніе рѣчи въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Послѣ смерти епископа Стебса имя Гардинера было наиболѣе извѣстнымъ и популярнымъ среди историковъ Англіи. Раусонъ Гардинеръ происходилъ изъ старинной пуританской семьи и въ числѣ своихъ предковъ считалъ знаменитаго Оливера Кромвеля; родился онъ въ 1829 г. Образованіе получилъ въ Винчестерской коллегіи, а затѣмъ въ Оксфордскомъ университетѣ. По окончаніи послѣдняго посвятилъ себя занятіямъ исторіей, сосредоточившись на XVII вѣкѣ, къ которо-

му влекли его и фамильныя преданія, и личныя симпатіи. Съ 1871 года Гардинеръ состоялъ профессоромъ Королевской коллегіи (King's College) въ Лондонѣ; въ 1884 г. былъ приглашенъ въ Оксфордскій университетъ на кафедру, оставшуюся вакантною послѣ историка Фруда, но отказался отъ нея, такъ какъ предпочелъ остаться въ Лондонѣ, гдѣ сосредоточены необходимыя для его изслѣдованій архивы. Первымъ большимъ трудомъ Гардинера была десяти томная Исторія Англіи отъ восшествія на престолъ Іакова I до 1642 г., явившаяся плодомъ двадцатилѣтней усидчивой работы автора; затѣмъ слѣдовала Исторія гражданской войны 1642—1649 г. и, наконецъ, Исторія республики и правленія Кромвеля. До Гардинера были отдѣльныя изслѣдованія по исторіи Англіи въ XVII в., принадлежавшія такимъ извѣстнымъ авторамъ, какъ Гизо, Фостеръ, Галламъ, Карлейль; но работы Гардинера стоятъ выше ихъ по строгой системѣ и исчерпывающей полнотѣ. Гардинеръ пользовался данными не только англійскихъ архивовъ, но и французскихъ, испанскихъ, итальянскихъ и голландскихъ. Въ оцѣнкѣ личности Стюартовъ, въ особенности Карла I, онъ исправилъ ошибки, допущенныя Галламомъ и указанныя послѣднему извѣстнымъ Маколемъ. Основная мысль работъ Гардинера заключалась въ томъ, чтобы показать, насколько правительственныя силы и средства первыхъ Стюартовъ (Іакова I и Карла I) не соответствовали тѣмъ національнымъ и политическимъ задачамъ, которыя выдвигало время и состояніе общества. Въ этомъ отношеніи онъ воздалъ извѣстную дань уваженія государственному смыслу Тюдоровъ, совершенно правильно указавъ, что у нихъ на первомъ планѣ стояли интересы національные и общегосударственные; между тѣмъ Іаковъ I не зналъ ни Англіи, ни англійскаго общества, а Карлъ I не понималъ его и окружалъ себя людьми недостойными; правленіе Стюартовъ было временемъ общаго упадка, начиная съ вѣшняго престижа Англіи и кончая литературой. Гардинеръ не ограничивается вѣшними событіями, которымъ удѣляетъ сравнительно мало мѣста, но слѣдитъ за развитіемъ общества и его выразителя—парламента, особенно же палаты общинъ, показывая, какъ постепенно увеличивалось значеніе парламента и обаяніе его имени. У Гардинера находимъ указаніе на оппозицію пуританъ и юристовъ, которые умышленно ослабляли силу прецедента. Въ оцѣнкѣ историческихъ событій Гардинеръ былъ совершенно чуждъ какихъ бы то ни было партійныхъ взглядовъ и умѣлъ соблюдать полную объективность. Изложеніе у него незатѣйливо и просто, какъ костюмъ пуританина. Гардинеръ читалъ публичныя лекціи, которыя пользовались громаднымъ успѣхомъ. Все, что онъ говорилъ и писалъ, было неизмѣнно проникнуто глубокою вѣрою, строго взвѣшено и продумано.

Г. В. Демченко прочиталъ докладъ „Судебный прецедентъ“.

Содержаніе доклада сводилось къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Въ вопросѣ о судебномъ прецедентѣ дѣйствуютъ двѣ противоположныя системы: англійская и континентальная. Первая основана на признаніи безусловнаго, или условнаго, но обязательнаго значенія судебного прецедента, вторая—на его отрицаніи. Мало того, на континентѣ принципиально признается необходимость колебанія въ судебной практикѣ и правило, по которому судебная дѣятельность въ каждомъ отдѣльномъ дѣлѣ начинается сънова.

Теоретическія основанія, которыя обыкновенно приводятся къ пользу континентальной системы, сводятся къ слѣдующимъ тремъ главнымъ: раздѣленію властей, абстрактной сущности судебной дѣятельности и къ нѣкоторымъ соображеніямъ политики права.

Съ точки зрѣнія теории безусловнаго раздѣленія властей отвергаютъ значеніе прецедента потому, что безусловно не признаютъ за судебнымъ рѣшеніемъ болѣе общаго, чѣмъ по данному дѣлу значенія, относя установленіе всякаго рода общихъ нормъ къ функціямъ законодательной власти. Крайности этой точки зрѣнія опровергаются развитымъ въ 19 ст. ученіемъ объ источникахъ права, согласно которому законъ отнюдь не можетъ считаться единственной формой установленія общеобязательныхъ юридическихъ нормъ.

Абстрактную сущность судебной дѣятельности сводятъ къ формально-логическому построенію дедуктивнаго силлогизма, уподобляя судебное рѣшеніе его выводу, который не можетъ дать ничего новаго сравнительно съ большою посылкой — закономъ. Такое пониманіе неправильно, потому что судья не только производитъ формально-логическій выводъ, но и устанавливаетъ самый смыслъ закона.

Съ точки зрѣнія политики права отрицаютъ обязательное значеніе судебного прецедента на томъ основаніи, будто оно снабжаетъ судъ чрезмѣрной властью, которая въ состояніи нарушать гражданскую свободу и индивидуальную обезпеченность права, установленныя законодательною властью. Противъ этого достаточно указать на тотъ несомнѣнный фактъ, что страна, въ которой значеніе судебного прецедента признается, Англія, не только не страдаетъ отъ шаткости права, но, напротивъ, того, является страной классической законности. Противъ обязательнаго значенія судебного прецедента выдвигаютъ еще то, что возможны дурные прецеденты, которые могутъ извратить судебную практику. Это возраженіе легко отпарировать ссылкой на возможность дурныхъ законовъ, что подтверждается дѣйствительностью, и указаніемъ на то, что съ дурнымъ прецедентомъ легче бороться, чѣмъ съ дурнымъ закономъ,—этого никто отрицать не станетъ.

Если теоретическія основанія, приводимыя въ пользу отрицанія обязательнаго значенія судебного прецедента не убѣдительны, то факты прямо противорѣчатъ такому отрицанію. Вся жизнь суда опирается на невидимую силу прецедентовъ, путемъ изученія которыхъ создается и профессиональный судейскій опытъ. Принципіальное значеніе судебного прецедента усиливается въ настоящее время во Франціи и въ Германіи, о чемъ свидѣлствуютъ принципіальные же его противники (нпр., Лоранъ).

Въ силу присущаго людямъ вообще тяготѣнія къ авторитету, прецедентъ имѣетъ важное значеніе въ самыхъ разнообразныхъ сферахъ интеллектуальной и моральной дѣятельности чловѣка. Значеніе судебного прецедента не исчерпывается, однако, фактической, нравственной или логическою обязательностью, но покоится на обязанности юридической, такъ какъ дѣятельность суда обладаетъ всѣми признаками правообразованія, и судебная практика есть несомнѣнный источникъ права.

Предѣлы обязательности судебного прецедента не могутъ быть установлены общимъ образомъ и однообразно, такъ какъ они измѣняются въ зависимости отъ многообразныхъ условій мѣста и времени.

Примѣнительно къ Россіи докладчикъ высказался въ пользу усиленія значенія кассационныхъ рѣшеній Сената и формальнаго его признанія вопреки извѣстной формулы 1869 года¹⁾.

По содержанію доклада происходили пренія, во время которыхъ отдѣльными членами были высказаны слѣдующія мнѣнія.

Д. В. Туткевичъ отмѣтилъ теоретичность доклада и его недостаточность для юристовъ-практиковъ. Въ исторіи нашего новаго суда *Д. В.* отмѣтилъ два періода: первый, когда въ силу недружелюбнаго отношенія общества къ закону господствовало увлеченіе кассационными рѣшеніями, и позднѣйшій, — когда въ кассационныхъ рѣшеніяхъ разочаровались. Оппонентъ присоединяется къ этой реакціи. Дурную сторону господства въ судѣ кассационныхъ рѣшеній онъ видитъ въ томъ, что послѣднія устраняють изъ суда доктрину. Это явленіе нежелательное, потому что, по мнѣнію оппонента, *ratio auctoritatis* должна уступать *auctoritati rationis*. Весьма важно раздѣлитъ значеніе прецедента въ процессуальномъ и матеріальномъ правѣ, и въ послѣднемъ судебному прецеденту слѣдуетъ отводить возможно меньше мѣста. Какъ судья, оппонентъ не пошелъ бы дальше признанія за судебнымъ прецедентомъ совѣщательнаго значенія.

¹⁾ Докладъ Г. В. Демченко напечатанъ въ видѣ отдѣльнаго изслѣдованія подъ заглавіемъ „Судебный прецедентъ“. Варшава, 1903 г.

А. К. Сарандо съ практической точки зрѣнія безусловно признаетъ значеніе судебного прецедента, являющагося пробнымъ камнемъ закона и устраниющаго судебскій произволъ. Съ теоретической же стороны, А. К. считалъ бы нужнымъ представить исторію судебного прецедента, такъ какъ этимъ путемъ выяснилась бы его роль въ процессѣ правового развитія и такимъ образомъ было бы теоретически обосновано его дѣйствительное значеніе.

А. Г. Гусаковъ выразилъ свое принципиальное несогласіе съ докладомъ, основанное на отсутствіи въ послѣднемъ единства изслѣдуемаго объекта. Слово прецедентъ употребляется въ докладѣ въ разныхъ смыслахъ. Въ доказательствѣ обязательнаго значенія прецедента докладчикъ имѣлъ въ виду не специфическій прецедентъ въ англійскомъ смыслѣ, а толкованіе закона и творческую дѣятельность суда въ этомъ отношеніи. Но изъ этого никоимъ образомъ нельзя вывести обязательной силы прецедента. *Non exemplis, sed legibus indicandum est*, причемъ *lex* понимается здѣсь въ широкомъ смыслѣ нормы положительнаго права. Примѣнительно къ русской судебной практикѣ оппонентъ присоединяется къ мнѣнію Д. В. Туткевича.

В. Н. Александренко указалъ на то, что нельзя говорить объ англійской точкѣ зрѣнія на прецедентъ, какъ о чемъ-то единомъ и нераздѣльномъ, потому что въ самой Англій существуетъ нѣсколько точекъ зрѣнія. В. Н. Александренко согласенъ отчасти съ А. Г. Гусаковымъ, что въ докладѣ допущено смѣшеніе понятій. Исторія прецедента крайне сложная въ Англій: различно значеніе прецедента въ общихъ и канцелярскихъ судахъ; измѣнялось оно и во времени. Вообще особое положеніе англійскаго судебного прецедента вытекаетъ изъ особенностей англійскаго государственнаго строя, въ которомъ вся законодательная работа заканчивается въ парламентѣ, нѣтъ особаго „хранилища законовъ“, и судья вѣлѣдствіе всего этого поставленъ въ исключительныя условія, не имѣющія аналогіи на континентѣ.

Ө. В. Тарановскій выразилъ сожалѣніе, что ни въ докладѣ, ни въ преніяхъ не было дано точнаго опредѣленія судебного прецедента. Затѣмъ указалъ, что докладчикъ привелъ въ пользу обязательнаго значенія судебного прецедента римскую юридическую формулу: *res iudicata pro veritate habetur*. Это, по мнѣнію оппонента, неправильно. Приведенная формула освящаетъ значеніе т. н. формальной истины въ состязательномъ процессѣ и относится исключительно къ вопросамъ факта, а не права; между тѣмъ возможное значеніе судебного прецедента относится всецѣло къ вопросамъ права и, очевидно, не можетъ имѣть никакого отношенія къ вопросамъ факта,

А. К. Сарандо подтвердил дѣйствительную неумѣстность въ данномъ случаѣ формулы: *res iudicata pro veritate habetur*.

Соединяя въ одно возраженія оппонентамъ, Г. В. Демченко высказалъ слѣдующее: 1) Въ докладѣ придавалось прецеденту самое широкое значеніе въ смыслѣ предшествовавшаго судебнаго рѣшенія, которое является примѣромъ для послѣдующихъ и оказываетъ на нихъ вліяніе. Точныхъ опредѣленій докладчикъ избѣгалъ, чтобы не суживать вопроса и не поднимать на этой почвѣ старыхъ, теперь уже оставленныхъ контраверзъ. Широкая постановка вопроса вполне допускается и англійской судебной практикой, въ которой различаются креативные и декларативные прецеденты. 2) Что касается темныхъ сторонъ примѣненія прецедента въ различныхъ судахъ, то онѣ не могутъ ослабить тезисовъ доклада, потому что весьма часто практика извращаетъ и вполне несомнѣнные теоретическіе принципы. Вообще докладчикъ далекъ отъ того, чтобы прописывать какіе бы то ни было рецепты; онъ констатировалъ несомнѣнный фактъ и старался дать ему теоретическую оцѣнку и конструкцію. 3) Докладчикъ готовъ отказаться отъ формулы *res iudicata pro veritate habetur*, чтобы не смущать оппонентовъ, но этимъ нисколько не ослабляются его основныя положенія. 4) Докладчикъ согласенъ, что въ Англіи существуетъ нѣсколько точекъ зрѣнія на судебный прецедентъ, но самъ онъ говорилъ объ англійской системѣ не теоріи, но практики, которая одна.

IV.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

20-го марта 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 23 члена Общества.

Слушали докладъ *Э. Э. Зимеля* „Юридическое образованіе въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ“.

Содержаніе доклада сводилось къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Юридическое образованіе въ С. А. С. Штатахъ является продуктомъ своеобразныхъ условій сѣверо-американской жизни, для пониманія котораго необходимо знакомство съ особенностями послѣдней. Лучшимъ пособіемъ для изученія соціальной и политической жизни сѣверо-американской республики являются труды Джемса Брайса; какъ его классическое *The american commonwealth*, такъ и въ высшей сте-

пени цѣнныя его *Studies in history and jurisprudence* (последнія въ 2 томахъ вышли въ печати въ декабрь 1901 года). Только запасшись руководящими идеями Брайса, можно болѣе или менѣе успѣшно разобратся въ крайне своеобразной, съ нашей европейской точки зрѣнія, жизни С. А. С. Штатовъ и понять обусловленное последней юридическое образованіе, принятое въ заатлантической великой державѣ.

Изученіе вопроса объ юридическомъ образованіи въ С. А. С. Штатахъ является весьма труднымъ вслѣдствіе того, что образованіе вообще предоставлено тамъ свободной общественной самостоятельности и потому крайне разнообразно, видоизмѣняясь по отдѣльнымъ учрежденіямъ въ зависимости отъ конкретныхъ условій почти каждаго учебнаго заведенія.

Лучшимъ источникомъ для изученія вопроса объ юридическомъ образованіи въ С. А. С. Штатахъ является цѣнное изданіе *Reports of Commissions of Education, Proceeding of the section of legal education The American Bar Association, 1894.*

Юридическое образованіе въ С. А. С. Штатахъ развивается самостоятельно внѣ государственной опеки и помимо принудительныхъ требованій, потому что вообще образованіе въ Америкѣ предоставлено частной инициативѣ, и юридическая практика подводится подъ общее начало свободы профессиональнаго труда, такъ что для занятія ею въ преобладающемъ большинствѣ штатовъ не требуется ни диплома, ни спеціальнаго экзамена.

Преподаваніе права въ С. А. С. Штатахъ входитъ въ кругъ какъ высшаго, такъ и средняго образованія.

Въ послѣднемъ оно ограничивается элементарнымъ общимъ ученіемъ объ американскомъ правѣ и государствѣ, которое дается либо въ видѣ особаго предмета, либо въ связи съ исторіей или географіей.

Высшее юридическое образованіе сѣверные американцы получаютъ въ спеціальныхъ школахъ правовѣдѣнія, а также въ университетахъ и коллегіяхъ, въ которыхъ имѣются особые департаменты права.

Вполнѣ предоставленное свободному развитію высшее юридическое образованіе въ С. А. С. Штатахъ не знаетъ ни обязательной программы, ни общепризнаннаго метода преподаванія. И то, и другое разнится по отдѣльнымъ учрежденіямъ. Наблюдателю приходится самому дѣлать общій выводъ.

Относительно программы высшее юридическое образованіе въ С. А. С. Штатахъ рѣзко отличается отъ европейскаго тѣмъ, что въ немъ преобладаетъ прикладная юриспруденція, исключительно изучаемая въ періодъ университетскихъ, выражаясь европейскимъ терминомъ, штудій.

Такое практическое направленіе изученія объясняется непосредственной связью въ Америкѣ всякой школы съ жизнью, запросы которой выдвигаютъ образовательныя учрежденія и непрестанно контролируютъ ихъ.

Контроль этотъ облегчается своеобразнымъ устройствомъ управленія высшихъ учебныхъ заведеній. Окончившіе въ нихъ курсъ образуютъ общество, которое избираетъ изъ своей среды тьюторовъ. Совѣтъ тьюторовъ, избранныхъ обыкновенно изъ числа вліятельныхъ по социальному своему положенію лицъ, управляетъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ. Ректоръ и профессора являются только исполнительными органами. Благодаря такой организаціи управленія, непосредственныя потребности практической жизни непрестанно регулируютъ направленіе университетскихъ занятій, удерживая ихъ отъ излишней теоретичности и академической замкнутости.

Теоретическое изученіе права является въ С. А. С. Штатахъ надстройкою надъ практическимъ изученіемъ, и ему посвящаютъ себя лица, уже прослушавшія полный курсъ юридическихъ предметовъ въ специальной школѣ или въ департаментѣ права коллегіи, либо университета.

Такимъ образомъ въ противоположность юридическому образованію Европы, дедуцирующему отъ теоріи права къ прикладной юриспруденціи, юридическое образованіе въ С. А. С. Штатахъ индуцируетъ отъ прикладной юриспруденціи къ теоретическимъ обобщеніямъ и принципамъ науки права.

Что касается метода преподаванія права въ С. А. С. Штатахъ, то онъ тройкій и складывается изъ: 1) чтенія профессорами лекцій, 2) изученія студентами учебниковъ и спрашиванія ихъ профессорами, и 3) изученія и разработки судебныхъ дѣлъ.

Послѣдними двумя приѣмами американскій методъ преподаванія права разнится отъ европейскаго.

Докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній, во время котораго отдѣльными членами высказано было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

В. Н. Александренко отмѣтилъ, что особенная цѣнность доклада заключается въ томъ, что все его положенія основаны на непосредственныхъ личныхъ наблюденіяхъ автора, путешествовавшаго съ научною цѣлью по С. А. С. Штатамъ. Желая использовать цѣнный матеріалъ, собранный докладчикомъ, *В. Н. Александренко* предложилъ нѣсколько вопросовъ развивающихъ содержаніе доклада. Вопросы были слѣдующіе. Какъ пополняется профессорскій персоналъ для преподаванія права? Какія требованія предлагаются лицамъ, ищущимъ юридическихъ каедръ? Что такое представляетъ изъ себя сѣверо-

американскій университетъ сравнительно съ университетомъ европейскимъ? Со своей стороны, онъ указалъ, что содержаніе права развивалось въ Сѣверной Америкѣ параллельно съ развитіемъ тамъ внѣшнихъ отношеній къ метрополіи и государственности. Въ колониальный періодъ отдаленность отъ метрополіи порождала необходимость приготовленія мѣстныхъ юристовъ главнымъ образомъ для дѣятельности въ судахъ. Сообразно этому преподаваніе права ограничивалось тѣми предметами, которые имѣли непосредственное отношеніе къ судебной практикѣ. Съ образованіемъ самостоятельной государственности С. А. С. Штатовъ юридическое образованіе обогатилось правомъ государственнымъ и международнымъ, въ особенности частнымъ; последнее преподается въ Сѣверной Америкѣ столь обстоятельно, какъ нигдѣ въ Европѣ, за исключеніемъ развѣ лишь одного Туринскаго университета.

И. И. Иванюковъ, ссылаясь на личныя свои наблюденія, вынесенныя изъ путешествія по Сѣверной Америкѣ, и на свидѣтельство М. М. Ковалевскаго, читавшаго лекціи въ университетѣ Чикаго, указалъ на то, что ученое и учебное устройство нѣкоторыхъ сѣверо-американскихъ университетовъ организовано по европейскимъ образцамъ; такъ, Гарвардскій университетъ представляетъ собою сколокъ съ Оксфордскаго, университетъ въ Чикаго—съ германскихъ университетовъ. Затѣмъ *И. И. Иванюковъ* сказалъ, что желательно было бы просить уважаемаго докладчика о томъ, чтобы онъ удѣлилъ обществу еще одинъ докладъ — о преподаваніи въ С. А. С. Штатахъ общественныхъ наукъ.

Н. Н. Любовичъ присоединился къ выраженію этого желанія и къ вытекающей изъ него просьбѣ. Сверхъ того, *Н. Н. Любовичъ* предложилъ докладчику вопросъ, существуетъ ли въ С. А. С. Штатахъ самостоятельная разработка юридическихъ наукъ, такъ какъ ему извѣстно, что историч. наука поставлена тамъ на самыхъ прочныхъ началахъ.

Въ отвѣтъ на выдвинутые обмѣномъ мнѣній вопросы *Ө. Ө. Зигель* высказалъ въ основныхъ чертахъ нижеслѣдующее: 1) Каѳедры замѣщаются лицами, прошедшими высшія schools for graduates. 2) Американскіе университеты не могутъ быть подведены подъ одинъ общій типъ; въ развитіи ихъ, однако, можно подмѣтить тенденцію къ типу universitatis litterarum, и даже litterarum et artium. 3) Самостоятельная разработка юридическихъ наукъ существуетъ въ Америкѣ и проявляется своеобразно даже въ т. н. общей теоріи права. 4) Новаго доклада о преподаваніи общественныхъ и политическихъ наукъ въ С. А. С. Штатахъ докладчикъ, за недостаткомъ времени, не можетъ обѣщать въ скоромъ времени.

Ө. В. Тарановскій прочиталъ докладъ „Новѣйшее ученіе о феодализмѣ удѣльной Руси“.

Содержаніе доклада сводилось къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Отличительными признаками и основными учрежденіями феодальной государственности являются: доменъ — сеніорія, какъ институтъ организованной и обеспеченной иммунитетомъ державной власти болѣе или менѣе крупнаго землевладѣльца „благороднаго“ происхожденія надъ несвободными, полусвободными и во всякомъ случаѣ низшаго сословія людьми, живущими и на самыхъ разнообразныхъ юридическихъ основаніяхъ работающими на его землѣ, и ленный договоръ, устанавлиющій взаимную зависимость между вполне свободными и „равнородными“ людьми, какъ личную, такъ и поземельную.

Къ изученію феодализма были послѣдовательно примѣняемы три основныхъ метода: политическій, соціально-политическій и соціально-экономическій. Основательное знакомство съ феодализмомъ началось послѣ примѣненія втораго изъ указанныхъ методовъ и достигло наибольшаго развитія благодаря примѣненію послѣдняго изъ нихъ.

Вооружившись соціально-политическимъ методомъ, молодой историкъ Н. П. Павловъ-Сильванскій произвелъ переизслѣдованіе политико-правового строя удѣльной Руси и послѣдовательно констатировалъ въ немъ рядъ феодальныхъ отношеній, каковы: закладничество — патронатъ, иммунитетъ, вассальная служба, ленное землевладѣніе и раздробленіе суверенитета по княжескимъ удѣламъ и боярскимъ иммунитетамъ.

Вышедшія до сихъ поръ изслѣдованія Н. П. Павлова-Сильванскаго являются лишь началомъ дальнѣйшихъ задуманныхъ и подготовляемыхъ имъ работъ о русскомъ феодализмѣ, въ которыхъ авторъ обѣщаетъ перейти отъ соціально-политическаго метода изслѣдованія къ соціально-экономическому.

Сдѣланные до сихъ поръ выводы и положенія Н. П. Павлова-Сильванскаго заслуживаютъ научнаго призванія или, по меньшей мѣрѣ, особаго вниманія со стороны ученыхъ специалистовъ.

Полное разрѣшеніе вопроса о феодализмѣ удѣльной Руси нуждается еще, кромѣ солиднаго экономическаго обоснованія, обѣщаннаго Н. П. Павловымъ-Сильванскимъ, въ специальномъ изслѣдованіи цѣлаго ряда вопросовъ, изъ которыхъ важнѣйшими можно признать слѣдующіе: 1) выясненіе строя русскаго домена; 2) изученіе въ удѣльной Руси сословности, какъ существеннаго продукта и признака феодализма; 3) проведеніе сравненія нашего удѣльнаго періода съ эпохой не только образованія, но и полнаго расцвѣта феодализма на западѣ; 4) разъясненіе военной организаціи, въ частности, — военнаго предводительства феодаловъ; 5) органическое объясненіе „скняженія“ земли, являюща-

гося пока какъ *deus ex machina*; 6) вообще выясненіе вопроса о феодальной іерархіи; 7) подробное изученіе феодальныхъ отношеній по отдѣльнымъ русскимъ землямъ.

Крупная заслуга Н. П. Павлова-Сильванскаго заключается въ томъ, что его изслѣдованія разрушаютъ ничѣмъ не оправдываемую условность, къ сожалѣнію, принятую въ разработкѣ исторіи русскаго права, въ силу которой сравнительно-историческій методъ, съ усиліемъ примѣняемый къ до-удѣльному и петербургскому періодамъ, ступеньвается при изученіи періода московскаго и удѣльнаго. Вслѣдствіе этого въ послѣднемъ царитъ самодѣльщина самобытныхъ идей и категорій, только тормозящая научное развитіе¹⁾.

По содержанію доклада высказалъ свое мнѣніе *Н. Н. Любовичъ*, который принципиально разошелся съ докладчикомъ въ оцѣнкѣ реферированнаго ученія, и, говоря, что на основаніи сходства отдѣльныхъ интитуттовъ нельзя еще дѣлать заключенія о сходствѣ политическаго строя въ его цѣломъ, отрицалъ существованіе на Руси феодализма. Послѣднее свое отрицаніе оппонентъ основывалъ на томъ, что на Руси не было феодализации государственныхъ должностей и сослался въ этомъ отношеніи на Вайца, который считаетъ однимъ изъ основныхъ признаковъ феодализма развитіе владѣтельныхъ правъ изъ делегированныхъ правъ должностнаго лица.

V.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

30-го марта 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовали 34 члена Общества.

Въ этомъ засѣданіи *О. О. Базинеръ* прочиталъ докладъ „Народныя сказанія о происхожденіи дѣтей“. Содержаніе доклада слѣдующее.

Ходячія повѣрья, будто новорожденнаго ребенка приносятъ изъ колодца аистъ или его снимаютъ съ дерева и т. п., не представляютъ какихъ либо позднѣйшихъ басенъ, произвольно придуманныхъ взрослыми, съ цѣлью отвлечь любопытство дѣтей отъ акта дѣторожденія;

¹⁾ Докладъ *О. В. Тарановскаго* напечатанъ подъ заглавіемъ „Феодализмъ въ Россіи. Критическій очеркъ“, въ Варш. Унив. Извѣстіяхъ, 1902 г., кн. IV и отд. изд. 1902 г.

наоборотъ, они являются переживаніями и отголосками первобытныхъ вѣрованій, серьезное значеніе которыхъ было въ послѣдствіи только забыто. По мнѣнію докладчика, въ основѣ всѣхъ этихъ повѣрій о происхожденіи дѣтей лежатъ древнѣйшія миѳическія представленія религіознаго характера. На это указываетъ уже то обстоятельство, что у нѣмцевъ въ этихъ сказаніяхъ играютъ, между прочимъ, видную роль такіа миѳическія существа, какъ германская богиня Голла или Бѣлая женщина, иногда—Божія Матерь. На ряду съ человѣкоподобными существами миѳическаго характера, въ качествѣ приносителей новорожденныхъ дѣтей въ сказаніяхъ у тѣхъ или другихъ народовъ выступаютъ и разные животныя: аистъ, лебедь, заяцъ, кошка, божья коровка, бѣлый мотылекъ (Miller-maler), ворона, сорока, коршунъ-лунь, лисица и собака. Мѣста, откуда, по сказаніямъ, доставляются новорожденные, разные: пруды, колодцы, деревья, дубовыя корыта, горы, пещеры, луга, заячьи норы, или „страна ангеловъ“ (Engelland). Эти мѣста, по словамъ докладчика, имѣютъ такой же миѳическій характеръ, какъ и вышеназванные приносители дѣтей, и по существу, въ миѳологическомъ смыслѣ, должны быть признаны столь же тождественными между собою, какъ тождественны, въ свою очередь, и всѣ существа, доставляющія дѣтей изъ этихъ мѣстъ. По мнѣнію докладчика, приносители дѣтей первоначально означали луну, т. е. являлись миѳическимъ олицетвореніемъ послѣдней, въ той или другой формѣ, человѣкообразной или животноподобной. Разсматривая въ отдѣльности каждое изъ этихъ существъ, докладчикъ приводитъ изъ миѳологіи (г. е. индо-европейскихъ народовъ) много данныхъ въ доказательство, что всѣ эти существа и въ другихъ миѳологическихъ сказаніяхъ и религіозныхъ культахъ часто выступаютъ въ качествѣ олицетвореній либо солнца либо луны. Въ сказаніяхъ о рожденіи дѣтей эти приносители, по мнѣнію докладчика, являются олицетвореніями (позднѣе—символами) именно луны, такъ какъ послѣдняя первобытнымъ людямъ представлялась въ видѣ существа женскаго пола, при чемъ такое представленіе основывалось главнымъ образомъ на томъ, что лунѣ вездѣ и всегда приписывали непосредственное вліяніе какъ на половую жизнь женщины вообще, такъ и на дѣтороженіе въ частности. Сдѣлавъ заключеніе, что въ концѣ концовъ, по народнымъ сказаніямъ, дѣтей приноситъ на землю луна, докладчикъ далѣе остановилъ вниманіе слушателей на повѣрьяхъ о мѣстахъ, откуда приносятся младенцы. Эти мѣста, по мнѣнію референта, первоначально обозначили *небо*. Къ такому выводу можно прійти путемъ аналогіи, и на основаніи данныхъ изъ другихъ миѳовъ, въ которыхъ небо представляется въ видѣ горы, пещеры, дерева, моря, пруда, колодца или, наконецъ—поля, луга и сада. Придя къ заключенію, что первоначальный смыслъ сказаній о про-



исхожденіи дѣтей относится къ лунѣ, докладчикъ поставилъ, наконецъ, и третій вопросъ, вызываемый разсматриваемыми сказаніями: кто же эти дѣти, которыхъ приноситъ луна съ неба? Это, по словамъ докладчика, звѣзды. Такимъ образомъ весь смыслъ сказаній состоитъ въ слѣдующемъ: луна приноситъ звѣзды; она является на небѣ въ сопровожденіи звѣздъ, какъ мать, окруженная своими дѣтьми. Это заключеніе докладчикъ подтверждаетъ указаніями на миѳы, въ которыхъ луна и солнце представляются, какъ два любящіе другъ друга существа, которые разъ въ мѣсяцъ (во время новолунія) любовно другъ съ другомъ сходятся и дѣтьми которыхъ являются звѣзды. Такое миѳическое представленіе, воспроизводимое нерѣдко новѣйшими поэтами (напр., у Гейне въ стихотвореніи „Закатъ солнца“), лежитъ въ основѣ многихъ т. н. „солнечныхъ“ пѣсенъ, въ которыхъ божья коровка, олицетворяющая собою солнце или луну, прославляется вмѣстѣ съ ея дѣтками, т. е. звѣздами, обитающими въ ея небесномъ домѣ. Съ теченіемъ времени, когда почитаніе небесныхъ свѣтилъ было забыто, сказанія о происхожденіи новорожденныхъ, относившіяся первоначально къ этимъ свѣтиламъ, были перенесены съ неба на землю, постепенно влѣдствіе этого опошлись и превратились въ шуточные басни, которые потому только и сохранились до сихъ поръ въ народѣ, что нѣкогда онѣ составляли священное наслѣдіе старины, переходившее отъ поколѣнія къ поколѣнію.—Докладъ сопровождался преніями¹⁾.

И. П. Созоновичъ выразилъ недоумѣніе относительно самой постановки вопроса. Оппонентъ думалъ, что докладчикъ, взявшій исходнымъ пунктомъ нѣсколько ходячихъ шуточныхъ выраженій о происхожденіи дѣтей, станетъ разсматривать ихъ съ точки зрѣнія фольклора, изъ предѣловъ котораго и не выйдетъ. Но случилось иначе. Докладъ, сопоставившій эти выраженія съ миѳическими представленіями о небесныхъ свѣтилахъ, цѣликомъ былъ посвященъ небесной миѳології. Далѣе оппонентъ отрицалъ миѳологическую точку зрѣнія докладчика въ объясненіи народныхъ сказаній германскаго эпоса. По его мнѣнію, теорія де-Губернатиса, въ духѣ котораго написанъ докладъ, послѣ изслѣдованій А. Н. Веселовскаго отвергнута наукой. „Лисица“, говорилъ А. Веселовскій, съ насмѣшкой отзывавшійся объ этой теоріи, „раньше проказничала въ курятникѣ, затѣмъ была перенесена на небо, а не наоборотъ“. Источникомъ германской миѳології считали Эдду. Между тѣмъ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ скандинавскихъ ученыхъ оказывается, что Эдда въ значительной части своего состава

¹⁾ Докладъ О. О. Базинера напечатанъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1902 г., кн. V; есть и отдѣльные оттиски (Варшава, 1902 г.).

сложилась подъ вліяніемъ классическихъ и христіанскихъ понятій, значить—не такъ ужъ давно. На Эддѣ видно также вліяніе бібліи (древо). И славянскій эпосъ, по словамъ оппонента, также не представляетъ старины, которую слѣдовало бы относить къ первобытнымъ временамъ. *Mater verborum* (въ чешской литературѣ), считавшаяся источникомъ для опредѣленія міеологическихъ понятій славянъ, потеряла этотъ характеръ, послѣ того какъ Патера доказалъ, что эти міеологическія данныя были позднѣйшими вставками. Славянскія народныя сказки заключаютъ въ себѣ много книжныхъ отголосковъ; тоже слѣдуетъ сказать и о животномъ эпосѣ: многія басни въ основѣ восходятъ къ книжнымъ источникамъ. Въ заключеніе И. П. Созоновичъ замѣтилъ, что придерживаться въ ученомъ рефератѣ одной только точки зрѣнія на предметъ, когда въ наукѣ существуютъ и другія (напр., Лангъ объясняетъ небесную міеологию земной), большая ошибка со стороны автора.

О. Ѳ. Базинеръ возразилъ слѣдующее. Что въ наукѣ на разсматриваемыя народныя сказанія существуетъ разнообразіе въ точкахъ зрѣнія, это докладчику хорошо извѣстно. Если ак. Веселовскій смѣялся надъ теоріей де-Губернатиса, то вѣдь его насмѣшки ни для кого не обязательны. Докладчикъ вовсе не раздѣляетъ мнѣнія И. П. Созоновича, что теорія де-Губернатиса послѣ этихъ насмѣшекъ была, какъ онъ выразился, совсѣмъ „смыта“ въ наукѣ. Изучая міеологию, докладчикъ пришелъ къ положительному заключенію, что культъ луны и солнца нѣкогда существовалъ и имѣлъ огромное вліяніе на образованіе міеовъ, хотя Воеводскій, на котораго указалъ оппонентъ, по словамъ докладчика, и много увлекался. Такія научныя силы, какъ проф. Узенеръ, признавали міеологическую точку зрѣнія. Нельзя также съ рѣшительностью утверждать и того, будто Эдда и вся вообще сѣверная германская міеологія возникли изъ подражанія древне-греческимъ и біблейскимъ религіознымъ представленіямъ. Софусъ Буге старался это доказать, но его натяжки въ сравненіяхъ почти никого не убѣдили. Что культъ луны и солнца существовалъ между прочимъ и у германцевъ, доказательствомъ этого служатъ слова Цезаря, который говоритъ, что германцы почитали *solem et lunam*. Народныя сказанія отличаются необыкновенною живучестью и въ своихъ основахъ восходятъ въ большинствѣ случаевъ къ очень древнимъ представленіямъ. Вліяніе литературныхъ и другихъ болѣе позднихъ источниковъ обнаруживается тутъ въ сравнительно слабой степени, причемъ самое распространеніе въ народѣ этихъ книжныхъ наслоеній возможно, по словамъ докладчика, лишь въ томъ случаѣ, когда имъ болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ возникшее уже въ самомъ народѣ представленіе, которое является всегда зерномъ сказанія.

А. В. Михайловъ замѣтилъ, что при объясненіи славянскаго, въ частности русскаго эпоса, руководствоваться одной теоріей литературныхъ заимствованій будетъ такъ же ошибочно, какъ и стоять на одной только мифологической точкѣ зрѣнія или выходить исключительно изъ однихъ общихъ представлений о законахъ развитія природы человѣка и исходныхъ условіяхъ народной жизни. Поэтому, совершенно отвергать мифологическую точку зрѣнія, при изученіи народнаго эпоса, вовсе не приходится.

И. П. Созиновичъ сказалъ, что его слова относятся только къ германскому народному эпосу, точнѣе—къ явленіямъ болѣе поздняго времени въ разсматриваемой области, вообще же мифологическую точку зрѣнія онъ не отрицаетъ.

А. В. Михайловъ не согласился съ мнѣніемъ докладчика, что выраженія, въ родѣ „гусь-лебедь“ и т. п. слѣдуетъ вообще объяснять словарной бѣдностью языковъ въ ихъ первобытномъ состояніи. Оппонентъ, напротивъ, думаетъ, что названіями предметовъ и явленій вещественной природы не только первобытный, но всякій вообще древній языкъ богаче языка новаго. Наука о языкѣ подтверждаетъ это заключеніе многочисленными сравненіями и аналогіями. Чѣмъ ближе человѣкъ стоитъ къ природѣ, тѣмъ богаче его словарь названіями предметовъ и явленій видимаго и доступнаго его наблюденію міра; у арабовъ, напр., существуетъ болѣе 5000 словъ-синонимовъ для названія верблюда и т. п. *О. Θ. Базинеръ* не призналъ такого взгляда правильнымъ.

Е. Θ. Карскій замѣтилъ, что мифологическая точка зрѣнія, какой исключительно придерживался докладчикъ, отживаетъ уже свой вѣкъ и уступаетъ мѣсто точкамъ зрѣнія литературной и антропологической, съ которыхъ, по мнѣнію оппонента, и слѣдуетъ только въ настоящее время смотрѣть при изученіи народнаго эпоса во всѣхъ его видахъ.

И. П. Добровольскій обратилъ вниманіе на методъ докладчика. По его мнѣнію докладчикъ, разсмотрѣвшій факты съ одной лишь точки зрѣнія и не выяснившій своего отношенія къ другимъ теоріямъ, этимъ самымъ какъ бы уничтожилъ всѣ добытые имъ результаты въ глазахъ аудиторіи, которая услышала, что теорія *О. Θ.*-ча является спорной. Впечатлѣніе, произведенное докладомъ, оппонентъ уюдобилъ впечатлѣнію, вынесенному имъ изъ книги и чтеній проф. Воеводскаго, т. е.—много цѣнныхъ фактовъ съ одной стороны и неувѣренность въ правильномъ освѣщеніи этихъ фактовъ—съ другой. *О. Θ. Базинеръ* согласился, что Воеводскій, прочитавшій нѣкогда курсъ мифологіи совершенно неподготовленнымъ студентамъ, сдѣлалъ большую ошибку, и,

конечно, заслужилъ упрекъ. Но онъ, докладчикъ, выступилъ со своимъ рефератомъ въ ученое общество; съ другой стороны, онъ указывалъ на разъясненія мифовъ, сдѣланныя уже въ наукѣ. Что такія, напр., божества, какъ Геката, Гера и др. были лунными богинями, это всѣми признается. Выходя изъ этихъ положеній, докладчикъ, по его словамъ, только сдѣлалъ общій выводъ изъ того, что уже считается достояніемъ науки; говорить же вообще о мифологіи, т. е. начинать все ab ovo, докладчикъ не считалъ умѣстнымъ въ данномъ случаѣ.

Θ. В. Тарановскій попросилъ собраніе, чтобы нѣсколько словъ, исходящихъ отъ него, какъ не-специалиста по вопросамъ доклада, были приняты въ качествѣ голоса изъ публики, съ интересомъ прослушавшей докладъ. Θ. В. считаетъ „общественное“ объясненіе народныхъ сказаній болѣе близкимъ къ исторической правдѣ и, несомнѣнно, болѣе плодотворнымъ въ дѣлѣ изученія разныхъ сторонъ до-историческаго быта народовъ (блестящее его примѣненіе представляетъ цѣнная работа Θ. И. Леонтовича „Арійскія основы общественнаго быта древнихъ славянъ“ 1897 г.). Но это еще не исключаетъ научной возможности и *солярной* теоріи. Последняя вполне примѣнима къ сказаніямъ о происхожденіи дѣтей, такъ какъ здѣсь основаніемъ могли служить вполне положительныя наблюденія надъ отношеніемъ луны къ половой жизни женщины и къ продолжительности періода беременности. Но и принимая солярную теорію въ данномъ случаѣ, не слѣдуетъ забывать могучаго значенія начала общественной дифференціаціи, которое могло проявиться въ признаніи различнаго (напр., отъ разныхъ небесныхъ свѣтилъ) происхожденія дѣтей различныхъ общественныхъ классовъ, особенно тамъ, гдѣ послѣдніе приняли рѣзкую форму кастъ.

VI.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

3-го апрѣля 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 20 членовъ Общества.

Слушали докладъ *кн. С. А. Друцкого* „Военно-уголовное право, его современное состояніе и задачи“.

Докладъ содержалъ въ себѣ слѣдующія основныя положенія.

Военно-уголовное право представляетъ собою въ настоящее время только зарождающуюся отрасль научнаго правовѣднія.

Среди публики и даже среди ученых юристов существует сомнѣніе въ возможности существованія такой самостоятельной научно-юридической отрасли.

Главная причина такого скептическаго отношенія къ военно-уголовному праву коренится въ особенностяхъ уголовного процесса, каковы: участіе въ немъ начальства и инквизиціонный характеръ самаго процесса, существовавшій до послѣдняго времени. Обѣ эти особенности покрывали примѣненіе военно-уголовныхъ законовъ непроницаемой тайной и этимъ тормозили свободное теоретическое развитіе военно-уголовнаго права.

Научная разработка послѣдняго представлена въ литературѣ крайне скудно. Немногочисленные изслѣдованія по военно-уголовному праву, иностранныя и русскія, относятся къ новѣйшему времени.

Юристы общаго права не удѣляютъ должнаго вниманія праву военно-уголовному.

Между тѣмъ военно уголовное право обладаетъ всеми данными для того, чтобы стать самостоятельной отраслью юриспруденціи, равноправною съ другими ея дисциплинами.

Фактическое существованіе военно-уголовнаго права, какъ и самое существованіе войска, принадлежитъ исконной древности и имѣетъ за собою продолжительную исторію.

Особыя цѣли военной организаціи и своеобразныя условія военнаго быта порождаютъ особыя нормы военнаго права, нарушеніе которыхъ въ ихъ реальномъ бытіи образуетъ особыя воинскія преступленія, являющіяся самостоятельнымъ объектомъ военно-уголовнаго права.

Самостоятельность послѣдняго зиждется на военной дисциплинѣ, которая представляетъ собою необходимое условіе существованія войска и специфическій признакъ военнаго быта.

Поэтому необходимо точно опредѣлить понятіе военной дисциплины.

Существующія опредѣленія военной дисциплины могутъ быть сведены къ тремъ основнымъ видамъ: 1) военную дисциплину уподобляютъ законамѣрности; 2) сводятъ ее къ отношенію между начальникомъ и подчиненнымъ; 3) отождествляютъ съ повиновеніемъ.

Этими опредѣленіями нельзя удовлетвориться, потому что нельзя не признать, что военная дисциплина отлична отъ законамѣрности, равно обязательной какъ для военныхъ, такъ и для не-военныхъ; основанное на дисциплинѣ, военное право объемлетъ собою не только отношенія между подчиненнымъ и начальниками, но и отношенія меж-

ду равными воинскими чинами; повиновение есть слѣдствіе дисциплины, а не самая дисциплина.

Въ опредѣленіи военной дисциплины необходимо устранить указанныя противорѣчія, а также объяснить такія явленія, какъ коллизія обязанностей и правъ воинскихъ и общегражданскихъ, и требуемое военной дисциплиной полнѣйшее самопожертвованіе.

Принявъ во вниманіе все указанное, докладчикъ опредѣлилъ военную дисциплину какъ воспитаніе воиновъ въ непреложномъ духѣ подчиненія собственной воли волѣ верховнаго вождя войска.

Воспитаніе это нуждается въ извѣстныхъ случаяхъ въ репрессіи, а репрессія, въ свою очередь, — въ организаціи. Плодомъ этой организаціи является военно-дисциплинарное право.

Изъ послѣдняго по формальному признаку тяжести наказанія выдѣляется право военно-уголовное.

Теоретическая обработка военно-уголовнаго права должна сочетать въ себѣ основные принципы общаго права со своеобразнымъ духомъ военной дисциплины.

Прежде всего необходимо разграничить воинскія преступленія отъ общихъ.

Воинскія преступленія должны заключаться исключительно въ нарушеніи специальныхъ обязанностей, налагаемыхъ военной дисциплиной, и отнюдь не въ нарушеніи общихъ законодательныхъ заповѣдей.

Совершенно особый характеръ носятъ и причины воинскихъ преступленій. Онѣ не поддаются объясненію ни съ антропологической, ни съ соціальной точекъ зрѣнія, примѣняемыхъ въ настоящее время къ объясненію преступленій общаго права. Какъ, на примѣръ, объяснить на основаніи данныхъ антропологической или соціальной теоріи то, что человѣкъ заснулъ на часахъ и этимъ совершилъ одно изъ тяжкихъ воинскихъ преступленій?

Въ особой разработкѣ нуждается также вопросъ о военно-уголовномъ наказаніи.

Въ основу послѣдняго должно быть положено исключительно воспитательное назначеніе, и формы его осуществленія должны быть сообразованы какъ со срочностью военной службы, такъ и съ непозорностью многихъ изъ воинскихъ преступленій.

Сообразно съ этимъ долженъ быть признанъ подлежащимъ отмѣнѣ въ войскахъ разрядъ штрафованныхъ и связанное съ нимъ тѣлесное наказаніе; вмѣстѣ съ тѣмъ въ высшей степени желательно введеніе въ военно-уголовное право условнаго осужденія, и въ военный судъ — неопредѣленныхъ приговоровъ.

Настоятельно требует пересмотра устарѣлая и отсталая постановка въ нашемъ военно-уголовномъ правѣ такихъ вопросовъ, какъ отношеніе къ вѣроятности состоянія опьяненія, значеніе для вѣненія обязательной силы приказа, и необходимая оборона противъ преступнаго посягательства со стороны начальника.

По вопросу о значеніи опьяненія наиболее раціональнымъ является постановленіе австрійскаго законодательства, по которому въ случаѣ совершенія преступленія въ состояніи неумышленного опьяненія лицо подлежитъ наказанію только за опьяненіе, а не за содѣянное преступленіе.

Въ вопросѣ о значеніи для вѣненія обязательной силы приказа слѣдуетъ стать на сторону ограниченія такой обязательной силы. Ограниченіе это находитъ свои предѣлы въ законмѣрности приказа, формальной и, главнымъ образомъ, матеріальной. При этомъ необходимо различать субъективную и объективную законмѣрность приказа. Первая относится къ компетенціи отдающаго приказъ начальника, вторая—къ значенію самаго дѣйствія, совершить которое приказываютъ. Только объективная противозаконность лишаетъ приказъ обязательной силы и потому не устраняетъ вѣненія.

Отрицаніе необходимой обороны противъ преступнаго посягательства со стороны начальника основано на смѣшеніи повинновенія съ формальнымъ чинопочитаніемъ. Если же этого неправильнаго смѣшенія не дѣлать, то слѣдуетъ допустить у подчиненнаго право какъ на пассивную защиту, такъ и на активную необходимую оборону противъ преступнаго посягательства со стороны начальника. Можно ограничить въ данномъ случаѣ средства обороны, но принципиально необходимо ее признать.

Иностранныя законодательства, въ частности австрійское, признають за воинскими чинами—офицерами привилегію на оборону чести при словесныхъ оскорбленіяхъ. Привилегированное положеніе офицерскихъ воинскихъ чиновъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ признать нежелательнымъ.

При обсужденіи указанныхъ и другихъ вопросовъ военно-уголовнаго права необходимо проводить различіе между боевой и мирной жизнью войска: поскольку въ первой неизбѣжно царитъ право силы, постольку же во второй должна неуклонно проводиться сила права.

По содержанію доклада происходили въ засѣданіи пренія, во время которыхъ были высказаны отдѣльными членами слѣдующія мнѣнія.

В. В. Есиновъ выразилъ докладчику благодарность за интересный и строго-научный докладъ и готовность присоединиться къ выражен-

ному въ немъ строго юридическому духу и гуманному настроенію. Связь военно-уголовнаго права съ общимъ уголовнымъ правомъ у насъ въ Россіи болѣе, чѣмъ гдѣ либо, имѣетъ историческія и жизненные основанія въ виду непрекращавшейся у насъ связи военного сословія съ общей массой населенія. Условія воинской дисциплины создаютъ извѣстныя отношенія подчиненности, на почвѣ которыхъ и проявляется одно изъ существенныхъ условий различія общихъ и специально-военныхъ законовъ. Но начала воинской дисциплины не исключаютъ общихъ началъ законности. Да и самое понятіе дисциплины, въ смыслѣ „воспитанія“, въ смыслѣ „подчиненія своей воли волѣ Верховной“, существуетъ не только въ военной, но и въ гражданской службѣ. Даже конфликты строгой законности и дисциплины совпадаютъ здѣсь и тамъ (сравни, ст. 69 Воинск. Уст. изд. 1875 г. и ст. 403 Улож. о наказ.). Задачи, поставленныя въ докладѣ дальнѣйшей разработкѣ военно-уголовнаго права, заслуживаютъ полнаго признанія. Разграниченія, сдѣланныя докладчикомъ, нпр., въ ученіи о причинахъ невмѣненія, его указанія на значеніе необходимой обороны и приказа въ военной жизни, — не оставляютъ желать лучшаго. Въ высшей степени симпатичными являются пожеланія докладчика объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ, о возможно широкомъ распространеніи института условнаго осужденія въ военной службѣ. Нѣкоторое сомнѣніе возбуждаетъ желательность неопредѣленныхъ приговоровъ, которые вѣдь включаютъ и право продленія наказанія. Ссылаясь на древность фактического существованія военно-уголовнаго права, докладчикъ далъ очеркъ внѣшней его исторіи. Въ этой части доклада можно возразить противъ чересчуръ высокой оцѣнки Воинскихъ Артикуловъ императора Петра Великаго. Буквальныя заимствованія изъ шведскихъ законовъ, часто вовсе непонятныя для русскихъ людей, и неточность юридическихъ конструкцій заставляютъ поставить Воинск. Артикулы въ юридическомъ отношеніи ниже Уложенія царя Алексѣя Михайловича.

Н. А. Потаповъ обратилъ особенное вниманіе собранія на то, что главная заслуга доклада въ его глубоко гуманномъ духѣ. Прошло уже тридцать почти лѣтъ со времени введенія общей воинской повинности, а военно-уголовное право все еще не освободилось отъ остатковъ дореформенной старины. Съ послѣдними необходимо бороться. Установленное докладчикомъ понятіе воинской дисциплины, сущности приказа и необходимой обороны какъ нельзя болѣе отвѣчаютъ этой задачѣ.

В. Н. Александренко призналъ, что въ докладѣ выдвинуто много существенныхъ вопросовъ. По вопросу объ опредѣленіи воинскаго преступленія *В. Н.* указалъ на то, что въ старину и воинскія преступленія разсматривались не со специальной точки зрѣнія нарушенія во-

инской дисциплины, но съ общей точки зрѣнія государственнаго вреда. Затѣмъ В. Н. обратилъ вниманіе на, что въ Госуд. Архивѣ въ дѣлахъ Кабинета Петра Великаго и въ Московскомъ архивѣ мин. иностранныхъ дѣлъ хранятся встрѣчавшіяся ему посольскія донесенія по военному праву при Петрѣ Великомъ, которыя до сихъ поръ не разработаны наукой.

Ө. В. Тарановскій, присоединившись къ общему выраженію благодарности за цѣнный докладъ, остановилъ вниманіе докладчика на двухъ вопросахъ. Во-первыхъ, оппонентъ выразилъ сомнѣніе относительно непримѣнимости къ воинскимъ преступленіямъ соціологической теоріи. Вѣдь соціально-психологическая точка зрѣнія является господствующей въ объясненіи внутренней жизни войска. Она же можетъ быть примѣняема и къ объясненію нѣкоторыхъ воинскихъ преступленій, напр.,—массовыхъ нарушеній дисциплины цѣлою воинскою частью. Во-вторыхъ, оппонентъ сказалъ, что то, что докладчикъ называетъ необходимою обороною противъ словесныхъ оскорбленій воинской чести, не есть необходимая оборона (*vim vi repellere licet*), а дозволенное самоуправство, или самосудъ (*sibi ius dicere*).

А. Г. Гусаковъ отдалъ дань уваженія гуманнымъ взглядамъ доклада, но выразилъ вмѣстѣ съ тѣмъ свое принципиальное несогласіе съ докладчикомъ по вопросу о признаніи военно-уголовнаго права самостоятельной юридической дисциплиной. Противъ самостоятельности военнаго права вообще говорятъ два аргумента: 1) то, что условія примѣненія военно-уголовнаго права тѣ же, что и общаго уголовного права; 2) то, что нѣтъ особаго военно-гражданскаго права. Любопытно, что римское право вовсе не знаетъ самостоятельнаго *ius militare*. Военное право—это группа нормъ чисто сословнаго происхожденія. Со ступешеваніемъ сословій особенность этихъ нормъ отпадаетъ. Поэтому военно-уголовное право не имѣетъ въ настоящее время самостоятельныхъ принциповъ. Его „особые“ принципы—ни болѣе, ни менѣе, какъ устарѣвшіе и отсталые принципы общаго уголовного права. Дисциплинѣ подлежатъ вообще служащіе, и не-военные; для нихъ имѣется свой дисциплинарный уставъ—уставъ о службѣ гражданской. Къ аналогичному съ послѣднимъ положенію клонится и военно-уголовное право. — Всѣ частныя положенія доклада вѣрны, но они относятся къ общему уголовному праву.

Въ отвѣтъ на приведенныя замѣчанія и возраженія, докладчикъ кн. С. А. Друцкой высказалъ въ общихъ чертахъ слѣдующее: 1) Нельзя согласиться со сближеніемъ общей и воинской дисциплины, такъ какъ послѣдняя имѣетъ специальную задачу—довести человека вплоть до пожертвованія жизнью въ требуемыхъ случаяхъ. 2) Воинскій

Артик. Петра Великаго является самостоятельнымъ кодексомъ, не переведеннымъ съ иностранныхъ кодексовъ, но лишь при ихъ посредствѣ составленнымъ. 3) Ратуя за введеніе въ военные суды неопредѣленныхъ приговоровъ, докладчикъ имѣлъ въ виду только тѣ изъ нихъ, которые даютъ возможность сокращенія наказанія по мѣрѣ исправленія наказуемаго. 4) И въ прошломъ въ опредѣленіи воинскаго преступленія было смѣшеніе понятій, встрѣчаемое и теперь. 5) Разработка архивныхъ матеріаловъ несомнѣнно недостаточна. 6) Соціально-психологическая теорія примѣняется къ объясненію боевой дѣятельности войска, но на постановкѣ вопроса о массовыхъ воинскихъ преступленіяхъ не отразилась. 7) Докладчикъ самъ не признаетъ необходимости обороны противъ словесныхъ оскорбленій, но въ австрійскомъ кодексѣ есть такой институтъ. 8) Военно-уголовное право имѣетъ свои особые принципы въ воинской дисциплинѣ, которую, какъ уже сказано, нельзя отождествлять съ дисциплиной гражданской службы. 9) Существуетъ въ ограниченныхъ размѣрахъ и военно-гражданское право, въ видѣ особыхъ нормъ, нпр., о векселѣ нижняго чина, о духовныхъ завѣщаніяхъ военнотружениковъ и т. п.

VII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

7-го апрѣля 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 36 членовъ Общества.

Слушали доклады гг. членовъ Общества *Н. Н. Любовича*, *И. П. Созоновича* и *Е. О. Карскаго*.

Н. Н. Любовичъ прочиталъ докладъ „Люблинскіе вольнодумцы XVI вѣка. Антитринитаріи и анабаптисты“.

Въ половинѣ XVI в. въ Польшѣ господствовала большая вѣро-терпимость, при которой свободно чувствовали себя не только лютеранство, кальвинизмъ, ученія чешскихъ братьевъ, но даже такія рационалистическія секты, какъ антитринитаріевъ и анабаптистовъ. Особеннаго удивленія заслуживаетъ развитіе въ Польшѣ секты анабаптистовъ, ученіе которыхъ шло въ разрѣзъ со шляхетскимъ строемъ государства. Гнѣздомъ развитія разныхъ свободномыслящихъ вѣроученій вообще и антитринитаріанско-анабаптистской секты въ частности въ XVI в. было въ Польшѣ Люблинское воеводство. Г. Люблинъ былъ въ то время однимъ изъ самыхъ богатыхъ и торговыхъ городовъ, которому покровительствовали сами короли Сигизмундъ I и Сиги-

змундъ II Августъ. Новая секта зародилась въ люблинской общинѣ кальвинистовъ, послѣ того какъ во главѣ послѣднихъ сталъ пасторомъ-проповѣдникомъ Станиславъ Поклѣпка (Stan. Poklesins), который разошелся во взглядахъ съ кальвинистами на Петроковскомъ сеймѣ, нашелъ многихъ приверженцевъ своего вѣроученія и которому покровительствовали люблинскій староста Стан. Тенчинскій и Виленскій воевода Радзивиллъ. Особенное развитіе эта секта получила при второмъ пасторѣ—Мартинѣ Чеховичѣ, который увлекался анабаптизмомъ еще въ Польшѣ, вмѣстѣ со своимъ патрономъ Радзивилломъ, и написалъ даже (въ 1565 г.) сочиненіе противъ крещенія дѣтей. Послѣ смерти Радзивилла, послѣдовавшей въ маѣ 1565 г., Чеховичъ съ 1570 г. поселился въ Люблинъ и здѣсь въ теченіе 30-ти лѣтъ стоялъ во главѣ общины антитринитаріевъ-анабаптистовъ. При этомъ энергичномъ, талантливомъ, образованномъ проповѣдникѣ пропаганда секты чрезвычайно усилилась, и Чеховичъ нашелъ многочисленныхъ послѣдователей во всѣхъ классахъ польскаго общества, начиная съ низшихъ и кончая такими магнатами, какъ староста жмудскій Янъ Кишка. Распространенію секты, особенно въ среднихъ и низшихъ слояхъ общества, много содѣйствовала, конечно, социальная сторона ученія. Соціальныя взгляды Чеховича, изложенныя авторомъ въ 12-мъ діалогѣ его сочиненія (очень радикальнаго по духу) „Христіанскіе договоры 1575 г.“ и въ „Зеркальцѣ христіанской дѣвушки“ (менѣе радикально), очень близки къ взглядамъ нѣмецкихъ анабаптистовъ на тѣ же предметы; такъ, напр., онъ отрицаетъ войну, смертную казнь, крѣпостное право, совѣтуетъ не обращаться къ свѣтскому суду, повиноваться власти до тѣхъ поръ, пока это не противорѣчитъ христіанскимъ воззрѣніямъ, и противопоставляетъ государство христіанской общинѣ. Раціонализмъ и демократическое направленіе секты не пустили однако глубокихъ корней въ шляхетской Польшѣ. Увлеченіе ученіемъ секты начинаетъ ослабѣвать въ полякахъ еще при жизни Чеховича; многіе стали возвращаться къ католицизму, и къ 1580 г. ряды сектантовъ очень порѣдѣли. Тѣмъ не менѣе община влачила свое существованіе еще до 1627 г., когда толпа католиковъ, по наущенію іезуитовъ, разгромила всѣ учрежденія сектантовъ въ Люблинѣ, и послѣдніе должны были переселиться въ имѣніе сторонниковъ антитринитаріанскаго ученія Суходольскихъ — Пяски. Въ скоромъ времени, по постановленію сейма, въ 1658 г. антитринитаріи и анабаптисты были совсѣмъ изгнаны изъ Польши ¹⁾.

¹⁾ Докладъ Н. П. Любовича напечатанъ въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“, 1902 г., кн. IV (и отдѣльной брошюрой, Варшава, 1902 г.).

Послѣ небольшого перерыва былъ прочитанъ второй докладъ—И. П. Созоновича „Типъ амазонки въ европейской литературной традиціи и воинственная поляница русскихъ былинъ“. — Къ числу сюжетовъ, мало разработанныхъ въ фольклорѣ, принадлежитъ между прочимъ и легенда объ амазонкахъ, пользовавшаяся однако большою популярностью у европейскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ. Докладчикъ заданъ цѣлью прослѣдить зарождеііе, развитіе и видоизмѣненіе этой легенды въ европейскихъ литературахъ и отраженіе ея въ русской. Преданіе объ амазонкахъ мы находимъ уже въ Иліадѣ. Но о нихъ разска- зываетъ только упоминаетъ, не вдаваясь въ какія либо подробности. Литературное развитіе и обработку легенда получаетъ только у поэтовъ-эпиковъ гомеровской школы и у греческихъ логографовъ. Въ „аттидахъ“ упоминалось о борьбѣ амазонокъ съ греками, объ осадѣ ими Аѳинъ и о защитѣ этого города отъ амазонокъ Тезеемъ. Разныя подробности этой борьбы отразились въ греческой скульптурѣ и живописи, что — въ свою очередь — немало содѣйствовало сохраненію легенды. Въ виду того, что слово *ἀνδρῶνιστοι*, эпитетъ амазонокъ, понималось двойко— „мужеподобныя“ и „ненавидящія мужчинъ“, самое представленіе объ амазонкахъ раздвоилось, а кромѣ того было еще затемнено названіемъ *ἀρσένες* (т. е. безгрудыя). Поэтому у историковъ и географовъ мы находимъ самыя фантастическія описанія амазонокъ. Подробнѣе другихъ объ амазонкахъ говоритъ Геродотъ, позднѣе—Страбонъ. Въ то время какъ Геродотъ, описывая амазонокъ, вѣритъ въ ихъ существованіе и даже думаетъ, что отъ нихъ и скивовъ произошелъ народъ савроматы, Страбонъ уже выражаетъ сомнѣніе въ достовѣрности легенды; онъ помѣщаетъ амазонокъ по сѣвернымъ склонамъ Кавказа, а не въ Закавказьи, какъ полагали Геродотъ и другіе. Тѣмъ не менѣе легенда объ амазонкахъ, видоизмѣняясь и постепенно округляясь, повторяется у цѣлаго ряда позднѣйшихъ писателей: Вергилія, Діодора Сицилійскаго, Арріана, Каллисѳена (въ „Александріи“), Зонары и др. Отъ древнихъ и византійскихъ писателей легенда объ амазонкахъ переходитъ къ средневѣковымъ. Одно изъ раннихъ отраженій ея мы находимъ и въ лѣтописи Нестора. Далѣе легенда объ амазонкахъ встрѣчается у западно-европейскихъ путешественниковъ XV—XVII в., при чемъ къ классическому разсказу примѣшались тутъ новыя вымыслы; такъ, знаменитый Фердинандъ Кортесъ (1519 г.) нашелъ амазонокъ на одномъ островѣ, мореплаватель Францискъ де Орельяна (1539 г.)—въ южной Америкѣ, по рѣкѣ Орельяна, которая впослѣдствіи получила названіе Амазонской, Хуанго Санто—въ Африкѣ, а Энній Сильвій, воспользовавшись хроникой Далимила, открылъ амазонокъ и въ Европѣ (Дѣвинъ-градъ). Начало литературной обработки преданія объ амазонкахъ, получившаго въ этомъ видѣ широкое распро-

страненіе въ западно-европейской письменности, дано было впервые Вергиліемъ (Энеида), въ его разсказъ объ амазонской царицѣ *Камиллѣ*, которую можно прямо назвать родоначальницей всѣхъ европейскихъ амазонокъ. Сдѣлавъ характеристику Камиллы Вергилія и оставивъ въ сторонѣ многочисленныя ограженія разсказа Энеиды въ средне-вѣковой западно-европейской литературѣ, докладчикъ перешелъ непосредственно къ выясненію типовъ амазонокъ у Аріосто въ „Неистовомъ Роландѣ“ и у Торквато Тассо — въ „Освобожденномъ Іерусалимѣ“. Сравнивая эти типы амазонокъ (Марфизы и Брадаманты у Аріосто и Клоринды у Тассо), возникшіе подъ вліяніемъ Камиллы Вергилія, съ воинственной поляницей русскихъ былинъ, докладчикъ приходитъ къ заключенію, что русская поляница сложилась подъ вліяніемъ романтическихъ поэмъ указанныхъ итальянскихъ писателей XVI-го вѣка, значить — не ранѣ начала XVII вѣка. Кромѣ сходства въ мотивахъ, какое докладчикъ видитъ въ характеристикахъ амазонокъ у итальянскихъ романтиковъ съ одной стороны и въ русской былинѣ съ другой, на книжное происхожденіе былины объ Ильѣ Муромцѣ и его дочери поляницѣ можетъ указывать отчасти аналогія (такъ, русская сказка о Бовѣ Королевичѣ составляетъ, какъ извѣстно, передѣлку одной итальянской поэмы XIV в. *Buovo d'Antona*), отчасти самое слово „поляница“ — терминъ, по мнѣнію докладчика, книжный ¹⁾).

Послѣ этого былъ прочитанъ докладъ *Е. О. Карскимъ* „Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе“.

Содержаніе доклада слѣдующее. Сѣверо-западные сосѣди бѣлоруссовъ литовцы и латыши, насколько можно судить по даннымъ географич. номенклатуры, въ доисторическую эпоху жили значительно дальше на востокъ (до верховьевъ Зап. Двины, Днѣпра и даже, быть можетъ, Оки), въ перемежку съ западно-русскими племенами, изъ которыхъ современемъ выработалась бѣлорусская народность. Языкъ сосѣднихъ племенъ не могъ обойтись безъ взаимнаго вліянія, выразившагося въ разныхъ заимствованіяхъ съ той и другой стороны. Литовцы и латыши заимствовали у бѣлоруссовъ значительно больше, нежели бѣлоруссы у нихъ. У литовцевъ во многихъ мѣстахъ развилось даже бѣлорусское дзеканье. Заимствованіе бѣлоруссовъ у латышей и литовцевъ продолжалось все время добрососѣдской жизни этихъ народовъ. Нѣкоторыя изъ заимствованныхъ словъ въ настоящее время а)

¹⁾ Докладъ И. П. Созоновича напечатанъ въ „Научно-литературномъ Сборникѣ“ Галицко-русской Матицы 1902 г., т. II, кн. 4 (есть и отдѣльные оттиски).

уже вышли изъ употребленія, таковы, напр., слова употреблявшіяся въ зап.-русскихъ юридич. памятникахъ: брөгъ лит. brągas, кетвиртайни лит. ketvirtainis, койминцы ср. лит. kiėmas, ройтиники лит. raitinikaĩ, жибинты лит. žibintėjas, дякло лит. dāklė и др.; или въ старинныхъ азбуковникахъ, какъ доносъ — хлѣбъ = лит. dūna, мейсе — хлѣбъ лаг. majse и др.; б) другія заимствованныя слова въ настоящее время встрѣчаются очень рѣдко, діалектически: ванчосъ лит. vančos, выпса въ связи съ глаголомъ vūpsaĩ, гавсть въ связи съ глаголомъ лат. gaust, лит. gausti (но значеніе не подходитъ), груца лит. grūša, взятое, въ свою очередь, у нѣмцевъ Grütze, гўльня лит. gulimà, доймедь лит. dajlydė, жуда въ связи съ глаг. žudaĩ, наўда лит. nauda и т. д.; в) есть рядъ заимствованій, извѣстныхъ всему или почти всему бѣлор. нарѣчію, напр.: бонда лат. bandos, буженіна при лит. budyti, валондаца при лит. valandà, вѣнцеръ лит. ventaris, гірца лит. diršė, дзѣгоць при лит. degūtas, ёўня—ёўя лит. jauja, клуня лит. klūnas, куль (снош соломы) лит. kulis, кумпйкъ лит. kum̃pis, лайдакъ лат. laidaks, лит. lajdōkas, пакля лит. pākulos, свіронъ лит. svirnis, торпъ лит. taras и т. д. Всѣхъ общераспространенныхъ словъ около 37. Слова эти больше имѣютъ отношеніе къ земледѣлю и къ обыденной жизни.

А. П. Косминскій замѣтилъ, что haust могло зайти въ бѣлорусское нарѣчіе изъ латинскаго яз. (haustus), а жуда встрѣчается и въ Орловской губерніи въ значеніи страхъ. *Е. О. Карскій* возразилъ, что для латинскаго haustus нельзя установить пути въ бѣлорусское нарѣчіе; что же касается жуда въ Орловской губерніи, то оно должно быть извѣстно изъ Акулинской волости Брянскаго уѣзда, гдѣ жили бѣлоруссы. *А. П. Косминскій* добавилъ, что жуда встрѣчается главнымъ образомъ въ южныхъ великорусскихъ уѣздахъ.

VIII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

23-го апрѣля 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 36 членовъ общества.

Засѣданіе было посвящено памяти *В. А. Жуковскаго*, по случаю пятидесятилѣтія со дня кончины поэта (1852 г.). Послѣ краткаго вступительнаго слова г. предсѣдателя Отдѣленія *Е. О. Карскаго* о цѣли засѣданія, были прочитаны три рѣчи (*И. П. Созоновичемъ*, *О. О. Бази-*

перомъ и *И. И. Замотинымъ*) и произнесено г. Н. Э. стихотвореніе по поводу чествованія памяти поэта.

И. П. Созиновичъ прочиталъ рѣчь подъ заглавіемъ „В. А. Жуковский, какъ писатель и человѣкъ“.—Литературная дѣятельность Жуковского находилась въ тѣсной связи съ просвѣтительными стремленіями лучшихъ русскихъ людей первой половины XIX в. Руководящія идеи въ поэзіи Ж-го были въ согласіи съ его убѣжденіями, и слово поэта не расходилось съ дѣломъ. Такая гармонія слова и дѣла объяснялась новымъ взглядомъ на поэзію, которая должна быть не праздной забавой, а серьезнымъ общественнымъ дѣломъ. Въ представленіи Ж-го поэзія получаетъ значеніе голоса правды, сердечности и искренности; она проникнута тѣмъ идеализмомъ, который ведетъ общество къ нравственному совершенствованію. Возвышенный взглядъ Жуковского на поэзію и призваніе поэта сложился въ душѣ поэта частью подъ воздѣйствіемъ среды и воспитанія поэта, частью подъ вліяніемъ литературныхъ теченій, овладѣвшимъ Жуковскимъ въ періодъ зрѣлости его таланта. Далѣе ораторъ остановился на характеристикѣ нѣмецкаго романтизма въ его представителяхъ (Лессингъ, Гердеръ, Шиллеръ) и указалъ на ту роль, которая принадлежитъ Жуковскому въ исторіи романтизма русской литературы. Литературныя стремленія обнаружались у Ж-го уже въ отрочествѣ (12-ти отъ роду онъ написалъ трагедію „Камилль или освобожденіе Рима“) и развивались при благопріятной обстановкѣ, сначала въ домѣ Юшковыхъ, потомъ—въ Московскомъ Благородномъ пансіонѣ. Вліянія нѣмецкаго идеализма въ философіи и романтизма въ литературѣ постепенно захватывали женственно-нѣжнаго и мечтательнаго юношу и все сильнѣе отражались въ его произведеніяхъ, изъ коихъ типическими въ этомъ новомъ направленіи среди болѣе раннихъ можно назвать „Пѣснь барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей“ (1806), написанную въ духѣ Оссеана, и „Людмилу“—передѣлку Бюргеровой „Леноры“. Съ внѣшними атрибутами нѣмецкаго романтизма, съ его таинственной обстановкой, призраками и мертвецами, Ж-кимъ внесено было въ нашу литературу и то, что составляло сущность романтическаго направленія—искренніе идеалистическіе порывы, задумчивость и простота въ лирикѣ, что, вмѣстѣ взятое, содѣйствовало паденію господствовавшаго до Жуковского въ рус. литературѣ ложнаго классицизма. Подъ вліяніемъ того же романтизма и научно-литературныхъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ Дерпта (1816 г.), Ж-ій начинаетъ интересоваться русской народной стариной, преданіями и сказками, и задумываетъ поэму изъ древне-русской жизни—„Вадимъ“, которая пода-ла Пушкину мысль написать поэму „Русланъ и Людмила“. Путешествіе за границу (1829 г.), во время котораго Ж-ій лично познакомилъ

ся съ Тикомъ, Уландомъ и Гете и которое, по его словамъ, должно было „оживить и расширить“ его душу, „пробудить заснувшую въ ней поэзію“, укрѣпляя поэта въ принятомъ направленіи, и было для него благотворно вообще во всѣхъ отношеніяхъ. Подводя итогъ въ характеристикѣ литературной дѣятельности Ж-аго, ораторъ замѣтилъ, что чествуемый поэтъ хотя и не былъ въ состояніи выразить въ русской поэзіи то разностороннее и сложное направленіе мысли, которое опредѣляется терминомъ „романтизмъ“, во всей глубинѣ и широтѣ его содержанія, тѣмъ не менѣе для русской поэзіи онъ сдѣлалъ такъ много, что имя его не забудется. Своими многочисленными и превосходными переводами Жуковский привелъ русское общество въ соприкосновеніе съ движеніемъ всемірной поэзіи и внесъ въ русскую литературу лучшія сокровища мірового генія, которыми оплодотворилась національная русская поэзія. Далѣе ораторъ остановился на характеристикѣ личности поэта. Слова Жуковского „жизнь и поэзія одно“ подтверждаются всей жизнью писателя, находившейся въ полномъ согласіи съ возвышенными принципами его поэзіи. В. А. былъ искреннимъ, преданнымъ другомъ, сердечнымъ и настойчивымъ заступникомъ жертвъ того тяжелаго времени, убѣжденнымъ и ревностнымъ защитникомъ русскаго просвѣщенія, переживавшаго въ его время не разъ жестокія испытанія (Магницкій, Руничъ). Благородство души поэта доказывается отношеніями Жуковского къ Батюшкову, С. и Н. Тургеневымъ, Пушкину, Баратынскому, Гоголю, Шевченку и др. Назначенный Императоромъ Николаемъ Павловичемъ въ наставники Наслѣднику Престола, Жуковский всецѣло предался своей высокой обязанности. Онъ поставилъ себѣ цѣлью съ одной стороны развить въ своемъ царственномъ Питомцѣ идеалы и стремленія къ добру, съ другой—подготовить Его къ великой дѣятельности въ духѣ этихъ идеаловъ и стремленій. Воззрѣнія Жуковского на дѣло воспитанія Цесаревича и самый способъ проведенія этихъ воззрѣній составляютъ его огромную общественную заслугу передъ лицомъ Россіи. Добрыя сѣмена, умѣло и любовно посѣянные наставникомъ, пали на прекрасную почву и принесли, мы знаемъ, обильные плоды на благо всего русскаго народа¹⁾.

Послѣ рѣчи И. П. Созоновича Н. С. Эйсмонтъ произнесъ свое стихотвореніе, посвященное памяти поэта, а затѣмъ (послѣ небольшого перерыва засѣданія) О. О. Базинеръ прочиталъ рѣчь „Отношеніе В. А. Жуковского къ классической древности“. Эта рѣчь напечатана въ „Запискахъ“ Общества. За рѣчью О. О. Базинера послѣдовала рѣчь

¹⁾ Рѣчь И. П. Созоновича напечатана въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1902 г., кн. V (и отдѣльной брошюрой).

И. И. Замотина „Голубой цвѣтокъ въ поэзіи Жуковского (параллель между Жуковскимъ и Новалисомъ)“. — Однимъ изъ главныхъ мотивовъ романтической поэзіи является стремленіе къ идеальной счастью, которое иногда понимается въ смыслѣ идеальной любви. Таковъ именно былъ идеаль поэт-романтика Новалиса, создавшаго для своего идеала и особый терминъ — „голубой цвѣтокъ“. Аналогичное явленіе въ русской литературѣ представляетъ поэзія Жуковского, который тоже посвятилъ свою лирику почти исключительно мотиву идеальной любви. Развиваясь независимо другъ отъ друга, Новалисъ и Жуковскій пришли однако въ данномъ случаѣ къ одному и тому же взгляду; этому способствовали вообще—самый характеръ эпохи, въ которую они жили и дѣйствовали, въ частности—обстоятельства ихъ несчастной любви (Новалиса—къ Софіи фонъ Кюнъ, а Жуковского къ Марѣ Андреевнѣ Протасовой), которыя случайно оказались почти тождественными. И Новалисъ и Жуковскій понимали идеальную любовь, какъ проявленіе сродства душъ. Жуковскій развиваетъ такой взглядъ на идеальную любовь въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и въ нѣкоторыхъ эпическихъ своихъ произведеніяхъ. Но Жуковскій, при всемъ влияніи на него нѣмецкой романтической поэзіи, всюду сохранялъ однако свою индивидуальность. Поэтому и въ данномъ случаѣ понятію объ идеальной любви, этому „голубому цвѣтку“, онъ придалъ личную русскую окраску. Идеальная любовь у Жуковского, основываясь на нравственномъ сродствѣ душъ, является въ то же время въ видѣ глубокаго *самоотверженнаго* чувства, что онъ и доказалъ какъ мотивами своей поэзіи, такъ и фактами своей жизни. Жуковскій, по мнѣнію оратора, впервые сдѣлалъ этотъ задуманный мотивъ достояніемъ русской поэзіи; послѣ него этотъ мотивъ приобретаетъ у насъ въ литературѣ право гражданства¹⁾.

IX.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

4-го мая 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало 18 членовъ Общества.

¹⁾ Рѣчь *И. И. Замотины* напечатана въ „Научно-литературномъ Сборникѣ“ Галицко-русской Матицы, т. II (1902) г.

П. А. Куликовскій прочиталъ докладъ „О первомъ русскомъ учителѣ у сербовъ, посланномъ Петромъ Великимъ“.

Съ паденіемъ политической независимости южныхъ славянъ, ихъ литературная дѣятельность постепенно замираетъ, просвѣщеніе падаетъ. Православный югъ, не такъ давно еще дѣлившійся съ русскими своимъ книжнымъ богатствомъ, теперь самъ терпитъ большую нужду въ книгахъ и обращается за помощью къ Россіи. Съ конца XV-го в. южные славяне все чаще и чаще начинаютъ ѣздить въ Россію за милостыней и книгами, и ихъ просьбы каждый разъ удовлетворяются; такъ, при Іоаннѣ IV-мъ въ Москву явились Хиландарскіе монахи и кромя щедрой милостыни получили въ подарокъ и ц.-славянскія книги. Не довольствуясь подарками, южные славяне и сами переписываютъ въ Россіи для себя необходимыя книги: сохранилось немало сербскихъ рукописей, списанныхъ съ русскихъ изводовъ (напр., Цароставникъ, Ирмологій, Минеи и т. п.). Въ XVII ст. эти сношенія усиливаются. Хотя у южныхъ славянъ ц.-слав. книги въ это время уже печатались (въ типографіяхъ сербскихъ и румынскихъ), но въ XVII в., вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, печатаніе у православныхъ славянъ пришло въ упадокъ, между тѣмъ какъ въ Россіи оно укрѣпилось и расширилось. Россія теперь почти систематически уже снабжаетъ славянъ книгами своей печати; въ ея типографіяхъ (Москва, Кіевъ, Острогъ, Вильна и др.) ц.-слав. книги печатаются не для однихъ русскихъ, но и для Болгаръ, Сербовъ и „прочихъ словѣнъ, подобныхъ намъ въ православіи“, какъ читается въ предисловіяхъ къ нѣк. изданіямъ русской печати. Русскій изводъ ц.-слав. книгъ широко распространяется у южныхъ славянъ и пользуется уваженіемъ даже у хорватовъ-католиковъ, для которыхъ богослужебныя (глаголическія) книги были исправлены, какъ извѣстно, именно по этому изводу (Леваковичъ 1631 и Караманъ 1741 г.). Въ 1690 г. нѣсколько десятковъ тысячъ семействъ сербовъ, во главѣ съ патріархомъ Ипекскимъ Арсеніемъ III Черноловичемъ, избѣгая турецкаго гнета, переселились изъ Старой Сербіи въ Австрію. Австрійское правительство, приглашая сербовъ, обѣщало предоставить имъ самоуправленіе и полную свободу вѣроисповѣданія. Но эти обѣщанія не были исполнены, и переселенцы на новыхъ мѣстахъ тотчасъ же стали подвергаться проискамъ римской пропаганды, которая путемъ школы старалась распространить среди нихъ католичество и подавить ихъ національное самосознаніе. Не имѣя силъ и средствъ успѣшно противодѣйствовать этимъ проискамъ, сербы ищутъ помощи у русскихъ. Митрополитъ Моисей Петровичъ, задумавъ устроить въ Бѣлградѣ сербскую школу, обращается съ просьбою къ Императору Петру I-му освободить сербовъ отъ „римскихъ учителей“, прислать русскихъ наставниковъ и дать средства на постройку

школы, столь необходимой прежде всего для подготовки духовных пастырей, так как „въ сербской странѣ — писалъ митрополитъ во 2-мъ письмѣ къ Петру В. — есть села и церкви, гдѣ нѣтъ священниковъ“. Императоръ приказалъ Синоду послать сербамъ двухъ учителей, книги и утварь для 12-ти церквей. Приказаніе было исполнено, но вмѣсто двухъ учителей могли найти и послать (въ 1724 г.) только одного — *Максима Суворова*, переводчика при Св. Синодѣ; на наемъ другого учителя (греческаго языка) м. Моисею было обѣщано послать жалованье — 300 руб. Далѣе авторъ доклада остановился на біографіи Суворова и его дѣятельности въ Сербіи. Выборъ учителя для сербовъ былъ удачный. Суворовъ закончилъ свое образованіе за границей: слушалъ курсъ философіи въ Прагѣ и былъ извѣстенъ переводомъ на русскій языкъ словаря Гюбнера. Онъ понималъ и важность предстоящей ему задачи: между прочимъ онъ просилъ Св. Синодъ, кромѣ ц.-слав. книгъ, снабдить его и „литерами“; но послѣдняя просьба не была уважена. Къ сербамъ Суворовъ явился (съ женой и братомъ) только въ 1726 г., такъ какъ долгое время ему не выдавали ни паспорта, ни денегъ на путешествіе, сначала — изъ Россіи, а потомъ изъ Вѣны, гдѣ ему также пришлось застрять. У сербовъ Суворовъ открылъ школу, сначала — въ Карловцахъ (на 7 чел.), затѣмъ — въ Бѣлградѣ (50 уч.). Положеніе его на новомъ мѣстѣ было очень трудное. Подозрительная политика Австріи, которая старалась постоянно мѣшать славянскому дѣлу м. Моисея, невѣжество и козность окружающихъ, разныя личныя огорченія (болѣзнь его самого, его жены и смерть дѣтей), недостатокъ въ средствахъ и т. д., — все это крайне угнетало и заставляло страдать бѣднаго русскаго учителя. Сильнѣе всего чувствовался недостатокъ въ средствахъ личныхъ и образовательныхъ. Въ Россіи, повидимому, совсѣмъ забыли о Суворовѣ и по-долгу не высылали ему жалованья, несмотря на его неоднократныя слезныя моленія. Въ школахъ, имъ устроенныхъ, не хватало книгъ („дѣти въ Сербіи“, писалъ Суворовъ, „учатся на навощенныхъ доскахъ“) и достать ихъ было неоткуда: типографія, существовавшая въ то время въ Пожунѣ (Pressburg), находилась въ рукахъ іезуитовъ, а у владимірскихъ офеней, которые несли въ это время къ сербамъ ц.-слав. книги, австрійское правительство приказало конфисковать товаръ. Съ другой стороны, мысль м. Моисея основать свою типографію также не осуществилась. Не встрѣчалъ Суворовъ и нравственной поддержки со стороны самихъ сербовъ, г. о. прежнихъ сербскихъ учителей (дидакаловъ), которые завидовали пришельцу, тормозили его благія начинанія и старались ему вредить. Можно сказать, что его поддерживалъ только одинъ митрополитъ Моисей Петровичъ. Несмотря однако на всѣ эти невзгоды, школы Суворова все-таки крѣпли и разрастались: въ Карловацкой школѣ число

учениковъ (въ большинствѣ эго были взрослые люди) въ скоромъ времени возросло до 120 человекъ. Послѣ смерти м. Моисея положеніе Суворова еще болѣе ухудшилось. Новый митрополитъ Викентій Іовановичъ не заботился о школѣ, а къ ея главному руководителю относился почти враждебно. Лишившись единственной поддержки въ лицѣ покойнаго м. Моисея, Суворовъ сталъ искать помощи у народнаго сербскаго собора. Въ официальномъ прошеніи, поданномъ этому собору (состоявшемуся 2-го февраля 1731 года по случаю избранія новаго митрополита), Суворовъ предложилъ три вопроса: во 1-хъ) знаютъ ли члены Собора, что онъ присланъ изъ Россіи по просьбѣ м. Моисея, во 2-хъ) нуженъ ли онъ сербамъ и въ 3-хъ) угоденъ ли имъ его трудъ? Ему отвѣтили, что труды его полезны и вѣсьмъ желательны, хотя членамъ Собора и не было извѣстно объ его прибытіи въ Сербію по просьбѣ покойнаго митрополита. Этотъ отвѣтъ Собора Суворовъ послалъ въ Св. Синодъ. Австрійское правительство, узнавъ про письма покойнаго митрополита къ Петру В., строго запретило Викентію Іовановичу входить въ непосредственныя сношенія съ Россіей. Хотя соборъ призналъ дѣятельность Суворова полезной, но положеніе послѣдняго отъ этого все-таки не улучшилось. Скоро русскій учитель совѣсьмъ оставилъ Карловцы, долгое время прожилъ въ Вѣнѣ, а въ 1737 г. пріѣхалъ въ Петербургъ. Такъ окончилась наша первая просвѣтительная миссія у южныхъ славянъ. Митрополитъ Викентій, несмотря на дурныя отношенія къ Суворову, однако понималъ, что безъ помощи русскихъ учителей ему нельзя обойтись. Въ 1733 г. онъ обратился къ Кіевскому митрополиту Рафаилу Заборовскому съ просьбою прислать ему такихъ учителей. Просьба была уважена, и къ сербамъ отправилось 5 человекъ, въ томъ числѣ и Козачинскій, которымъ впоследствии такъ много гордились сербы. Въ заключеніе докладчикъ сказалъ, что распространеніе у сербовъ русскаго извода ц.-слав. книгъ, обученіе по русскимъ учебнымъ книгамъ и знакомство сербовъ съ русскими учителями, — все это должно было много содѣйствовать вліянію русскаго языка на сербскій, особенно — въ словарномъ отношеніи.

По прочтеніи реферата П. А. Кулаковскій показывалъ присутствовавшимъ образцы славяно-русскихъ книгъ, употреблявшихся въ сербскихъ школахъ въ началѣ XVIII в., и сдѣлалъ нѣсколько пояснительныхъ замѣчаній по поводу этихъ учебныхъ руководствъ.

X.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

22-го мая 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 23 члена Общества.

Слушали докладъ Г. В. Бѣлова „Судебный міръ по сочиненіямъ Н. В. Гоголя“.

Содержаніе доклада было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Докладчикъ извлекъ изъ сочиненій Н. В. Гоголя все сказанное о нашемъ судебномъ мірѣ дореформенной эпохи и на основаніи этого матеріала далъ характеристику лицъ и учреждений, призванныхъ къ отвѣту великимъ писателемъ. Авторъ началъ докладъ съ характеристики героевъ „Ревизора“. Прежде всего выступилъ въ докладѣ уѣздный судья Ляпкинъ-Тяпкинъ съ его глубокомысліемъ и вольнодумствомъ, который, впрочемъ, нисколько ему не помѣшали принять суетливое участіе въ комическомъ эпизодѣ пріѣзда мнимаго ревизора, взбудоражившемъ захолустье и обнаружившемъ нравственное ничтожество его чиновныхъ дѣятелей. Глубокомысленнаго судью дополняетъ „свѣдущій“ засѣдатель, имѣющій несчастье вносить съ собою повсюду запахъ винокуреннаго завода. Полную картину жизни уѣзднаго или повѣтоваго суда раскрываетъ „Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Здѣсь изображенъ и внѣшній обликъ суда, и внутренній его распорядокъ съ безчисленнымъ количествомъ бумагъ, изготовляемыхъ подозрительными даже по одному лишь виду канцеляристами, дѣйствующими „съ необыкновенною быстротою, которою такъ славятся судилища“. Въ „Мертвыхъ душахъ“ выступаетъ на сцену іерархически высшій губернский міръ и въ немъ высшая въ провинціи инстанція суда — палата, а на ряду съ ней губернский прокуроръ, призванный налагать печать законности на бумажное производство цѣлой губерніи. Докладчикъ провелъ предъ умственнымъ взоромъ слушателей всю вереницу гоголевскихъ дѣятелей губернской юстиціи. Тутъ былъ предсѣдатель Иванъ Григорьевичъ, который съ пріятелей своихъ самъ не беретъ и канцеляріи брать не даетъ, и его усердные сотрудники во главѣ съ Иваномъ Антоновичемъ—„кувшиннымъ рыломъ“, и губернский прокуроръ, неизмѣнно писавшій на всѣхъ бумагахъ сакраментальное „челъ“ и отличенный своеобразной похвалой Собакевича, и знаменитый губернский „юрис-консулъ“, доведшій запутываніе дѣлъ до виртуозности и самъ пятнадцать лѣтъ состоявшій подъ судомъ.

Обобщая сдѣланныя характеристики, докладчикъ отмѣтилъ слѣдующіе основные недостатки изображеннаго Гоголемъ дореформеннаго суда: невѣжество судей, отсутствіе у нихъ умственныхъ и духовныхъ интересовъ, бездушіе и продажность юстиціи.

Докладъ вызвалъ обмѣнъ мнѣній, во время котораго отдѣльные члены высказали въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Д. В. Тютчевичъ, находя докладъ весьма интереснымъ, выразилъ сожалѣніе, что докладчикъ не далъ отъ себя общаго освѣщенія эпохи и дореформеннаго суда; это освѣщеніе придадо бы образамъ великаго писателя больше яркости и выпуклости.

В. Н. Александренко указалъ на то, что къ разъясненію вопроса, составлявшаго предметъ доклада, можно бы примѣнить біографическій методъ, которымъ пользуются англійскіе изслѣдователи произведеній Шекспира.

А. К. Сарандо, указавъ на то, что докладъ вполне выполнилъ главную цѣль—почтить память великаго писателя и въ юридическомъ отдѣленіи общества, предложилъ выразить докладчику благодарность собранія, что и было исполнено.

XI.

Засѣданіе историко филологическаго отдѣленія.

23-го мая 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ Е. О. Карскаго, присутствовало очень много членовъ Общества. Наплывъ слушателей объяснялся цѣлю, съ которою было назначено засѣданіе. Общество исторіи, филологіи и права, воспользовавшись временнымъ пребываніемъ въ Варшавѣ *И. Т. Рябинина*, пригласило этого извѣстнаго „сказителя“ русскихъ былинъ пропѣть въ засѣданіи 23-го мая нѣсколько „старинокъ“, по собственному выбору пѣвца. Передъ началомъ пѣнія *П. Т. Виноградовъ*, спутникъ и руководитель Рябинина въ его поѣздкахъ за границей и по Россіи, сказалъ краткое вступительное слово объ остаткахъ народной поэзіи у сѣверныхъ великороссовъ и о главныхъ ея носителяхъ, въ частности—объ И. Т. Рябининѣ, какъ лучшемъ изъ современныхъ народныхъ пѣвцовъ въ Олонецкомъ краѣ, сынѣ извѣстнаго въ свое время Т. Рябинина, со словъ котораго Рыбниковъ и Гильфердингъ записали немало „старинокъ“, вошедшихъ въ ихъ изданія народныхъ пѣсней. Послѣ этого И. Т. Рябининымъ были частью пропѣты, частью пересказаны (вторыя половины былинъ) три бы-

лины — Обѣ Ильѣ Муромцѣ и Соловьѣ разбойникѣ, о Вольгѣ и Микулѣ Селяниновичѣ, о Добрынѣ и Змѣѣ и одинъ духовный стихъ — о Вознесеніи Господнемъ и нищей братіи. Древнее пѣніе очень заинтересовало присутствовавшихъ и доставило многимъ нескрываемое удовольствіе.

ХП.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

2-го октября 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣтельствомъ В. Н. Александренко, присутствовали 33 члена Общества.

I. Слушали отношеніе юридическаго факультета Императорскаго Варшавскаго университета отъ 30 сентября 1902 г. за № 144, при которомъ факультетъ передалъ Отдѣленію одинъ экземпляръ проекта Высочайше утвержденной Редакціонной Комиссіи по составленію Гражданскаго Уложенія, и заявленіе предѣдателя о поступленіи въ даръ отъ Ф. П. Будкевича одного экземпляра составленнаго имъ Частнаго проекта гражданскаго уложенія, а также его сочиненіе „Законодательная Ошибка“.

Постановили: передать указанныя книги въ бібліотеку Общества.

II. Слушали заявленіе Предѣдателя о назначеніи и условіяхъ конкурса на соисканіе преміи Нобеля.

III. Слушали сообщеніе *Г. В. Демченка* „Девятый конгрессъ международнаго союза криминалистов“.

Содержаніе сообщенія было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Петербургскій съѣздъ международнаго союза криминалистов прошель блестяще. Успѣхъ его выразился въ его составѣ, въ его занятіяхъ и въ его результатахъ. На съѣздъ собралось большое общество ученыхъ русскихъ и иностранныхъ, не только изъ всѣхъ важнѣйшихъ странъ Европы, но даже изъ Америки. Кромѣ криминалистовъ были представители и другихъ юридическихъ и даже не юридическихъ дисциплинъ (нпр., психіатры). Присутствовали такіе видные представители науки, какъ Листъ, Гроссъ, Гарро, Фойницкій, Таганцевъ, Спасовичъ. Кромѣ блестящихъ по изложенію и крайне интересныхъ по содержанію рѣчей (министра юстиціи Н. В. Муравьева, Гарро, фонъ-Гаммеля), съѣздъ выполнилъ довольно солидную программу по заранее намѣченнымъ и подготовленнымъ вопросамъ, каковы: значеніе психическихъ элементовъ преступленія сравнительно съ ихъ матеріальными послѣдствіями, преобразование предварительнаго слѣдствія, патронатъ,

торговля женщинами, ссылка, суммарное производство, примѣненіе условнаго осужденія. Центральными темами, вызвавшими наибольшее число докладовъ и наиболѣе оживленныя пренія, были темы о значеніи внѣшнихъ результатовъ преступленія и о реформѣ предварительнаго слѣдствія. При обсужденіи вопросовъ обнаружились крайности нѣкоторыхъ направленій въ уголовномъ правѣ. Дѣло дошло до полнаго отрицанія фонъ-Гаммелемъ значенія внѣшнихъ послѣдствій преступленія, до проповѣди Гарро объ упраздненіи уголовныхъ кодексовъ и о возвратѣ къ старому суду внѣ закона и безъ закона; шли еще дальше, и извѣстный психіатръ Форель требовалъ полнаго упраздненія судебного слѣдствія по преступленіямъ психопатовъ и алкоголиковъ. Противъ мнѣній радикальныхъ новаторовъ возражали во имя твердо установившихся положеній нынѣшняго уголовного права Ляродъ, Закревскій и Силовичъ. Научные итоги сѣзда выразились, кромѣ постановки и обсужденія вопросовъ, въ вышедшемъ томѣ печатныхъ докладовъ и сообщеній и въ постановкѣ нѣсколькихъ резолюцій. Наибольшее значеніе имѣетъ резолюція, принятая по первому вопросу программы, которая гласитъ: никто не отвѣчаетъ за послѣдствія своихъ дѣйствій иначе, какъ въ предѣлахъ того, что онъ предвидѣлъ или могъ предвидѣть. По назрѣвшему вопросу о преобразованіи предварительнаго слѣдствія приняты двѣ резолюціи: 1) въ основу преобразованія должно быть положено отдѣленіе судебныхъ функцій отъ полицейскихъ и введеніе начала состязательности; 2) прокуратура должна быть надѣлена всѣми функціями судебной полиціи, дѣйствующей подъ контролемъ суда. Резолюціи сѣзда должны быть признаны крайне общими и неопредѣленными. Особенно цѣнно было на конгрессѣ непосредственное общеніе его участниковъ, живой обмѣнъ мнѣній между ними, установленіе научныхъ связей и отношеній.

IV. Слушали сообщеніе *В. В. Есипова* „О девятомъ конгрессѣ международнаго союза криминалистовъ“.

Содержаніе сообщенія было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

В. В. Есиповъ сравнилъ два посѣщенныхъ имъ конгресса международнаго союза криминалистовъ, IX петербургскій и IV парижскій, и, отправляясь отъ этого, далъ характеристику происшедшихъ въ наукѣ уголовного права измѣненій, засвидѣтельствованнымъ обоими конгрессами. Между ними прошло всего девять лѣтъ, между тѣмъ сказалось существенное различіе въ высказанныхъ на нихъ научныхъ воззрѣніяхъ. Матеріальныя послѣдствія преступленія, которымъ прежде придавали первенствующее значеніе, нынѣ уступили мѣсто психическимъ элементамъ преступности. Идея возмездія, этотъ категорическій лозунгъ прежняго времени, замѣнилась идеей исправленія и помо-

щи падшему. Въмѣсто прежнихъ рѣчей объ опасности преступленія, предотвращеніе которой требуетъ крайне строгой репрессіи, заговорили о преступникѣ, какъ человѣкѣ, и о необходимости его исправленія и возвращенія этимъ путемъ въ среду полезныхъ членовъ общества. Эти принципы высказывались нѣкоторыми криминалистами еще на парижскомъ конгрессѣ, но тогда такіе взгляды казались большинству нѣсколько смѣлыми и поспѣшными. Однако спустя девять лѣтъ именно эти взгляды восторжествовали, что и обнаружилось на петербургскомъ конгрессѣ, отличительной чертой котораго является царившій на немъ духъ правовой „положительной гуманности“.

V. Слушали сообщеніе *В. Н. Александренко* о XXVI-омъ сѣздѣ германскихъ юристовъ.

Содержаніе сообщенія было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Въ концѣ августа текущаго года состоялся въ Берлинѣ XXVI сѣздъ (т. н. Juristentag) германскихъ юристовъ. Онъ былъ открытъ торжественной рѣчью прусскаго министра юстиціи Шенштета, и засѣданія его происходили въ новомъ роскошномъ помѣщеніи прусской палаты депутатовъ. Въ числѣ важнѣйшихъ темъ, служившихъ предметомъ докладовъ и горячихъ споровъ, были: реформа юридическаго образованія, государственный надзоръ за дѣятельностью синдикатовъ (проф. Менцель), попеченіе о малолѣтнихъ преступникахъ, условное осужденіе и вознагражденіе невинно осужденныхъ. Въ общемъ всѣ присутствовавшіе юристы, практики и теоретики, ученые разныхъ направленій (какъ Каль и Листъ), сошлись въ одномъ общемъ желаніи реформы уголовнаго законодательства Германіи, которую признали неотложной.

VI. Слушали докладъ *Д. В. Туткевича* „О распространеніи проекта Гражданскаго уложенія на Привислинскія губерніи“.

Содержаніе доклада было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Докладчикъ началъ съ указанія на то, что Редакціонная комиссія по составленію проекта Гражданскаго уложенія высказалась противъ распространенія этого проекта на Варшавскій судебный округъ. Такое рѣшеніе комиссіи докладчикъ подвергъ двоякаго рода обсужденію: формальному — съ точки зрѣнія легальности, и по существу — съ точки зрѣнія убѣдительности тѣхъ мотивовъ, которыми въ данномъ случаѣ руководилась комиссія. Легальнымъ основаніемъ для дѣятельности комиссіи по составленію проекта гражданскаго уложенія является Высочайше утвержденный 12 и 26 мая 1882 г. всеподданнѣйшій докладъ министра юстиціи (см. Собр. Узакон. и расп. Прав., 1882 г., № 55, ст. 361, стр. 617 и 618). Въ этомъ актѣ говорится о Высочайшемъ Государя Императора соизволеніи „приступить къ общему пере-

смотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ“ и о повелѣніи передать въ комиссію всѣ уже начатыя работы по разнымъ вопросамъ гражданского права. По смыслу акта, какъ его понимаетъ докладчикъ, *общій* пересмотръ распространяется и на гражданскіе законы Царства Польскаго въ видахъ объединенія ихъ съ общимъ уложеніемъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ объ ихъ пересмотрѣ въ духѣ унификаціи былъ начатъ еще въ 1832 году и не прекращался на протяженіи всего XIX вѣва; при введеніи судебной реформы въ краѣ вопросъ этотъ былъ только отложенъ за недостаткомъ времени. На этомъ основаніи докладчикъ призналъ, что исключеніе изъ проекта гражданскихъ законовъ Царства Польскаго представляетъ собою прямое нарушеніе закона, каковымъ въ данномъ случаѣ является всеподданнѣйшій министерскій докладъ, удостоившійся Высочайшаго утвержденія.

Въ приведенныхъ въ проектѣ мотивахъ редакціонная комиссія въ принципѣ признала всю важность общеимперскаго объединенія гражданского права для политическихъ и экономическихъ цѣлей, но въ виду многочисленныхъ особенностей гражданскихъ законовъ Царства Польскаго сочла такое объединеніе чрезмѣрно труднымъ и признала его лишь дѣломъ будущаго.

Такимъ образомъ всѣ мотивы комиссіи сводятся, по мнѣнію докладчика, къ ссылкѣ на преждевременность унификаціи. Но именно эту ссылку докладчикъ признаетъ менѣе всего основательной, полагая, что проектированіе общаго уложенія является наиболѣе благопріятнымъ моментомъ для устраненія нежелательнаго партикуляризма, и упустить этотъ моментъ значитъ въ сущности отложить вопросъ *ad calendas graecas* или вовсе отъ него отказаться.

Между тѣмъ для такого отказа нѣтъ, по мнѣнію докладчика, никакого достаточнаго основанія, такъ какъ сохраненіе мѣстныхъ законовъ не требуется ни интересами общественнаго блага въ краѣ, ни народнымъ правосознаніемъ населенія, ни принципами науки права.

Кодексъ Наполеона съ самаго его введенія не обезпечивалъ надлежащимъ образомъ интересовъ общественнаго блага въ краѣ, такъ что пришлось затѣмъ издать въ отмѣну различныхъ его частей еще особое уложеніе, положеніе и уставы, которые нарушили кодификаціонное единство дѣйствующаго въ краѣ гражданского права.

Чуждый по происхожденію кодексъ даже за сто лѣтъ своего дѣйствія не вошелъ въ глубь правосознанія народной массы; послѣдняя продолжаетъ жить по своему обычному праву, которое однако подъ давленіемъ иноземнаго закона не можетъ сложиться въ развитую и стройную систему.

Несмотря на высокія достоинства, носящія даже печать геніальности, кодекс Наполеона за сто лѣтъ жизни значительно устарѣлъ и потому не можетъ быть призванъ неприкосновеннымъ съ точки зрѣнія современной науки права. Особенное вниманіе обращаетъ на себя въ этомъ отношеніи созданное кодексомъ безправное положеніе женщины, требующее безусловной отмѣны; такой же отмѣнѣ подлежатъ и другіе юридическіе архаизмы кодекса.

Послѣдовательно отвергнувъ всѣ мотивы, говорящіе въ пользу партикуляризма, докладчикъ привелъ затѣмъ положительные доводы, говорящіе въ пользу объединенія. Тутъ докладчикъ указалъ на достоинства проекта уложенія, на интересы науки гражданского права, развитіе которой всегда бываетъ успѣшнѣе при единствѣ кодекса, на такіе же интересы университетскаго преподаванія права, а также на значительное облегченіе замѣщенія судейскихъ должностей при единствѣ общеимперскаго гражданского уложенія. Главное же основаніе для объединенія докладчикъ усмотрѣлъ въ экономическихъ отношеніяхъ края, которыя вообще представляютъ наиболѣе надежную почву для всякаго рода сближенія.

Все сказанное объ унификаціи гражданского права имѣетъ силу, по заявленію докладчика, въ той же, если еще не въ большей степени въ приложеніи къ торговому праву.

Что касается технической стороны проведенія предлагаемой унификаціи въ общемъ уложеніи, то докладчикъ считаетъ болѣе цѣлесообразнымъ кодификаціонный приѣмъ, употребленный въ 1 ч. X т. Св. Зак. по отношенію къ изытіямъ для Черниговской и Полтавской губерній, чѣмъ способъ, примѣненный къ особенностямъ Варшавскаго Судебнаго Округа въ Судебныхъ Уставахъ¹⁾.

По содержанію доклада г. Туткевича происходили пренія, во время которыхъ отдѣльными членами было высказано въ общихъ чертахъ слѣдующее.

П. П. Вилліамсъ указалъ на то, что предѣлы территоріальнаго дѣйствія уложеній опредѣляются обыкновенно въ особыхъ законахъ о введеніи ихъ въ дѣйствіе. Выработка проекта такого закона (т. н. *Einführungsgesetz*) не была предоставлена редакціонной комиссіи. Вслѣдствіе этого весь докладъ не имѣетъ подъ собою реальной юридической почвы и потому не можетъ подлежать обсужденію.

¹⁾ Докладъ Д. В. Туткевича напечатанъ въ Журн. Мин. Юст., 1902 г., Декабрь.

А. К. Сарандо выразилъ принципиальное согласіе съ мыслью докладчика о желательности объединенія гражданского права, но не согласенъ признать въ рѣшеніи комиссіи нарушенія закона, потому что въ цитированномъ Высочайшемъ повелѣніи вопросъ о территориальномъ дѣйствіи проекта не былъ предрѣшенъ. Къ обсужденію же этого вопроса въ собраніи, какъ и всякаго другого вопроса, *А. К.* не видитъ никакихъ препятствій.

Ө. К. Горбъ-Ромашкевичъ присоединился къ послѣдней мысли, обративъ при этомъ вниманіе на то, что докладъ не связанъ съ разсылкой проекта различнымъ учрежденіямъ для отзыва, но возникъ самостоятельно по инициативѣ автора, какъ и всякій другой докладъ, читаемый въ обществѣ.

Г. В. Демченко высказалъ мнѣніе, что докладъ не разрѣшилъ вопроса о своевременности унификаціи съ юридической точки зрѣнія. Ссылка на чужеземное происхожденіе мѣстнаго закона еще недостаточна. Необходимо показать, произошло ли соотвѣтственное объединеніе въ самой жизни юридическихъ отношеній. Докладъ этого не сдѣлалъ, и потому вопросъ остается открытымъ.

А. Л. Блокъ счелъ нужнымъ смягчить упрекъ, сдѣланный докладчикомъ редакціонной комиссіи, ссылаясь на то, что, согласно нашимъ основнымъ законамъ, мѣстные законы находятся въ нѣкоторомъ особенно благоприятномъ положеніи и не отмѣняются общими, если это специально не оговорено.

Возражая оппонентамъ, *Д. В. Туткевичъ* высказалъ еще слѣдующее: 1) докладчикъ считаетъ обсужденіе поднятаго имъ вопроса умѣстнымъ именно въ настоящее время, когда все дѣло находится въ стадіи проекта; по изданіи же закона, разрѣшающаго вопросъ окончательно, обсужденіе его не будетъ уже имѣть практическаго интереса; 2) докладчикъ не убѣдился возраженіями и настаиваетъ на томъ, что редакціонная комиссія нарушила законъ; 3) докладчикъ полагаетъ, что общеимперское уложеніе, какъ законъ славянскаго происхожденія, будетъ больше соотвѣтствовать правосознанію народной массы въ краѣ, чѣмъ французскій кодексъ.

ХІІІ.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

13-го октября 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *Е. Ө. Карскаго*, присутствовало 29 членовъ Общества.

Были прочитаны слѣдующіе рефераты и доклады: 1) *Е. О. Карскаго* „XII археологическій сѣздъ въ г. Харьковѣ“, 2) *В. А. Францева* „О чешской школѣ живописи XI в.“ и 3) *А. Л. Погодина* „Слѣды архаическаго словообразованія въ славянскихъ языкахъ“.

Докладъ *Е. О. Карскаго* полностью напечатанъ во 2-мъ томѣ Записокъ Общества.

Содержаніе реферата *В. А. Францева* заключалось въ слѣдующемъ. Монсиньоръ Фердинандъ Ленеръ издалъ въ началѣ 1902 г. трудъ подъ заглавіемъ „*Česká škola malířska XI věku. I. Korunování Evangelistů krále Vratislava řečeny kodex Vyšehradský*“. Это—первая часть обширнаго изслѣдованія, посвященнаго четыремъ евангельскимъ кодексамъ: коронаціонному евангелистарію короля Вратислава или такъ наз. Вышеградскому кодексу, евангелистарію Святovitскому, Гѣзненскому и евангелистарію Краковскому. Всѣ эти четыре кодекса — памятники чешской художественной школы, процвѣтавшей во второй половинѣ XI-го вѣка. Въ этомъ автора изслѣдованія прежде всего убѣждаетъ внѣшнее сходство всѣхъ четырехъ кодексовъ, сходство письма, орнаментальныхъ украшеній и миниатюръ. Ф. Ленеръ весьма убѣдительно доказываетъ, что евангелистарій короля Вратислава и прочіе кодексы были несомнѣнно написаны въ Чехіи. Художественные признаки ихъ, почеркъ, каллиграфическія украшенія, инициалы и особенно миниатюры даютъ полное основаніе отнести начало чешской художественной школы ко второй половинѣ XI в. Относительно т. н. Вышеградскаго кодекса изслѣдователь замѣчаетъ, что время написанія его можетъ быть опредѣлено съ большою точностью. Названный кодексъ слѣдуетъ, по его заключенію, признать обрядовой книгой, которая предполагаетъ коронацію, совершившуюся въ Чехіи. Первая и единственная коронація въ Чехіи въ XI столѣтіи происходила въ церкви св. Вита 15-го іюня 1086 г. Это была коронація Вратислава, и потому т. н. Вышеградскій кодексъ есть коронаціонный евангелистарій короля Вратислава. Мѣстомъ, гдѣ развилась эта чешская художественная школа, былъ Сазавскій монастырь, а создателемъ этой школы и душою всего художественнаго движенія въ Чехіи въ XI в. былъ Божетѣхъ, настоятель Сазавскаго монастыря, человекъ близкій къ Вратиславу. Коронаціонный евангелистарій и есть, надо думать, произведеніе Божетѣха, поднесенное авторомъ его покровителю и другу—королю Вратиславу ко дню коронованія.

Содержаніе доклада *А. Л. Погодина* заключалось въ слѣдующемъ. Въ языкѣ постоянно совершается борьба старыхъ формъ словообразованія съ новыми. На почвѣ индо-европейскихъ языковъ можно замѣтить, какъ старыя основы-корни, къ которымъ окончанія присоединялись такъ же непосредственно, такъ же безъ помощи соединительныхъ

гласныхъ, какъ это мы наблюдаемъ до нынѣ въ семьѣ финно-угорскихъ языковъ, стали переходить въ систему склоненія основъ на гласный звукъ. Это архаическое состояніе языка, сближающее индо-европейскій праязыкъ съ финно-угорскими, сходными съ нимъ и въ другихъ отношеніяхъ, сохраняется въ болѣе неприкосновенномъ видѣ въ языкахъ, сдѣлавшихся литературными сравнительно рано: такъ, въ санскритѣ и авестѣ очень много старыхъ коренныхъ словъ, которыя въ греческомъ и латинскомъ языкахъ уже переходятъ въ систему склоненія основъ на гласный звукъ. Въ германскихъ языкахъ сохранились уже только немногіе остатки этой глубокой старины, въ литовскихъ такихъ архаизмовъ еще менѣе,—не болѣе одного, двухъ. Что касается славянскихъ языковъ, то здѣсь уже приходится прибѣгать къ филологическимъ изслѣдованіямъ, чтобы обнаружить слѣды архаическаго словообразованія безъ помощи соединительныхъ гласныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что нѣкогда и общеславянскій языкъ унаслѣдовалъ отъ своего предка, индо-европейскаго праязыка, довольно много коренныхъ основъ, которыя сохранились здѣсь или въ удвоеніяхъ (въ родѣ *колоколъ*, *глиголъ* и т. п.), или въ сложныхъ словахъ древняго типа (напр. *ноздри* = *нос* + *др* + *и*, гдѣ *др* слабая ступень къ греч. *δύρα* = дыра; *человѣкъ* = *чел* + *вѣкъ* — обладатель полной, совершенной силы, по объясненію проф. Р. Брандта; серб. *слатина* = *сол* + *тина*: соленая лужа и т. п.), или въ такихъ образованіяхъ, какъ *солонь* (изъ *сол* — *нъ*, гдѣ *сол* болѣе древній видъ основы, чѣмъ въ основѣ *солъ*; ср. лат. *sal*, *sale*), — *сердыи* (*срьдыце* — новообразованіе отъ *сърд* — *ь*, ср. лит. *širdis*). Въ обсужденіи доклада приняли участіе *Е. Θ. Карскій* и *Ю. Ю. Цвѣтковскій*. Последній замѣтилъ, что этимологія слова *ноздри*, предложенная докладчикомъ, не находитъ себѣ соотвѣтствія въ нѣм. *nasen* (ноздри).

XIV.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

2-го ноября 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предсѣдательствомъ *В. Н. Александренко*, присутствовали 24 члена общества.

Слушали докладъ *В. М. Савинкова* „Арестъ и его общественное значеніе“.

Содержаніе доклада сводилось къ слѣдующимъ основнымъ положеніямъ.

Вначалѣ докладчикъ указалъ источники, которыми онъ пользовался. Это—статистическія данныя, взятые изъ отчетовъ многочисленныхъ арестныхъ домовъ имперіи, а также личныя наблюденія докладчика, сдѣланныя имъ въ качествѣ попечителя варшавскаго арестнаго дома.

Предѣлы доклада ограничиваются однимъ изъ видовъ ареста, извѣстныхъ нашему законодательству, именно—арестомъ, налагаемымъ мировыми судьями въ видѣ наказанія за т. н. нарушенія. Арестъ этотъ представляетъ либо прямое наказаніе, либо замѣну денежнаго штрафа, съ расчетомъ по одному дню ареста за пять рублей штрафа.

Районъ нарушеній, облагаемыхъ наказаніемъ арестомъ, крайне обширенъ и все болѣе расширяется съ умноженіемъ различныхъ обязательныхъ постановленій.

Въ этомъ кругу отношеніе обвиненія къ осужденію весьма устойчиво и находитъ себѣ выраженіе въ нѣкоторой постоянной величинѣ. Изъ 100 человекъ, привлекаемыхъ къ отвѣтственности, осуждаются 64, а остальные оправдываются. Въ данныхъ случаяхъ не имѣетъ значенія личность нарушителя, но различныя внѣшнія обстоятельства, которыя ставятъ личность въ противорѣчіе съ обязательными постановленіями, которыя ей и приходится нарушать.

Экономическій результатъ обвинительныхъ приговоровъ, присуждающихъ къ аресту, выражается въ томъ, что общество систематически лишается громаднаго количества рабочихъ рукъ и дней.

Арестъ не ограждаетъ общества отъ нарушителей: 40% общаго числа заключеній въ арестныхъ домахъ составляютъ заключенія повторныя.

Арестъ не въ состояніи ни утратить, ни исправить лицъ, подвергнутыхъ ему.

Для устрашенія онъ является мѣрою черезчуръ слабою, для исправленія—совершенно непригодною.

Въ составѣ населенія арестныхъ домовъ есть элементы, для которыхъ нужно, собственно говоря, не пенитенціарное исправленіе, но медицинское лѣченіе. Таковы алкоголики и неврастеники.

Остальное населеніе арестнаго дома, въ виду краткосрочности ареста, отличается крайней подвижностью, вслѣдствіе чего къ нему трудно примѣнить какой либо постоянный режимъ исправленія, въ особенности режимъ систематическаго труда, какъ главнаго средства исправленія.

Докладчикъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразнымъ предоставлять содержащимся въ арестныхъ домахъ возможность продолжать занятіе ихъ обычнымъ трудомъ. Эту именно систему докладчикъ самъ примѣняетъ въ варшавскомъ арестномъ домѣ.

Вообще наказаніе арестомъ возбуждаетъ серьезныя сомнѣнія и требуетъ реформъ. Быть можетъ, умѣстнѣе всего было бы ввести вмѣсто ареста условное осужденіе, быть можетъ, нужны иныя мѣры, но во всякомъ случаѣ необходимы измѣненія.

По содержанію доклада происходили въ собраніи пренія, во время которыхъ отдѣльными членами высказано было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

В. В. Есиповъ, признавъ докладъ въ высшей степени интереснымъ и цѣннымъ, обратилъ особенное вниманіе на заключительную часть его, въ которой авторъ настаиваетъ на необходимости реформъ. Примыкая къ пожеланіямъ докладчика, *В. В. Есиповъ* ознакомилъ собраніе съ тѣмъ, какія измѣненія въ арестѣ предполагается ввести по заключеніямъ различныхъ комиссій, занимавшихся составленіемъ проекта новаго уголовного уложенія. *В. В.* ознакомилъ собраніе съ проектами 1895, 1898 гг. и редакціонной комиссіи 1901 г. Примѣнительно къ аресту, комиссіи эти разработали два вопроса: 1) о работѣ лицъ, содержащихся подъ арестомъ, и 2) о помѣщеніяхъ, въ которыхъ должны быть отбываемъ арестъ. По первому вопросу проектированъ слѣдующій порядокъ: до 7 дней вопросъ о работѣ оставленъ открытымъ, при арестѣ свыше 7 дней заключенные обязаны избрать себѣ работу, какую пожелаютъ. Что касается помѣщеній, то указанныя комиссіи, а также особое присутствіе 1902 г. пришли къ заключенію, что арестъ долженъ отбываться въ особыхъ домахъ, а также въ особыхъ помѣщеніяхъ при тюрьмахъ, военныхъ гауптвахтахъ и дома.

А. В. Горбуновъ призналъ докладъ въ высшей степени цѣннымъ и выразилъ желаніе видѣть его въ печати со всѣми статистическими данными, на которыя теперь авторъ могъ только общимъ образомъ сослаться.

Н. В. Невзоровъ возразилъ противъ утвержденія докладчика о невозможности опредѣленнаго режима въ арестныхъ домахъ. Оппонентъ указалъ на возможность введенія откупной системы съ организаціей смѣшанныхъ работъ.

Д. В. Тютчевичъ, отдавая должное мастерству изложенія докладчика, указалъ на односторонность доклада. Односторонность эта проявилась въ томъ, что докладчикъ основывалъ свои выводы нерѣдко не на типичныхъ, но на единичныхъ случаяхъ. Арестъ, какъ и всякое наказаніе, есть зло, но зло необходимое. Есть не мало людей, для которыхъ арестъ не шутка и которыхъ онъ удерживаетъ въ предѣлахъ самообладанія. Объ этомъ докладчикъ не сказалъ ни слова. Предлагаемый докладчикомъ режимъ продолженія въ арестѣ обычной работы не можетъ имѣть общаго значенія: онъ примѣнимъ исключительно къ

удобопортативнымъ ремесламъ. Заключеннымъ подъ арестомъ, для которыхъ нельзя организовать работу, необходимо дать въ руки хорошую книгу, что докладчикъ совершенно упустилъ изъ виду. Не все арестные дома плохи, какъ увѣряетъ докладчикъ; такъ, за варшавскій арестный домъ, благодаря просвѣщенной дѣятельности его попечителя, можно только радоваться. Оппонентъ не согласенъ съ отрицательнымъ отношеніемъ докладчика къ обязательнымъ постановленіямъ и разнаго рода предписаніямъ. Предписанія эти необходимы и вызываются сложностью современной жизни, особенно городской.

Н. С. Эйсмонтъ призналъ существеннымъ недостаткомъ доклада отсутствіе въ немъ единства построения. Последнее выразилось въ томъ, что, взявъ основной темой арестъ, авторъ ввелъ въ свой докладъ совершенно другой вопросъ, о жестокости судей, и занялся не относящейся въ данномъ случаѣ къ дѣлу критикой мировой юстиціи. Критика эта вышла крайне односторонней и не объективной вслѣдствіе того, что основывалась не на всестороннемъ изслѣдованіи, но на единичныхъ случаяхъ, которые сами по себѣ ничего не доказываютъ, потому что могутъ быть опровергнуты массою случаевъ прямо противоположнаго характера.

Во время преній докладчикомъ *В. М. Савинковымъ* высказано было еще слѣдующее: 1) докладчикъ изложилъ собранію только выдержки изъ своей работы, которую предполагаетъ отпечатать полностью со всемъ аппаратомъ статистическихъ данныхъ; 2) докладчикъ противъ откупной системы; арестъ не можетъ и не долженъ преслѣдовать фискальныя цѣли; 3) докладчикъ нарисовалъ картину современнаго положенія ареста, отнюдь не сгущая красокъ; темныя стороны, противъ которыхъ возражаютъ, вызваны самою жизнью.

XV.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

23-го ноября 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣтельствомъ *Е. О. Карскаго*, присутствовало 27 членовъ Общества.

Были прочитаны слѣдующіе рефераты: 1) *И. П. Филевича* „Къ исторіи Галицкой Руси въ 1848 г.“, 2) *С. Н. Браиловскаго* „Вопросы преподаванія русскаго языка въ средней школѣ“ и 3) *Е. М. Гаршина* „Поѣздка учениковъ Лодзинскаго Коммерческаго училища въ г. Нанси для усовершенствованія въ знаніи французскаго языка“.

И. П. Филевичъ познакомилъ слушателей съ задачами и дѣятельностью такъ называемаго „Собора галицко-русскихъ ученыхъ“, состоявшагося въ г. Львовѣ въ октябрѣ 1848 г., коснувшись при этомъ и общаго положенія галицкой Руси того времени. „Соборъ“ является самымъ свѣтлымъ воспоминаніемъ въ жизни русскихъ галичанъ, съ одной стороны—по тому живому участію, какое приняли въ немъ почти всѣ тогдашнія галицко-русскія силы, стоявшія на стражѣ своей народности, съ другой—по важности поднятыхъ на немъ вопросовъ и намѣченныхъ задачъ ближайшаго будущаго. На соборѣ съѣхалось 99 человекъ; онъ былъ какъ бы новымъ генеральнымъ смотромъ русскихъ общественныхъ дѣятелей въ Галиціи (первое собраніе галичанъ, носившее явно русскій характеръ, происходило 28-го апрѣля 1848 г.). Протоколы съѣзда, прочитанные въ выдержкѣ докладчикомъ изъ „Историческаго очерка Галицко-русской Матицы“, показываютъ, что задачи съѣзда заключались г. о. въ рѣшеніи вопроса о литературномъ языкѣ русскихъ галичанъ. Вопросъ этотъ получалъ особенное значеніе въ виду предположеннаго галичанами раздѣла Галиціи по народностямъ, съ тѣмъ чтобы въ областяхъ, заселенныхъ русскими, преподаваніе въ школахъ совершалось на русскомъ языкѣ. Вопросъ о литературномъ языкѣ Головацкій предложилъ рѣшить въ такомъ смыслѣ, чтобы не ограничиваться мѣстнымъ говоромъ, а воспользоваться всѣмъ матеріаломъ, заключающимся въ памятникахъ русской литературы. Вмѣстѣ съ этимъ было постановлено, чтобы въ школахъ изучали языки: во 1) кирилловскій, который въ то время отождествляли съ языкомъ русскаго извода ц.-слав. книгъ, и во 2) великорусскій.

Что касается вопроса о раздѣлѣ Галиціи по народностямъ, на русскую и польскую, то онъ остался лишь благимъ пожеланіемъ галичанъ. Точныхъ данныхъ о протяженіи русской площади и о взаимоотношеніи частей ея въ то время еще не было, не только въ Галиціи, но и вообще. Въ самой Россіи представленія о русской народности и о площади, занимаемой ею, были очень сбивчивы и вообще неправильны. Вполнѣ русской признавалась тогда только площадь, заселенная великоруссами; все остальное представлялось какъ бы пустымъ мѣстомъ. Какъ смотрѣли въ то время русскіе люди, интересовавшіеся вопросами о русской народности, напр., на Малороссію, достаточно указать хоть на Погодина. Подобные взгляды сходились съ польскими и продолжались до 60-хъ годовъ. Въ воспоминаніяхъ Драгоманова сохранилось свидѣтельство о сходкѣ кіевскихъ студентовъ въ 1862 г., на которой между прочимъ было провозглашено, что Кіевъ и его область — польская земля и что только Устряловъ сдѣлалъ ее русской. При такомъ положеніи вопроса о русской народности въ самой Россіи, очевидно, нельзя было ожидать, чтобы русскіе-галичане могли

своими собственными силами рѣшить этотъ вопросъ безъ сомнѣній и колебаній. Такъ это случилось и на самомъ дѣлѣ. Сознаніе кровнаго родства съ Россіей у русскихъ галичанъ особенно пробуждается послѣ того, какъ они познакомились съ русскими войсками, которыя проходили въ 1849 г. черезъ Галицію въ Венгрію. Въ дѣлѣ укрѣпленія въ галичанахъ русскаго духа этотъ переходъ, по мнѣнію докладчика, имѣлъ большое значеніе ¹⁾.

Д. В. Туткевичъ замѣтилъ, что винить русскіе верхи въ принятомъ состояніи бѣлоруссовъ и малоруссовъ, какъ это дѣлаетъ Венелинъ, каковое мнѣніе раздѣляетъ и докладчикъ, не слѣдуетъ: тутъ вина падаетъ на поляковъ.

И. П. Филевичъ возразилъ, что нѣкоторое облегченіе со стороны власти по отношенію къ бѣлоруссамъ и малоруссамъ является только съ 1840 г.; до того же времени этого не было. Достаточно указать, напр., на то, что всѣ уніаты были причислены къ римско-католической коллегіи, въ которой властвовали поляки. Впрочемъ, на дѣло надо смотрѣть съ исторической перспективы, такъ какъ и русскій народъ тогда былъ не тотъ, чѣмъ онъ является теперь, и условія времени были другія. Точное изученіе этихъ условій, несомнѣнно, вполне разъяснитъ тогдашнія отношенія. Къ послѣднимъ словамъ докладчика *Д. В. Туткевичъ* добавилъ, что при этомъ необходимо будетъ различать также и самыя мѣстности, гдѣ живутъ бѣлоруссы и малороссы, правый берегъ Днѣпра отъ лѣвобережныхъ областей.

Содержаніе доклада *С. Н. Браиловскаго* заключалось въ слѣдующемъ ²⁾. Отечественный языкъ долженъ занимать центральное мѣсто въ курсѣ средней школы: только онъ можетъ дать юношамъ то литературное образованіе, которое ставится краеугольнымъ камнемъ гуманнаго развитія человѣка. Для достиженія такой цѣли школа обладаетъ двумя средствами, обозначаемыми ходячими терминами: *русскій языкъ* и *словесность*. Чтобы научить учениковъ усваивать изъ произведеній словесности возвышенныя мысли и благородныя чувства, для этого надо давать имъ извѣстную подготовку въ низшихъ классахъ: приготовительномъ и трехъ первыхъ. Въ этихъ классахъ такой подготовки можно достигнуть слѣдующими средствами: 1) пріученіемъ ученика къ чтенію ясному, осмысленному; 2) побужденіемъ выучивать

¹⁾ См. Варшавскія Университетскія Извѣстія, 1902 г., н^о IX и 1903, н^о I и II; *И. П. Филевичъ*, Къ исторіи Карпатской Русі.

²⁾ Поводомъ къ появленію настоящаго доклада *С. Н. Браиловскаго* послужили, по словамъ докладчика, тѣ возраженія, которыя были вызваны первымъ сообщеніемъ автора — „Нѣсколько эскурсовъ въ область школьной русской грамматики“ (см. „Записки“ Общества, т. I, стр. 22 и сл.).

наизусть и выразительно произносить *возможно большее* количество стихотворных образцов и въ 3) развитіемъ дара слова, т. е. свободной, логически послѣдовательной устной и письменной рѣчи. вмѣстѣ съ этимъ должно быть ведено изученіе грамматики, какъ дисциплины безусловно необходимой въ указанныхъ классахъ, ибо грамматика во 1) помогаетъ учащимся утвердиться въ правильномъ употребленіи языка и во 2-хъ) развиваетъ ихъ умъ, дѣлая его воспріимчивымъ не только „къ содержанію произведеній творческаго слова, но и всякой другой науки“¹⁾. Объемъ грамматики отечественнаго языка въ низшихъ классахъ, по мнѣнію докладчика, долженъ ограничиться этимологіей и синтаксисомъ (о звукахъ можно сказать только самое необходимое, безъ чего невозможно изученіе словъ). Въ приготовительномъ и первомъ классахъ на первомъ планѣ должны быть поставлены чтеніе и пересказъ прочитаннаго, устный и письменный, грамматику же надо проходить *практически*, избѣгая лишней терминологіи, приблизительно въ объемѣ книгъ „Русское Слово“ (Григорьева и Оленина, годъ 2-ой) или „Родное Слово“ (Ушинскаго), но съ сокращеніемъ ихъ грамматическаго матеріала. Во 2-мъ и 3-ьемъ классахъ грамматику слѣдуетъ изучать уже систематически, притомъ—исходя изъ синтаксиса. Указавъ, какъ и что желательно освѣщать при такомъ изученіи русской грамматики, докладчикъ остановился подробно на выясненіи и защитѣ *грамматической* точки зрѣнія при разборѣ предложеній. Логическій разборъ (по вопросамъ: кто дѣйствуетъ или о комъ говорится? что дѣлаетъ предметъ или что говорится о немъ? каковъ предметъ? при какихъ обстоятельствахъ совершается дѣйствіе? и т. п.), полезный и умѣстный на урокахъ сознательнаго чтенія, слѣдуетъ отличать отъ грамматическаго, при которомъ предметомъ наблюденія мы дѣлаемъ *грамматическое строеніе* предложенія, отдаемъ себѣ отчетъ въ той сложной умственной работѣ, которая упорядочила отдѣльные слова для выраженія мысли. Въ дальнѣйшемъ авторъ выяснилъ отношеніе этимологической формы слова къ синтаксической и различіе между той и другой (на склоненіи именъ, на сказуемомъ и на лицахъ глагола). Общие выводы, къ какимъ пришелъ докладчикъ, такіе. 1) Вполнѣ достаточно для общеобразовательной средней школы и того теоретическаго матеріала, который предлагался и предлагается школьными граммати-

¹⁾ Причины грустныхъ результатовъ, къ коимъ привело многолѣтнее обученіе грамматикѣ въ средней школѣ, по мнѣнію докладчика, заключались главнымъ образомъ въ слѣдующемъ: а) содержаніе школьной грамматики представляется остатки грамматики латинской и формальной логики, б) грамматика не всегда правильно и послѣдовательно преподавалась и в) сами учащіе часто не знали, что изъ каждой части грамматики слѣдуетъ преподавать.

ками. Докладчик склоненъ скорѣе считать этотъ матеріалъ усложненнымъ внесеніемъ того, что должно быть отнесено на уроки объяснительнаго чтенія или практическаго ознакомленія съ русскимъ правописаніемъ. 2) На подготовительной ступени обученія (приготовительный и 1—3 кл.) необходимо на *первомъ планѣ* поставить непосредственное ознакомленіе ученика съ литературными образцами, наблюденіямъ же надъ грамматическимъ строемъ рѣчи отвести *второе мѣсто*. 3) Необходимо совершенно изгнать изъ школы *догматическое* изученіе правилъ грамматики, источникомъ коихъ является латинская грамматика. 4) Въмѣсто *механическаго усвоенія* учениками грамматическихъ формъ и правилъ слѣдуетъ заставить ихъ *вдумываться* въ явленія и факты литературнаго языка, чтобы подмѣтить законы, на коихъ они основаны.

Въ заключеніе, сославшись на статью кн. Волконскаго (Нов. Вр. № 9588—89), въ которой подчеркивается отсутствіе разумности, голословность и лживость школьных учебниковъ, и указавъ на то, что никакая реформа средней школы не поможетъ дѣлу, пока основа преподаванія, т. е. учебники, не будетъ пользоваться довѣріемъ и уваженіемъ со стороны учащихся, докладчикъ выразилъ пожеланіе, чтобы при Варшавскомъ Обществѣ исторіи, филологіи и права образовался кружокъ изъ профессоровъ и преподавателей, который занялся бы составленіемъ „Опыта научной школьной грамматики русскаго литературнаго языка“. Докладчикъ ожидаетъ отъ такого „Опыта“, какъ труда коллективнаго, много хорошаго. Такой „Опытъ“, одобренный Академіей Наукъ, по мнѣнію докладчика, скорѣе всего положилъ бы предѣлъ нареканіямъ на среднюю школу и ея дѣятелей.

Докладъ С. Н. Браиловскаго вызвалъ замѣчанія А. В. Михайлова и А. Л. Погодина.

А. В. Михайловъ сказалъ, что съ постановкой преподаванія русскаго языка въ низшихъ классахъ средней школы въ томъ видѣ, въ какомъ предлагается докладомъ, онъ въ общемъ согласенъ. Не вдаваясь въ подробности, оппонентъ желалъ бы только, чтобы изученіе грамматики русскаго языка во *всѣхъ* низшихъ классахъ, кончая третьимъ, шло исключительно практическимъ путемъ. Систематическое, теоретическое прохожденіе грамматики родного языка необходимо перенести въ старшіе классы, такъ какъ только въ этомъ возрастѣ ученики могутъ усвоить столь важный предметъ съ подобающей полнотой и основательностью; только въ этомъ случаѣ не будетъ тѣхъ „осколковъ“, „обрывковъ“ въ нашихъ познаніяхъ по теоріи родного языка и исчезнетъ догматизмъ въ преподаваніи, на что справедливо жалуется и самъ докладчикъ. Поэтому оппонентъ по прежнему настаиваетъ на

своихъ двухъ главныхъ положенійхъ, относительно программы и постановки преподаванія русскаго языка въ русской средней школѣ, а именно: 1) преподаваніе это не должно быть исключительно элементарнымъ, т. е. — съ цѣлью только фактическаго усвоенія отечественнаго языка и 2) изученіе русскаго языка (собственно языка) не должно завершаться низшими классами средней школы.

С. И. Браиловскій возразилъ, что въ средней школѣ нельзя специализироваться въ учебномъ предметѣ: на это не хватитъ и времени. *А. В. Михайловъ* замѣтилъ, что между специальнымъ изученіемъ русскаго языка въ университетѣ и расширеніемъ программы по этому языку въ средней школѣ, съ цѣлью только общеобразовательной, огромная разница. Объ этомъ оппоненту приходилось уже говорить въ засѣданіяхъ 10-го ноября и 1-го декабря 1901 г. Докладчикъ желаетъ, напр., чтобы ученики сознательно относились къ формамъ литер. языка; но въдь это невозможно безъ знанія исторіи развитія и образованія русскаго языка вообще и литер. въ частности (мракъ — морокъ, чуждый — чужой, ходячій — ходящій и т. п., множественность флексій, однообразіе ихъ и т. п.). Что касается времени, то съ этой стороны препятствій быть не можетъ и не должно быть: 1 или 2 недѣльныхъ часа, посвященные на систематическое изученіе жизни и строя отечественнаго языка, въ 5-мъ и 6-мъ классѣ всегда найдутся. Въ среднихъ школахъ Германіи и Австріи грамматика нѣмецкаго языка изучается во всѣхъ классахъ, кончая 6-мъ.

А. Л. Погодинъ замѣтилъ, что въ толкованіи докладчика различія между логическимъ и грамматическимъ разборами предложеній заключается неясность. Въ обычномъ словоупотребленіи логическій разборъ понимается иначе, чѣмъ думаетъ докладчикъ. Предложеніе „мнѣ хочется спать“ въ логическомъ отношеніи равнозначуще съ „я хочу спать“. Съ замѣчаніемъ *А. Л. Погодина* г. *Браиловскій* не согласился. Нужно, по его словамъ, въ разборъ предложеній ввести опредѣленность, что можетъ дать только грамматическая точка зрѣнія при такомъ разборѣ. Пользуясь этимъ методомъ, Овсянко — Куликовскій очень удачно разобралъ всѣ трудныя, „загадочныя“ предложенія, въ родѣ — „у меня много денегъ“ и т. п.

Послѣ небольшого перерыва *Е. М. Гаршинъ* доложилъ о поѣздкѣ учениковъ Лодзинскаго Коммерческаго училища во Францію для изученія французскаго языка. Наиболѣе рациональнымъ изъ всѣхъ методовъ и системъ обученія иностраннымъ языкамъ современная педагогика признаетъ методъ натуральный, сущность котораго заключается въ томъ, что иностранный языкъ изучается путемъ бесѣды, живого разговора, въ связи съ обстановкой, окружающей учащагося, или по-

средствомъ картинъ и искусственнаго подбора предметовъ, названіе которыхъ сообщается учащемуся и повторяется имъ; при этомъ, по мѣрѣ возможности, избѣгается употребленіе родного языка. По мнѣнію Леше (преподаватель нѣмецкаго языка въ Кіевскомъ I-мъ Коммерческомъ училищѣ), натуральный методъ возникъ въ 60-годахъ XIX в. въ Германіи, какъ реакція грамматическому методу. Въ Россіи заговорили о натуральномъ методѣ въ связи съ распространеніемъ идей американца Берлица, школы котораго раскинуты теперь по всему міру, за исключеніемъ Россіи. Среди русскихъ ученыхъ защитникомъ натурального метода изученія языковъ г. Гаршинъ считаетъ покойнаго Ѳ. И. Буслаева, составившаго въ 1886 г. планъ и программу изученія иностранныхъ языковъ для среднихъ учебныхъ заведеній, въ виду проектировавшагося тогда московскимъ дворянствомъ института благородныхъ дѣвицъ; его трудъ вышелъ отдѣльной брошюрой въ 1890 г. Послѣ этого докладчикъ перешелъ къ описанію своей экскурсіи въ г. Нанси (13-го іюня 1902 г.) съ 20-ью учениками (въ числѣ коихъ было 15 евреевъ, 4 нѣмца и 1 славянинъ), въ сопровожденіи еще двухъ наставниковъ. Занятія на курсахъ Alliance française pour la propagation de la langue française dans les colonies et à l'étranger, на которыхъ изъ учениковъ Лодзинскаго училища устроена была отдѣльная группа, начинались въ 6³/₄ ч. утра и раздѣлялись слѣдующимъ образомъ. Первый часъ посвящался грамматическимъ и стилистическимъ упражненіямъ. Слѣдующіе два часа, съ 8-ми до 10 ч. утра, употреблялись на прогулку, подъ руководствомъ трехъ педагоговъ; прогулка сопровождалась объяснительной бесѣдой на французскомъ языкѣ. Съ 10—11 ч. ученики занимались исполненіемъ самостоятельныхъ работъ, подъ наблюденіемъ педагоговъ своего училища, съ 11—12 ч. утра преподаватель мѣстнаго лицея г. Антуанъ давалъ урокъ дикціи и произношенія. Кромѣ этихъ занятій, по четвергамъ и воскресеніямъ, подъ руководствомъ г. Антуана, совершались болѣе или менѣе отдаленныя экскурсіи, всегда интересныя, очень поучительныя и, конечно, связанныя съ практикой во французскомъ языкѣ; таковы, напр., въ Парижъ (3 дня), Вогезскія горы (2 дня) и въ Домреми (1 день), родину Жанны д'Аркъ. Проѣздомъ изъ Лодзи въ Нанси и обратно, при остановкахъ въ Дрезденѣ, Страсбургѣ, Гейдельбергѣ, Майнцѣ, Кельнѣ, Дюссельдорфѣ и Берлинѣ были осмотрѣны достопримѣчательности этихъ городовъ; путь отъ Майнца до Кельна былъ сдѣланъ по Рейну на пароходѣ. 26-го іюля экскурсанты вернулись въ Лодзь. Желая убѣдиться въ результатахъ поѣздки, педагогическій Комитетъ Лодзинскаго Коммерческаго училища произвелъ экскурсантамъ особое испытаніе, при участіи приглашенныхъ для этого случая французовъ соотвѣтствующаго образовательнаго ценза и не знающихъ ни слова по-русски. Испытуемые

обнаружили несомнѣнные успѣхи: всѣ болѣе или менѣе удовлетворительно могли объясняться на французскомъ языкѣ, поддерживая живой разговоръ на довольно сложныя темы, и во всякомъ случаѣ понимали рѣчь француза вполне свободно. Поѣздка въ Нанси, со всѣми расходами, обошлась въ 4000 рублей, изъ коихъ 1) 500 рублей отпустило Министерство Финансовъ, 2) 500 руб. Попечительскій Совѣтъ Лодзинскаго Коммерческаго училища и 3) 3000 р. внесли родители учениковъ. Изъ 20 экскурсантовъ двое ѣздили даромъ. Истрачено было больше, чѣмъ слѣдуетъ, между прочимъ потому, что для учениковъ - евреевъ необходимо было въ Нанси устроить „кошернаый“ столъ. Осуществленіе идеи ученическихъ поѣздокъ за-границу для изученія иностранныхъ языковъ представляется г. Гаршину, на основаніи произведеннаго опыта, вполне возможнымъ, и онъ надѣется, что эта идея получить широкое распространеніе и развитіе.

XVI.

Засѣданіе юридическаго отдѣленія.

27-го ноября 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ В. Н. Александренко, присутствовало 22 члена Общества.

Слушали докладъ *Θ. В. Тарановскаго* „Государственная практика и канцелярская наука въ XVIII вѣкѣ въ Германіи“.

Содержаніе доклада было въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

Докладчикъ по первоисточникамъ познакомилъ собраніе съ практиковавшимся во второй половинѣ XVIII вѣка въ Германіи оригинальнымъ приѣмомъ преподаванія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ своеобразной „канцелярской науки“. Отцомъ этой науки является Іоаннъ Іаковъ Мозеръ, извѣстный представитель догматической разработки нѣмецкаго государственнаго права. Будучи не только ученымъ профессоромъ, но и практическимъ государственнымъ дѣятелемъ, Мозеръ пришелъ къ убѣжденію, что юридическіе факультеты не даютъ достаточной подготовки молодымъ людямъ, намѣревающимся посвятить себя государственной службѣ въ не-судебныхъ учрежденіяхъ. Недостаточность подготовки сказывалась, по мнѣнію Мозера, въ полномъ незнаніи тѣхъ приѣмовъ, путемъ которыхъ отвлеченные научные принципы прилагаются къ конкретной жизни; приѣмы эти Мозеръ сводилъ

къ „государственной практикѣ“, подѣ которой понималъ прикладную политику, и къ „канцелярской наукѣ“, которая должна была обнять собою все формы и порядки канцелярскаго производства дѣлъ. На этомъ основаніи Мозеръ требовалъ, чтобы указанныя науки были включены въ кругъ высшаго юридическаго образованія. Отъ пожеланій Мозеръ перешелъ непосредственно къ ихъ осуществленію и въ 1729 году открылъ въ Тюбингенскомъ университетѣ, въ которомъ занималъ кафедру государственнаго права, особый курсъ канцелярской науки (Cantzleywissenschaft). Этотъ отдѣльный курсъ, читанный въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, показался, однако, Мозеру недостаточнымъ, и у Мозера зародилась мысль объ учрежденіи спеціальнаго высшаго учебнаго заведенія, въ которомъ преподавалось бы исключительно прикладное государственовѣдѣніе. И эту мысль Мозеръ привелъ въ исполненіе. Въ 1749 году онъ открылъ въ Ганау частную академію государственныхъ и канцелярскихъ наукъ, въ трехъ классахъ или отдѣленіяхъ которой давалось молодымъ людямъ профессиональное образованіе по предмету внутренней политики, виѣшней политики и канцелярскаго дѣлопроизводства. Названная академія въ Ганау просуществовала всего лишь два года и потому непосредственно не принесла, конечно, государственно-канцелярскому дѣлу Германіи той пользы, которой ожидалъ отъ нея Мозеръ. Но самый замыселъ ея вызвалъ двоякаго рода послѣдствія: повліялъ на преподаваніе государственной и канцелярской практики въ университетахъ и создалъ спеціальную литературу канцелярскаго дѣла въ Германіи во второй половинѣ XVIII вѣка. Послѣдствія эти сказались, однако, значительно уже породившаго ихъ замысла. Въ Мозеровской академіи задачи прикладнаго государственовѣдѣнія были поставлены широко. Въ основу и въ видѣ матеріальнаго содержанія положена была политика, или „государственная мудрость“, а канцелярская практика составляла только формальную часть, — ученіе о *modus agendi* правительственнаго дѣятеля. Это взаимоотношеніе содержанія и формы не сохранилось въ томъ видѣ, какъ представлялъ его себѣ Мозеръ, и измѣнилось подѣ влияніемъ общихъ условій времени. Полицейское государство съ бюрократической системой управленія ставило канцелярское производство выше того дѣла, которому оно должно было служить, по крайней мѣрѣ, въ идеѣ; канцелярская практика была не только средствомъ, но и своего рода самодовлѣющей цѣлью механической дѣятельности бюрократизма. При такомъ политическомъ порядкѣ все прикладное государственовѣдѣніе свелось къ одной лишь канцелярской наукѣ, которая читалась въ германскихъ университетахъ вплоть до конца XVIII вѣка и имѣла въ то время свою спеціальную литературу. Съ паденіемъ бюрократической системы „старого поряд-

ка¹⁾ пала и канцелярская наука, и поле академического преподаванія очистилось отъ излишняго мусора¹⁾.

По содержанію доклада происходилъ въ собраніи обмѣнъ мнѣній, во время котораго отдѣльными членами было высказано въ основныхъ чертахъ слѣдующее.

А. Л. Блокъ, признавъ въ докладѣ полную объективность и историчность изложенія, замѣтилъ, что все же видно отрицательное отношеніе автора къ Мозеровской государственной практикѣ и канцелярской наукѣ. Дѣйствительно, вырожденіе прикладнаго государствовѣдѣнія въ ученіе о канцелярскомъ производствѣ нельзя не признать отрицательнымъ явленіемъ. Ал. Льв. полагаетъ, что причина этого вырожденія коренится въ томъ разграниченіи политики и государственнаго права, которое проводилъ Мозеръ. Политика, изъ которой государственное право совершенно исключено, лишается наиболѣе соотвѣствующаго ей источника идеализма и потому оказывается способной къ указанному вырожденію.

Д. В. Туткевичъ остановился на вопросѣ о томъ, можетъ ли канцелярское производство составить предметъ университетскаго преподаванія, и рѣшилъ его отрицательно, указывая, что казуистичность канцелярскаго производства исключаетъ возможность обобщеній, безъ которыхъ въ свою очередь немыслима наука. Общее теоретическое развитіе, доставляемое университетомъ, даетъ молодому юристу возможность усвоить всѣ канцелярскіе порядки въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ службы, такъ что въ предварительномъ изученіи канцелярскаго дѣла на университетской скамьѣ нѣтъ необходимости.

Н. Н. Любавичъ обратилъ вниманіе собранія на то, что на Мозера, его академію и канцелярскую науку слѣдуетъ смотрѣть исторически, съ точки зрѣнія политическихъ порядковъ Германіи во вторую половину XVIII вѣка. Политическая раздробленность и господство т. н. Beamtenstaat'a приводили къ тому, что, прежде чѣмъ рѣшить какое либо общее государственное дѣло Германіи по существу, необходимо было преодолѣть цѣлый рядъ условностей и формальностей, касавшихся этикета, церемоніала и производства. Эту то сторону внутренней государственной жизни Германіи и имѣлъ въ виду Мозеръ, создавая свою академію и канцелярскую науку, которыя имѣютъ, слѣдовательно, временное и мѣстное значеніе.

В. В. Есиповъ призналъ нововведеніе Мозера не столько особой наукой, сколько своеобразнымъ методомъ преподаванія, — канцеляр-

¹⁾ Докладъ О. В. Тарановскаго напечатанъ въ Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ, 1902 г., кн. VII.

скимъ, практическимъ. Въ этомъ методѣ университетъ не можетъ нуждаться, такъ какъ располагаетъ строго научными средствами преподаванія права.

Ө. Ө. *Зигель* обратилъ вниманіе на своеобразную программу нѣмецкой политики, предложенную Мозеромъ для его академіи, и отмѣтилъ связь ея со статистическимъ методомъ Ахенвала.

И. П. Селиверстовъ указалъ, что въ созданіи своей академіи Мозеръ руководился вѣрной мыслью о необходимости, кромѣ юридическихъ факультетовъ, специальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыя подготовляли бы профессиональныхъ администраторовъ. Само собою понятно, что подготовка эта должна быть строго научна и не можетъ сводиться къ изученію канцелярскаго дѣла.

Ө. В. Тарановскій въ дополненіе къ докладу высказалъ слѣдующее: 1) вырожденіе прикладного государствовѣдѣнія объясняется не столько методологическимъ разграниченіемъ политики и государственнаго права, сколько условіями и требованіями бюрократическаго государственнаго строя; 2) докладчикъ всецѣло присоединяется къ историческому объясненію дѣятельности Мозера, что и старался сильно провести въ докладѣ; 3) введеніе канцелярскаго науки въ университетъ было политическою охранительною мѣрою; 4) самъ Мозеръ имѣлъ болѣе широкіе замыслы, но жизнь сузила ихъ.

XVII.

Засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія.

18-го декабря 1902 г.

Въ засѣданіи, происходившемъ подъ предѣлательствомъ *Е. Ө. Карскаго*, присутствовали 21 членъ Общества.

Въ этомъ засѣданіи были сдѣланы сообщенія: 1) *А. Л. Погодинъ* о „Гельсингфорская школа лингвистовъ и этнографовъ“ и 2) *Н. А. Дубровскій* о „Пессимизмъ и вольнодумство флорентійскаго публициста конца XIV-го вѣка“.

Содержаніе доклада *А. Л. Погодина* слѣдующее.

Гельсингфорская школа филологовъ ведетъ свое происхожденіе отъ двухъ замѣчательныхъ людей 19 го вѣка — *Лёнрота* и *Кастрена*. *Лёнротъ*, собравшій финскія эпическія пѣсни и составившій изъ нихъ въ срединѣ 30-хъ годовъ поэму *Калевалу*, воодушевилъ своею дѣятельностью талантливую финскую молодежь, изъ среды которой сразу вы-

дѣлился студентъ Гельсингфорскаго у-та Кастренъ. Онъ рѣшилъ посвятить всю свою жизнь на изученіе народностей урало-алтайской семьи и провелъ ее въ странствованіяхъ по пустынямъ Азіи, снѣжнымъ равнинамъ Лапландіи и лѣсамъ сѣверной Россіи въ поискахъ за тѣми остатками общезинскаго духовнаго наслѣдія, которые указывали на нѣкогда существовавшую культуру урало-алтайской семьи народовъ. Результатомъ этой широкой дѣятельности было учрежденіе въ Гельсингфорсѣ каяедры финскаго языка и литературы, и первымъ ея представителемъ былъ Кастренъ, которому Императоръ Александръ II лично вручилъ дипломъ. Слѣдующее поколѣніе финологовъ, во главѣ которыхъ надо поставить Ю. Крона, женатаго на дочери Лѣярота, и Альквиста, ученика Кастрена, занялось по преимуществу детальной разработкой финскихъ языковъ и этнографіи, причемъ начавшееся въ огромныхъ размѣрахъ собираніе памятниковъ финскаго народнаго творчества сдѣлало возможнымъ созданіе „географическаго“ метода этнографическихъ изслѣдованій. Этотъ методъ, предложенный Ю. Крономъ и разработанный его сыномъ, современнымъ финскимъ ученымъ, проф. Карломъ Крономъ, является пріобрѣтеніемъ именно финляндской науки; онъ заключается въ географическомъ распредѣленіи матеріала, при которомъ обнаруживается, изъ какого центра двинулось то или другое преданіе, пѣсня и т. п. Альквистъ изучалъ культурныя слова финскихъ народностей, составилъ историческую грамматику формъ финскаго языка, мордовскую грамматику и т. п. Современное, третье поколѣніе финскихъ ученыхъ группируется около проф. Сетеле и К. Крона. Первый — лингвистъ, открывшій своимъ классическимъ трудомъ „Общезинская исторія звуковъ“ (гдѣ примѣненъ особенно успѣшно методъ изученія заимствованныхъ словъ) новую эру въ изученіи финскихъ языковъ; второй — этнографъ, истолкователь народныхъ сказокъ о звѣряхъ, ученый издатель этихъ сказокъ и т. п. Къ Сетеле и Крону примыкаетъ много талантливыхъ и трудолюбивыхъ изслѣдователей быта финскихъ племенъ; они, проводя жизнь по цѣлымъ годамъ въ глуши лѣсовъ Зырянскаго края, въ деревняхъ мордвы, въ тайгѣ вогуловъ, остяковъ и т. д. собираютъ весьма цѣнные матеріалы по языку и быту этихъ народностей. Въ настоящее время прекрасно изучены мордва и черемисы д-ромъ Пасоненомъ, зыряне и вотяки—Вихманомъ, эстонцы — Калласомъ (который примыкаетъ также къ Гельсингфорской школѣ), вогулы и остяки—Карьянайненомъ и Качисто и др. Вообще, въ финской наукѣ настоящаго времени наблюдается особенно сильное движеніе, проникнутое сознаниемъ ближайшей связи между людьми науки и обществомъ; общество собираетъ значительныя матеріальныя средства на ученые командировки, выдвигаетъ все новыхъ специалистовъ, гордится своими учеными.

А. П. Косминскій замѣтилъ, что съ мнѣніемъ Крона, будто заговоры заимствованы финнами у великороссовъ, трудно согласиться; скорѣе надо думать, что происходило обратное, особенно тамъ, гдѣ рускіе сосѣдять съ финнами. А. Л. Поюдинъ пояснилъ, что тутъ идетъ дѣло не о древнихъ заговорахъ (есть у финновъ и такіе, напр., у вотяковъ, заговоры которыхъ поражаютъ своей стариной), а о болѣе позднихъ, притомъ общаго т. сказать характера; таковы, напр., заговоръ противъ кровотеченія. Позднее происхожденіе этого заговора призналъ и Е. О. Карскій. Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что близкое сосѣдство русскихъ съ финнами вело къ взаимодѣйствию между обѣими народностями въ разныхъ сферахъ жизни уже съ давнихъ временъ.

На вопросъ, поставленный Е. О. Карскимъ, почему докладъ начинается исторію изученія финскихъ языковъ съ протестантскихъ проповѣдниковъ XVI-го вѣка и обходитъ дѣятельность Стефана Пермскаго (XIV в.), А. Л. Поюдинъ отвѣтилъ, что записи послѣдняго утеряны, первые же памятники финскаго языка, дошедшіе до нашего времени, принадлежатъ епископу Михаилу Агриколѣ (1546—1549 г.). Послѣ этого докладчикъ привелъ нѣсколько поясненій о дополненіяхъ, которыя сдѣлалъ Сетеле въ нѣмецкомъ переводѣ своей рецензіи (напечатана въ 17-мъ т. Журнала Финно-Угорскаго Общества) о книгахъ Смирнова (Черемисы, Казань, 1889 г. Вотяки, К. 1890 г., Пермь, К. 1891 г. и Мордва, К. 1895 г.) противъ подлинника, напечатаннаго въ отчетѣ о 38-мъ присужденіи премій графа Уварова. Эти дополненія особенно интересны тѣмъ, что въ нихъ Сетеле указываетъ на связи финно-угорскихъ языковъ съ древнѣйшими индоевропейскими. Подобно Сетеле, такіе же связи этихъ двухъ язычныхъ группъ, индоевропейской и финно-угорской, отмѣчаетъ и Мункачи (Ethnologische Mittheilungen aus Ungarn. Budapest), который въ финскихъ языкахъ находитъ заимствованія даже изъ санскрита. Съ точкой зрѣнія Мункачи согласенъ и К. Кунъ въ статьѣ о происхожденіи пива (Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung, B. 35, p. 313 etc.). Между прочимъ докладчикъ указалъ, что, по мнѣнію Куна, славянское слово *пиво* (др. форма *pivos*) дало начало нѣмецкому *Bier*. Е. О. Карскій замѣтилъ, что древнѣйшимъ названіемъ пива у славянъ было не пиво, а *олъ*, и что поэтому съ заключеніемъ Куна едва ли можно вполне согласиться.

Послѣ небольшого перерыва былъ прочитанъ докладъ Н. А. Дубровскимъ. Коллюціо *Салютати* является виднѣйшимъ представителемъ второго поколѣнія италіанскихъ гуманистовъ. Въ концѣ XIV в. онъ играетъ въ исторіи Италіи и особенно въ исторіи Флоренціи выдающуюся роль. Поэтому онъ заслуживаетъ большаго вниманія историковъ того времени, которое въ наукѣ носитъ названіе Возрожденія.

Особенный интерес представляет публицистическая дѣятельность Салютати, такъ какъ она является выраженіемъ общественныхъ отношеній и теченій мысли цѣлой эпохи. Изученіе этой стороны дѣятельности Салютати въ настоящее время облегчается изданіемъ писемъ его, сдѣланныхъ профессоромъ Новати. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, говоритъ докладчикъ, что вся идеологія гуманистовъ представляетъ собою продуктъ экономическихъ отношеній, сложившихся именно къ XIV-му вѣку извѣстнымъ образомъ. Поэтому и публицистическія воззрѣнія Салютати слѣдуетъ изучать, какъ отраженіе этихъ именно отношеній. Письма его даютъ возможность прослѣдить это взаимотношеніе идеологическихъ конструкцій и реальныхъ явленій вѣдущаго міра, такъ сказать, документально. Прежде всего письма даютъ довольно богатый матеріалъ для біографіи Салютати, до сихъ поръ почти неизвѣстной. Этотъ біографическій матеріалъ открываетъ и тѣ источники, изъ которыхъ Салютати почерпнулъ и свои вкусы и свое общее направленіе. Т. о. теперь уже можно опредѣлить общую почву воззрѣній Салютати. Далѣе, письма даютъ много цѣнныхъ указаній для воспроизведенія міровоззрѣнія Салютати, чего до сихъ поръ сдѣлано не было. Изучая внимательно каждую группу основныхъ идей и идеаловъ Салютати, мы приходимъ къ заключенію, что основныя мысли его могутъ быть объяснены именно тѣми самыми соціально-экономическими отношеніями, которыми опредѣлялись вообще объемъ и содержаніе такъ называемаго ранняго италіанскаго гуманизма. Въ дальнѣйшемъ докладчикъ и старался доказать эту мысль, излагая воззрѣнія Салютати въ связи съ общими явленіями жизни, съ основными фактами и теченіями соціальной и этнографической дѣйствительности Италіи XIV в. На основаніи писемъ Салютати, впервые изучаемыхъ во всей своей совокупности, и были разобраны слѣдующія группы идей флорентійскаго публициста конца XIV-го в.: 1) метафизическія воззрѣнія Салютати; 2) воззрѣнія Салютати на жизнь и его идеологическая конструкція „Золотого вѣка“; 3) теорія круговращенія въ области явленій исторической жизни; 4) отношеніе Салютати къ природѣ и смерти; 5) его отношеніе къ идеаламъ аскетической морали и монашества; 6) воззрѣнія Салютати на женщину и на ея роль въ обществѣ; 7) политическія воззрѣнія Салютати и его теорія тиранубійства и 8) критика папства и церкви.

Каждую изъ этихъ группъ идей докладчикъ приводитъ въ связь съ основными теченіями культуры XIV в., съ общими условіями мѣста и времени; то же онъ старался сдѣлать и относительно двухъ основныхъ чертъ, характеризующихъ всю совокупность идей Салютати, какъ публициста, — съ его пессимизмомъ и вольнодумствомъ. Стараясь извлечь изъ писемъ Салютати все новое для исторіи италіанскаго

гуманизма, докладчикъ въ то же самое время имѣлъ въ виду доказать на основаніи дѣятельности этого публициста ту общую мысль, что весь такъ называемый Ренессансъ объясняется не чѣмъ инымъ, какъ экономическимъ и социальнымъ переворотомъ, совершившимся съ XIV в. въ италіанскихъ городахъ. — Докладъ вызвалъ замѣчаніе *Н. Н. Любавича*, который сказалъ, что называть Салютати вольнодумцемъ, какъ это дѣлаетъ докладчикъ, нельзя. Вольнодумство предполагаетъ крайніе взгляды, рѣзкое отступленіе отъ ученія церкви, чуждое современности. Но такимъ религіознымъ мыслителемъ Салютати не былъ. Его ученіе было въ духѣ времени. Это было время церковнаго раскола, когда во Франціи профессора Сорбонны критикуютъ церковь, а въ Англіи начинается дѣятельность Виклефа. Кромѣ этого надо также имѣть въ виду и то, что Салютати — италіанецъ, въ Италіи же къ папѣ всегда относились гораздо свободнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ. Салютати — дитя своего вѣка, стоялъ на почвѣ обычной, и въ его религіозныхъ взглядахъ менѣе вольнодумства, чѣмъ, напр., у „миноритовъ“ или „валденцевъ“. Нѣкоторое вольнодумство является въ его политическихъ воззрѣніяхъ. Но и это не должно насъ удивлять, если мы вспомнимъ, каковы въ то время были избирательныя начала императоровъ.

Н. А. Дубровский возразилъ, что, называя Салютати вольнодумцемъ, онъ смотритъ на этого публициста съ точки зрѣнія современниковъ. „Твои рѣчи“ — писалъ Агриппа Салютати — „такъ рѣзки, что многіе были ими смущены“. О папѣ Салютати пишетъ свой рѣзкій отзывъ какъ разъ въ то время, когда вся Италія съ торжествомъ и ликоваіемъ встрѣчала Урбана, возвращавшагося изъ Франціи.

Н. Н. Любавичъ замѣтилъ, что отзывы о Салютати нѣкоторыхъ современниковъ-гуманистовъ доказываютъ не вольнодумство Салютати, а только раболовство этихъ современниковъ. Что же касается ликованій италіанцевъ при встрѣчѣ папы, то они также вполне понятны: всѣ желали возвращенія папы въ Римъ, такъ какъ этого требовало народное самолюбіе, тѣмъ болѣе, что положеніе папы во Франціи было очень унижено. Этими ликованіями вовсе не отрицается очень свободное отношеніе къ папамъ со стороны италіанцевъ.

Годичное собраніе Общества.

26-го января 1903.

Годичное собраніе Общества состоялось подъ предѣдательствомъ товарища предѣдателя Н. Н. Любовича въ присутствіи многихъ членовъ Общества и постороннихъ лицъ. Въ этомъ собраніи *О. Θ. Базинеръ* прочиталъ рѣчь: „Идеи древнихъ о прогрессѣ человѣчества.“ Г. Базинеръ разсмотрѣлъ сначала тѣ взгляды грековъ, по которымъ жизнь человѣчества является процессомъ постепеннаго паденія его, а затѣмъ подробно прослѣдилъ историческое развитіе другого направленія, по которому человѣчество постепенно идетъ по пути прогресса.

Послѣ рѣчи г. Базинера секретарь Общества Г. В. Демченко прочиталъ слѣдующій отчетъ о состояніи и дѣятельности Общества за 1902 годъ.

О Т Ч Е Т Ъ

о состояніи и дѣятельности Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ за второй годъ его существованія, отъ 1-го января по 31-е декабря 1902 г.

І. Свѣдѣнія о личномъ составѣ Общества.

Къ 1 января 1902 г. Общество состояло изъ 20 членовъ-учредителей, которые принадлежали къ составу профессоровъ и преподавателей Университета, и изъ 100 дѣйствительныхъ членовъ. Въ теченіе 1902 г. въ Общество вступило новыхъ членовъ 41, такъ что въ настоящее

время Общество состоитъ изъ 161 члена: 20 членовъ - учредителей и 141 дѣйствительнаго члена. Общее количество тѣхъ и другихъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: по мѣсту жительства членовъ иногороднихъ — 25 и мѣстныхъ — 136; по занятіямъ — профессоровъ и преподавателей Университета — 37, лицъ судебного вѣдомства — 56, преподавателей средних учебныхъ заведеній — 44, лицъ другихъ профессій — 24.

Общество состоитъ изъ двухъ отдѣленій — историко-филологическихъ наукъ и юридическихъ наукъ. Въ одно только историко-филологическое отдѣленіе записалось 18 лицъ, въ одно юридическое — 2 лица.

Изъ числа проживающихъ въ Варшавѣ членовъ Общества нѣкоторые по избранію входятъ въ составъ Бюро и Совѣта Общества и завѣдываютъ текущими дѣлами, имуществомъ и научной дѣятельностью послѣдняго. Бюро Общества въ истекшемъ отчетномъ году состояло изъ слѣдующихъ должностныхъ лицъ, избранныхъ въ общихъ собраніяхъ 18 января, 14 и 21 февраля и 16 марта 1901 г.: председателя — О. И. Леонтовича, товарища председателя — Н. Н. Любовича, казначея — О. О. Базинера, секретаря — Г. В. Демченко и библіотекаря — С. И. Вѣхова. Кромѣ того, въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ председателемъ состоялъ Е. О. Карскій, а секретаремъ А. В. Михайловъ; въ отдѣленіи юридическихъ наукъ председателемъ состоялъ В. Н. Александренко, а секретаремъ О. В. Тарановскій. Въ составъ Совѣта Общества, которому принадлежитъ завѣдываніе текущими дѣлами Общества, находились: по должности — председатель, товарищъ председателя, председатели двухъ отдѣленій и секретарь Общества; сверхъ того по особому избранію — отъ отдѣленія историко-филологическихъ наукъ И. П. Созоновичъ, отъ отдѣленія юридическихъ наукъ А. Т. Гусаковъ (выбывшій въ іюнѣ за отъѣздомъ въ С.-Петербургъ). Редакторомъ изданій Общества былъ избранъ Н. И. Новосадскій. Въ составъ ревизіонной комиссіи вошли по избранію: А. А. Бржезинскій, А. П. Косминскій и Д. В. Туткевичъ.

II. Свѣдѣнія о состояніи библіотеки, имущества и денежныхъ средствъ Общества.

Библіотека Общества въ теченіе отчетнаго года пополнялась пожертвованіями и книгами, поступавшими въ обмѣнъ на „Записки“ Общества. Къ 1 января 1902 г. числилось поступившими въ библіотеку: книгъ — 32 названія въ 34 томахъ, періодическихъ и повременныхъ изданій — 39 названій въ 199 томахъ и тетрадахъ; такимъ образомъ всего было 71 названіе въ 233 томахъ. Въ 1902 г. въ библіотеку посту-

ило: книгъ — 31 названіе въ 46 томахъ, періодическихъ и повременныхъ изданій, сверхъ прежде указанныхъ, новыхъ 11 названій въ 153 томахъ и тетрадахъ. Такимъ образомъ къ 1 января 1903 г. бібліотека Общества состояла изъ 113 названій въ 432 томахъ и тетрадахъ.

Изданія Общества состояли изъ 400 экз. 1-го вып. „Записокъ“. Изъ нихъ 10 экз. отправлено въ Цензурный Комитетъ, 152 роздано членамъ Общества, 78 выслано другимъ обществамъ и учрежденіямъ въ обмѣнъ на изданія, 12 выдано въ распоряженіе г. товарища председателя Общества, 10 сдано на комиссію въ книжный магазинъ Карбасникова, 1 переданъ въ канцелярію Общества, 1 проданъ за наличныя деньги. Осталось всего 136 экземпляровъ, изъ которыхъ 92 сданы на храненіе въ бібліотеку.

Средства Общества слагались къ 1 января 1903 г. такъ:

Остатокъ отъ 1901 г.	Приходъ въ 1902 г.	Расходъ въ 1902 г.
301 р. 64 $\frac{1}{2}$ к.	712 р. 35 к.	419 р. 72 к.
Всего было въ кассѣ 1013 р. 99 $\frac{1}{2}$ к.		

Въ остаткѣ къ 1 января 1903 г. было 594 р. 27 $\frac{1}{2}$ к., изъ которыхъ 566 р. 35 к. хранятся въ Государственной Сберегательной Кассѣ.

III. Свѣдѣнія о дѣятельности Общества.

Дѣятельность Общества выразилась въ собраніяхъ для выслушанія и обсужденія докладовъ и рѣчей, въ изданіи „Записокъ“ и въ содѣйствіи научнымъ занятіямъ его членовъ.

1) Ученыхъ собраній Общества въ теченіе года состоялось 19, т. ч. Общество собиралось приблизительно черезъ каждыя двѣ недѣли. Отдѣленіе историко-филологическихъ наукъ имѣло 9 собраній и выслушало 19 докладовъ: И. Д. Малиновскаго, Знакомство Гоголя съ моимъ отцомъ; В. А. Францева, Гоголь въ чешской литературѣ; О. О. Базилера, Народныя сказанія о происхожденіи дѣтей; Н. Н. Любовича, Вольнодумцы XVI в. въ г. Люблинѣ (антитринитаріи и анабаптисты); И. П. Созоновича, Типъ амазонки въ европейской литературной традиціи и поляница воинственная русскихъ былинь; Е. О. Карскаго, Къ вопросу о вліяніи литовскаго и латышскаго языковъ на бѣлорусское нарѣчіе; И. П. Созоновича, В. А. Жуковскій какъ писатель и чловеѣкъ; О. О. Базилера, Отношеніе Жуковскаго къ классической древности; И. И. Замотина, Голубой цвѣтокъ въ поэзіи Жуковскаго; П. А. Кулаковскаго, О первомъ русскомъ учителѣ у сербовъ, посланномъ

Петромъ Великимъ; П. Т. Виноградова, Объ остаткахъ былинной поэзіи у сѣверныхъ великоруссовъ и о главныхъ носителяхъ ея; Е. О. Карскаго, XII археологическій съѣздъ въ Харьковѣ; В. А. Францева, О чешской школѣ живописи XI в.; А. Л. Погодина, Слѣды архаическаго словообразованія въ славянскихъ языкахъ; И. П. Филевича, Къ исторіи Галицкой Руси въ 1848 г.; С. Н. Браиловскаго, Вопросы преподаванія русскаго языка въ средней школѣ; Е. М. Гаршина, Поѣздка учениковъ Лодзинскаго Коммерческаго Училища въ гор. Нанси для усовершенствованія въ знаніи французскаго языка; А. Л. Погодина, Гельсингфорская школа лингвистовъ и этнографовъ; Н. А. Дубровскаго, Пессимизмъ и вольнодумство флорентійскаго публициста конца XIV в. Отдѣленіе юридическихъ наукъ имѣло 8 собраній и выслушало 12 докладовъ: А. В. Горбунова, О борьбѣ съ нищенствомъ; В. Н. Александренка, Памяти Р. Гардинера; Г. В. Демченка, Судебный прецедентъ; О. О. Зигеля, Юридическое образованіе въ Сѣверо-Амер. Соедин. Штатахъ; О. В. Тарановскаго, Новѣйшее ученіе о феодализмѣ удѣльной Руси; кн. С. А. Друцкого, Военно - уголовное право, его современное состояніе и задачи; Г. В. Бѣлова, Судебный міръ по сочиненіямъ Гоголя; Г. В. Демченка, Девятый конгрессъ международнаго союза криминалистовъ; В. В. Есипова, Девятый конгрессъ международнаго союза криминалистовъ; Д. В. Туткевича, О распространеніи проекта Гражданскаго Уложенія на Привислинскія губерніи; В. М. Савинкова, Арестъ и его общественное значеніе; О. В. Тарановскаго, Государственная практика и канцелярская наука въ XVIII в. въ Германіи. Кромѣ того, Общество въ теченіе 1902 г. дважды собиралось въ общихъ засѣданіяхъ: 27-го января въ годичномъ засѣданіи для выслушанія отчета о состояніи и дѣятельности Общества за 1901 г. и рѣчи г. Туткевича, О введеніи нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ установленій въ Варшавскомъ судебномъ округѣ; 21-го февраля, совмѣстно съ Совѣтомъ Императорскаго Варш. Ун., въ торжественномъ засѣданіи, посвященномъ памяти Н. В. Гоголя, для выслушанія рѣчей А. И. Смирнова, Изъ послѣднихъ лѣтъ жизни и литературной дѣятельности Гоголя; И. И. Замотина, Три романтическихъ мотива въ произведеніяхъ Гоголя; П. А. Заболотскаго, Гоголь въ эпоху творчества I-го тома Мертвыхъ Душъ.

Для текущихъ дѣлъ и избранія новыхъ членовъ Общества распорядительныя собранія устраивались обыкновенно совмѣстно съ засѣданіями отдѣленій. Всѣхъ распорядительныхъ собраній состоялось 10. Совѣтъ Общества въ теченіе года собирался 10 разъ.

Такимъ образомъ въ теченіе 1902 г. Общество собиралось всего 39 разъ: 10 разъ въ распорядительныхъ собраніяхъ, 17 разъ въ собраніяхъ ученыхъ, 2 раза въ собраніяхъ торжественныхъ и 10 разъ въ засѣданіяхъ Совѣта. Въ ученыхъ и торжественныхъ собраніяхъ было

доложено 35 рѣчей, рефератовъ и сообщеній, большинство изъ которыхъ вызвало оживленный обменъ мнѣній между присутствовавшими въ засѣданіяхъ членами Общества. Памяти Жуковского было посвящено одно засѣданіе, а памяти Гоголя 3 засѣданія: память Гоголя, помимо общаго торжественнаго засѣданія, чествовалась въ особыхъ засѣданіяхъ историко-филологическаго и юридическаго отдѣленій Общества.

2) Въ истекшемъ году Общество издало 1-ый выпускъ своихъ „Записокъ“ (стр. 56+120+34), въ которомъ были напечатаны юридическіе доклады О. В. Тарановскаго, Д. В. Туткевича и В. В. Есипова, а также посвященные Гоголю рѣчи И. И. Замотина, П. А. Заболотскаго и И. Д. Малиновскаго. Кромѣ того были помѣщены сокращенные протоколы засѣданій Общества. Въ видѣ приложенія къ 1-му в. „Записокъ“ данъ былъ докладъ Н. Н. Любовича (О статистическомъ методѣ въ приложеніи къ исторіи), отпечатанный еще до организациіи Обществомъ своего изданія.

3) Оказывая содѣйствіе своимъ членамъ въ ихъ занятіяхъ, Общество выдавало нѣкоторымъ лицамъ, по ихъ просьбѣ, открытые листы для безприпятственнаго посѣщенія мѣстъ, гдѣ находились предметы ихъ научныхъ изысканій.

Такимъ образомъ, подводя итоги всему вышеизложенному, мы видимъ, что, по сравненію съ первымъ годомъ, во второмъ году существованія Общества его личный составъ значительно увеличился, бібліотека почти удвоилась, денежные средства удвоились, а научная дѣятельность продолжала развиваться — что выразилось, какъ въ числѣ ученыхъ засѣданій Общества, такъ и въ количествѣ рѣчей, докладовъ и рефератовъ (цифра тѣхъ и другихъ, по сравненію съ прошлымъ годомъ, утроилась). Эти результаты даютъ полное основаніе надѣяться нашему Обществу, вступающему теперь въ третій годъ своего существованія, что оно съ неугасающей энергіей будетъ и далѣе развивать свою дѣятельную работу на научномъ поприщѣ.



Приложенія къ протоколамъ.

I. *Списокъ членовъ-учредителей и дѣйствительныхъ членовъ Общества къ 1 октября 1903 г.*

1. Адамантовъ, Дмитрій Дмитріевичъ.
Адріановъ, Александръ Александровичъ.
Акаемовъ, Николай Θεодоровичъ.
Александренко, Василій Никифоровичъ (членъ-учредитель).
Архангельскій, Θεодоръ Ивановичъ.

Багговуть, Александръ Эдуардовичъ (Плоцкъ).
Базинеръ, Оскаръ Θεодоровичъ.
Балицкій, Аркадій Николаевичъ.
Барановичъ, Михаилъ Андреевичъ.
10. Баранъ-Бутовичъ, Михаилъ Гавриловичъ.
Баранъ-Бутовичъ, Петръ Гавриловичъ.
Бекеръ, фонъ, Альфредъ Васильевичъ.
Бенедиктовъ, Петръ Васильевичъ.
Блокъ, Александръ Львовичъ.
Бобровъ, Евгений Александровичъ.
Болотниковъ, Петръ Васильевичъ.
Браиловскій, Сергій Николаевичъ (Бендинъ, Петроковск. губ.).
Бржезинскій, Александръ Алексѣевичъ.
Будкевичъ, Флоръ Павловичъ.
20. Булашевъ, Василій Маврикіевичъ.
Бѣловъ, Григорій Васильевичъ.
Бѣлоруссовъ, Алексѣй Ивановичъ.

Василевскій, Николай Александровичъ.
Венгеровъ, Леонъ Соломоновичъ.
Вехтерштейнъ, Эдуардъ Соломоновичъ.
Видліамсъ, Петръ Петровичъ.

- Владиміровъ, Оеодоръ Николаевичъ.
Власовъ, Всеволодъ Васильевичъ.
Возницынъ, Николай Николаевичъ.
30. Воиновъ, Алексѣй Ивановичъ.
Волковъ, Яковъ Дмитріевичъ.
Вурцель, Сергѣй Львовичъ.
Вѣховъ, Сергѣй Ивановичъ (членъ-учредитель).
- Галабутскій, Юрій Андреевичъ (Згержъ, Петроковск. губ.).
Гартманъ, Владиміръ Юльевичъ (Ласкъ).
Гаршинъ, Евгеній Михайловичъ (Таганрогъ).
Гильченко, Эрастъ Павловичъ.
Голоскевичъ, Константинъ Ивановичъ.
Горбуновъ, Александръ Владиміровичъ.
40. Горбъ-Ромашкевичъ, Оеодосій Кузьмичъ (членъ-учредитель).
Грановскій, Діодоръ Петровичъ.
Грудининъ, Константинъ Порфиріевичъ.
Гусаковъ, Андрей Георгіевичъ (членъ - учредитель, С.-Петер-
бургъ).
- Даниловъ, Петръ Григорьевичъ.
Даринскій, Алексѣй Ильичъ.
Дегень, Евгеній Викторовичъ.
Демченко, Григорій Васильевичъ (членъ-учредитель).
Димитріу, Алексѣй Константиновичъ.
Добровольскій, Иванъ Петровичъ.
50. Долопчевъ, Василій Родіоновичъ.
Друцкой, князь, Сергѣй Александровичъ (С.-Петербургъ).
Дубровскій, Николай Александровичъ.
Дыдынскій, Оеодоръ Максимиліановичъ.
Дьяконовъ, Лука Григорьевичъ.
Дьячанъ, Филиппъ Никитичъ.
- Евдокимовъ, Александръ Николаевичъ.
Егоровъ, Несторъ Евгеніевичъ.
Есиновъ, Владиміръ Владиміровичъ (членъ-учредитель).
- Жижинъ, Василій Дмитріевичъ.
60. Жуковъ, Петръ Николаевичъ.
- Заболотскій, Петръ Александровичъ.
Замотинъ, Иванъ Ивановичъ.

Зассъ, баронъ, Альфредъ Вильгельмовичъ.
Здановичъ, Паулинъ Паулиновичъ.
Зенгеръ, Григорій Эдуардовичъ (С.-Петербургъ).
Зигель, Оеодоръ Оеодоровичъ (членъ-учредитель).

- Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ (С.-Петербургъ).
Имшенецкій, Митрофанъ Михайловичъ.
Истоминъ, Владиміръ Аввакумовичъ (Кіевъ).
70. Истринъ, Александръ Михайловичъ.

Калингъ, Александръ Александровичъ.
Карскій, Евфимій Оеодоровичъ (членъ-учредитель).
Ковалевскій, Константинъ Григорьевичъ.
Коваленко, Иванъ Петровичъ.
Косминскій, Алексѣй Петровичъ.
Костылевъ, Владиміръ Андреевичъ (Калишъ).
Крижановскій, Антонъ Антоновичъ.
Крыловъ, Иванъ Александровичъ.
Кулаковскій, Платонъ Андреевичъ (членъ-учредитель, С.-Петербургъ).

80. Кулинскій, Георгій Васильевичъ.
Куцріевичъ, Иванъ Петровичъ.

Лебедевъ, Иванъ Васильевичъ.
Леонтовичъ, Оеодоръ Ивановичъ (членъ-учредитель, Батумъ).
Леонтьевъ, Андрей Андреевичъ.
Логановъ, Николай Антоновичъ.
Лубенцовъ, Александръ Николаевичъ.
Любовичъ, Николай Николаевичъ (членъ-учредитель).

- Майдель, баронъ, Артуръ Васильевичъ.
Македонскій, Григорій Ивановичъ.
90. Малаевъ, Александръ Николаевичъ.
Матвѣевъ, Антонъ Александровичъ.
Мартыановъ, Іоакимъ Яковлевичъ.
Милеантъ, Владиміръ Георгіевичъ.
Михайловъ, Александръ Васильевичъ (членъ-учредитель).
Мозолевскій, Григорій Дмитріевичъ.
Мошковъ, Валентій Александровичъ.

Невзоровъ, Николай Васильевичъ.
Никольскій, Александръ Александровичъ.

- Нимандеръ, Евгений Петровичъ.
100. Новосадскій, Николай Ивановичъ (членъ-учредитель).
Новосельскій, Николай Аполлинаріевичъ.
- Овечкинъ, Евсигній Θεодоровичъ.
Окоемовъ, Иванъ Кондратьевичъ.
- Павловъ, Θεодоръ Ивановичъ (Новгородъ).
Пакалнынъ, Павелъ Ивановичъ (Кѣльцы).
Папмель, Павелъ Θεодоровичъ (Конскъ, Радомск. губ.).
Паренсовъ, Петръ Дмитріевичъ (С.-Петербургъ).
Песлевичъ, Николай Александровичъ.
Петрушевскій, Дмитрій Моисеевичъ (членъ-учредитель).
110. Петцъ, фонъ, Константинъ Германовичъ.
Погодинъ, Александръ Львовичъ.
Потаповъ, Николай Александровичъ.
Прозерскій, Александръ Васильевичъ.
Пугунецъ, Евфимій Онуфріевичъ.
- Радень, баронъ, Эдмундъ Θεодоровичъ.
Рексъ, Николай Карловичъ.
Родзянко, Сергій Николаевичъ.
Рождественскій, Григорій Григорьевичъ.
- Савинковъ, Викторъ Михайловичъ.
120. Сарандо, Анастасій Константиновичъ.
Свѣчинскій, Николай Кирилловичъ.
Севастьяновъ, Иванъ Петровичъ.
Селиверстовъ, Иванъ Петровичъ.
Симоненко, Григорій Θεодоровичъ.
Скрябинъ, Михаилъ Дмитріевичъ.
Смирновъ, Александръ Ивановичъ (членъ-учредитель).
Смирновъ, Константинъ Матвѣевичъ.
Созоновичъ, Иванъ Петровичъ (членъ-учредитель).
Соколовъ, Александръ Павловичъ.
130. Соловскій, Павелъ Николаевичъ.
Соловьевъ, Сергій Львовичъ (Лодзь).
Софійскій, Иванъ Яковлевичъ.
Спекторскій, Евгений Васильевичъ.
Срѣтенскій, Олимпій Яковлевичъ.
Стефани, Адрианъ Николаевичъ.
Струве, Генрихъ Юрьевичъ (Лондонъ).
Суловскій, Ромуальдъ Станиславовичъ.

Тарановскій, Оеодоръ Васильевичъ (членъ-учредитель).

Тарле, Евгенийъ Викторовичъ (С.-Петербургъ).

140. Теодоровичъ, Николай Константиновичъ.

Тимановскій, Андрей Тихоновичъ.

Тиховъ, Николай Захаровичъ.

Топачевскій, Владиміръ Владиміровичъ.

Трепицынъ, Иванъ Николаевичъ.

Троицкій, Василій Флоровичъ.

Туткевичъ, Дмитрій Васильевичъ.

Ульяновъ, Григорій Константиновичъ (членъ-учредитель).

Устимовичъ, Петръ Митрофановичъ (Воронежъ).

Филевичъ, Иванъ Порфирьевичъ (членъ-учредитель).

150. Францевъ, Владиміръ Андреевичъ.

Харламовъ, Николай Васильевичъ (С.-Петербургъ).

Хичевскій, Миронъ Викентьевичъ.

Цвѣтаевъ, Дмитрій Владиміровичъ (членъ-учредитель).

Цвѣтковскій, Юрій Юрьевичъ.

Цвѣтковъ, Иванъ Поліевктовичъ.

Чаговецъ, Алексій Андреевичъ.

Чижъ, Григорій Прокофьевичъ.

Чичеринъ, Алексій Петровичъ (Петроковъ).

Шабліовскій, Павелъ Владиміровичъ.

160. Швачко, Илья Гавриловичъ.

Шейминъ, Петръ Николаевичъ (Новая Александрія).

Шенбергъ, Густавъ Эдуардовичъ.

Шимановскій, Василій Степановичъ.

Штральборнъ, Константинъ Карловичъ (Люблинъ).

Щегловъ, Василій Николаевичъ.

Эйсмонтъ, Николай Семеновичъ.

Эльмановичъ, Спиридонъ Дмитріевичъ (Плоцкъ).

Энманъ, Викторъ Оеодоровичъ.

Юшкевичъ, Борисъ Адамовичъ.

170. Янковскій, Дмитрій Порфирьевичъ.
Ястребовъ, Михаилъ Владиміровичъ.
Ятвинскій, Каллистъ Теофановичъ.

Оеоктистовъ, Василій Кондратьевичъ.

Члены — сотрудники.

Малиновскій, Иванъ Дмитріевичъ.

II. Должностныя лица Общества.

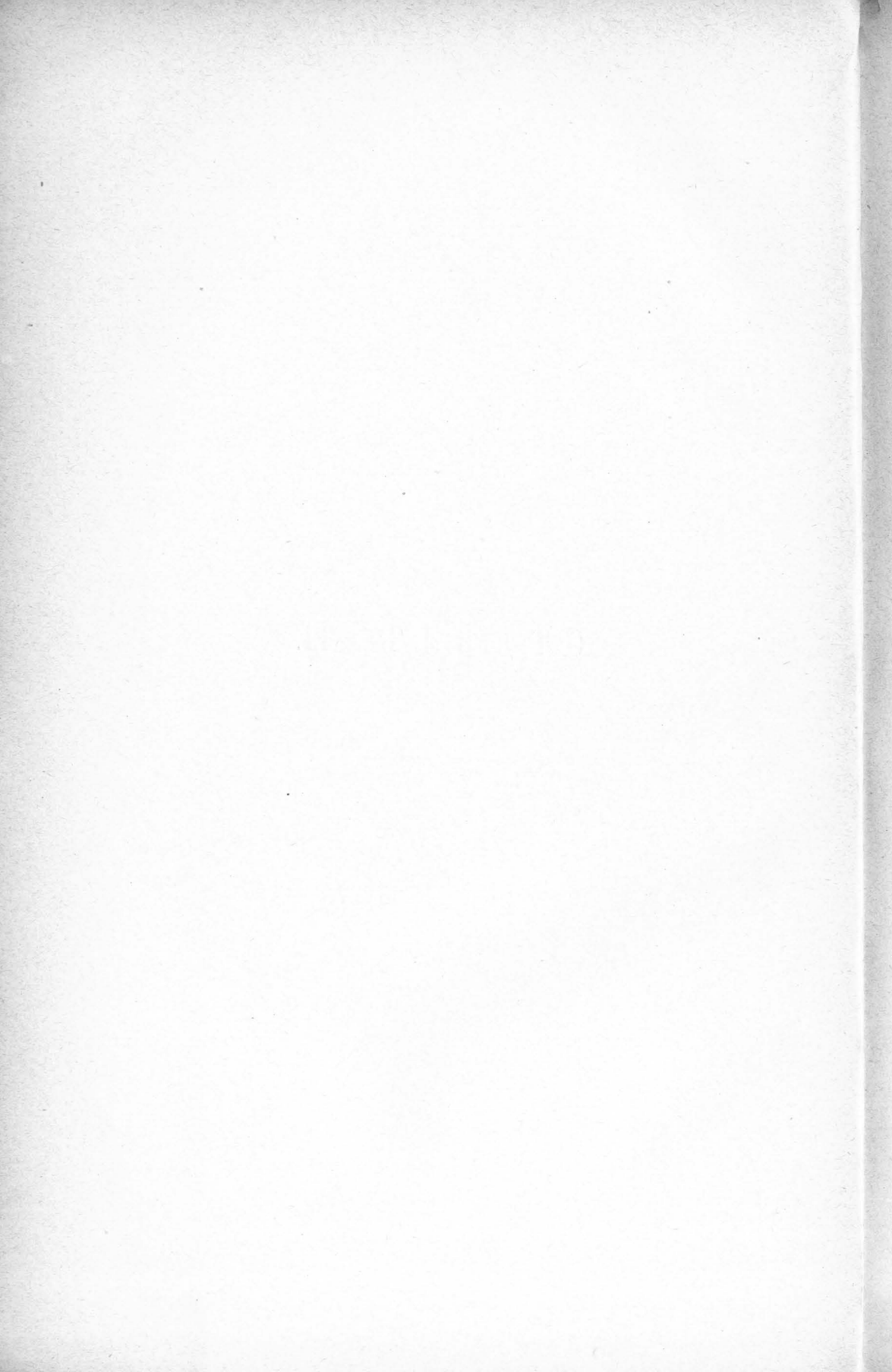
Предсѣдатель — О. И. Леонтовичъ.
Товарищъ предсѣдателя — Н. Н. Любавичъ.
Редакторъ изданій Общества — Н. И. Новосадскій.
Казначей — О. О. Базинеръ.
Библіотекаръ — С. И. Вѣховъ.
Секретаръ — Г. В. Демченко.

Въ отдѣленіи историко-филологическихъ наукъ — предсѣдатель
Е. О. Карскій, секретаръ А. В. Михайловъ.

Въ отдѣленіи юридическихъ наукъ — предсѣдатель В. Н. Александренко, секретаръ О. В. Тарановскій.

Члены Совѣта Общества — О. И. Леонтовичъ, Н. Н. Любавичъ,
Е. О. Карскій, В. Н. Александренко, Г. В. Демченко. Кромѣ того, по
избранію отъ историко-филологическаго отдѣленія И. П. Созоновичъ
и отъ юридическаго — А. Г. Гусаковъ.

О Т Д Ъ Л Ъ ІІ.



КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОТНОШЕНИЙ ЖУКОВСКАГО КЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ДРЕВНОСТИ
И ОБЩІЙ ВЗГЛЯДЪ
на основной характеръ и современное значеніе его поэзіи¹⁾.

М. г. М. г. Не одному изъ Васъ покажется, вѣроятно, большой и несвоевременной смѣлостью съ моей стороны выступить въ сегодняшний день, посвященный памяти Жуковскаго, съ рѣчью, въ первой части которой я хочу вкратцѣ коснуться отношеній нашего поэта къ классической древности, той древности, которая уже съ нѣкоторыхъ поръ и въ особенности въ наши дни сдѣлалась предметомъ почти всеобщей ненависти и хулы. Тѣмъ не менѣе я, какъ классикъ, считаю своимъ долгомъ обратить Ваше вниманіе именно на эту сторону поэтической дѣятельности Жуковскаго для того, чтобы она не оставалась неоцѣненной въ такой день, въ который, по обычаю юбилейныхъ празднествъ, стараются въ краткихъ очеркахъ охарактеризовать всю совокупность значенія почитаемаго лица. Притомъ наиболѣе близкія и дорогія намъ, какъ русскимъ и современнымъ людямъ, стороны дѣятельности Жуковскаго, бла-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 23-го апрѣля 1902 г.

годаря превосходнымъ общимъ біографіямъ этого поэта и критическимъ оцѣнкамъ его литературнаго творчества, написаннымъ Плетневымъ, Зейдлицемъ, Загаринымъ, Бѣлинскимъ, Шевыревымъ и другими, настолько общеизвѣстны теперь, что представляется особенно привлекательнымъ остановиться здѣсь на менѣе извѣстной и менѣе близкой нашимъ сердцамъ сторонѣ дѣятельности поэта и такимъ образомъ возбудить новый интересъ къ ней и вмѣстѣ съ тѣмъ извлечь изъ оцѣнки достоинствъ и недостатковъ способа отношеній Жуковского къ классической древности тѣ различныя поученія и наставленія, которыя заключаетъ въ себѣ этотъ способъ, и которыя я считаю особенно полезными для нашего времени, живущаго почти исключительно новомодными утилитарными интересами и полагающаго нерѣдко, что мы имѣемъ право пренебрегать твореніями первыхъ геніальныхъ піонеровъ человѣческой культуры потому, что мы, упираясь на плечи этихъ великановъ, стоимъ нѣсколько выше ихъ головъ и смотримъ нѣсколько дальше ихъ.

Сто лѣтъ тому назадъ отношеніе просвѣщенныхъ русскихъ людей къ классицизму было совсѣмъ иное. Правда, тогда только немногіе ученики русскихъ школъ имѣли возможность изучать въ нихъ классическіе языки настолько, чтобы читать произведенія ихъ литературъ въ оригиналахъ, и Жуковский, напр., лишь отчасти ознакомился съ латинскимъ языкомъ, а греческій языкъ оставался ему почти чуждъ до конца жизни. Но какъ другіе, такъ и Жуковский всегда сожалѣлъ объ этомъ пробѣлѣ въ своемъ образованіи и всѣми силами старался пополнить его, по крайней мѣрѣ отчасти, изученіемъ хорошихъ нѣмецкихъ или другихъ переводовъ античныхъ произведеній. Любовь къ классическому міру возникла, поэтому, уже рано въ его душѣ, и первая литературная попытка, на которую онъ отважился, будучи 12-тилѣтнимъ мальчикомъ, имѣла своимъ сюжетомъ событіе изъ римской исторіи. Это было зимою 1795 г., когда М. Г. Бунина изъ Мишенскаго пріѣхала въ Тулу, чтобы погостить у своей дочери В. А. Юшковой. Жуковский, живя тогда въ семьѣ послѣдней, готовилъ къ этому пріѣзду большой праздникъ и воодушевленный, вѣ-

роятно, чтеніемъ французскихъ обработокъ исторіи Тита Ливія, написалъ трагедію: „Камилль, или освобожденіе Рима“. Къ сожалѣнію, этотъ дѣтскій литературный опытъ не сохранился до насъ, и мы знакомы только съ позднѣйшимъ описаніемъ самого представленія пьесы Жуковскаго. Все общество жившихъ въ домѣ Юшковой дѣвушекъ костюмировалось римскими сенаторами, самъ авторъ игралъ героя трагедіи. Въмѣсто кулисъ и декорацій разставлена была въ столовой мебель; простыня замѣняла занавѣсъ. Бѣлыя сорочки, ленты и шарфы служили костюмами играющимъ. Самъ Камилль явился въ своей курточкѣ, опоясанный широкимъ кушакомъ, въ бумажномъ шлемѣ и съ линейкою въ рукахъ, вмѣсто меча. Въ одной изъ сценъ привели Олимпію, Ардейскую царицу, раненную, съ распущенными волосами, въ то время когда Камилль передъ собраніемъ сенаторовъ давалъ отчетъ въ своей побѣдѣ надъ галлами. „Познай во мнѣ“, сказала она, „Олимпію, Ардейскую царицу, принесшую жизнь въ жертву Риму“. „О Боже! Олимпія, что сдѣлала ты?“ воскликнулъ Камилль. „За Римъ вкусила смерть!“ отвѣчала Олимпія и упала мертвою. Этимъ окончилась пьеса, зрители громко рукоплескали и требовали вторичнаго представленія.

Насколько живо Жуковскій интересовался классической древностью и въ послѣдствіи, можно заключить изъ того, что въ числѣ первыхъ поэтическихъ произведеній, написанныхъ имъ въ юношескомъ возрастѣ во время его пребыванія въ симпатичномъ Московскомъ Благородномъ Университетскомъ Пансіонѣ, а также нѣсколько позже, намъ встрѣчаются такіе стихотворенія, въ которыхъ несомнѣнно проглядываетъ знакомство поэта съ древнеклассической литературой. Кто не разслышитъ, напр., отголосковъ Тибулла, Горация и другихъ римскихъ писателей Августовой эпохи въ его восторженномъ гимнѣ „Къ поэзіи“, или въ слѣдующихъ стихахъ написаннаго въ 1803 г. стихотворенія „Миръ“:

Тотъ сердца не имѣлъ, отъ камня тотъ родился,
Кто первый съ бѣшенствомъ на брата устремился...

Скажите, кто перунъ безумцу въ руки далъ
И жизни моея владыкою назвалъ,

Надъ коей я и самъ не властенъ?

А слава? нѣтъ! — ее злодѣи лишь въ брани ищеть;
Лишь онъ въ стenaniяхъ побѣдны гимны слышитъ,
Въ кровавыхъ грудахъ тѣлѣ трофеи чести зреть.
Потомство извергу проклятіе гласить,

И лавръ его, поблекши, тлѣетъ.

Между тѣмъ какъ въ этихъ стихотворенiяхъ раздававшiяся нерѣдко и у древнихъ поэтовъ ноты тоски по мирѣ и сердечномъ покоѣ и стремленiя къ высшимъ благамъ жизни перемѣшаны съ нотами христіанскаго чувства, жизнерадостность античнаго челоуѣка выражается въ слѣдующемъ прелестномъ стихотворенiи, написанномъ Жуковскимъ въ 1809 г. въ подражаніе Горацию:

Умѣренъ, Делій, будь въ печали,
И въ счастіи неослѣпленъ:
На мигъ намъ жизнь безсмертны дали;
Всѣмъ путь къ Тенару проложенъ.
Хотя-бъ заботы насъ томили,
Хотя-бъ Токайское вино
Мы, нѣжась на дернѣ, пили —
Умремъ: такъ Діемъ суждено.
Неси-жъ сюда, гдѣ тополь съ ивой
Изъ вѣтвей соплетаютъ кровь,
Гдѣ вьется ручеекъ игривой
Среди излучистыхъ береговъ,
Вино, и масти ароматны,
И розы, дышущія мигъ.
О Делій, годы невозвратны:
Играй—пока нить дней твоихъ
У черной Парки подъ перстами;
Ударить часъ—всему конецъ;
Тогда прости и лугъ съ стадами,
И твой изъ юныхъ розъ вѣнецъ,

И соловья пріятны трели
Въ лѣсу вечернею порой,
И звукъ пастушеской свирѣли,
И домъ, и садикъ надъ рѣкой,
Гдѣ мы, при факелѣ Діаны,
Вокругъ дерноваго стола,
Стучимъ стаканами въ стаканы
И пьемъ изъ чистаго стекла
Въ винѣ печалей всѣхъ забвенье;
Играй—таковъ есть мой совѣтъ;
Не годы—жизнь, а наслажденье;
Кто счастье зналъ, тотъ жилъ сто лѣтъ;
Пусть быстрымъ, лишь бы свѣтлымъ токомъ
Промчатся дни чрезъ жизни лугъ;
Пусть смерть зайдетъ къ намъ ненарокомъ,
Какъ добрый, но неожиданный другъ.

Съ одинаковой силой и прелестью, какъ въ этомъ стихотвореніи, жизнерадостная страсть античнаго человѣка выражается въ слѣдующемъ переводѣ Жуковскимъ Сафиной оды, указывающемъ на то, что въ то время (въ 1807 г.) и въ сердцахъ нашего поэта зарождалось сильное чувство любви:

Блаженъ, кто близъ тебя однимъ тобой пылаетъ,
Кто прелестью твоихъ рѣчей обворожень,
Кого твой ищетъ взоръ, улыбка восхищаетъ,
Съ богами онъ сравненъ!

Когда ты предо мной,—въ душѣ моей волненъ!
Въ крови палящій огнь! въ очахъ померкнулъ свѣтъ!
Въ трепещущей груди и скорбь, и наслажденъ!
Ни словъ, ни чувства нѣтъ!

Лежу у милыхъ ногъ,—горю огнемъ желанья,
Блаженствомъ страстныхъ тоски утомлена!
Въ слезахъ, вся трепещу, безъ силы, безъ дыханья!
И жизни лишена!

На ряду съ древнеклассическими писателями и еще въ большей степени, чѣмъ они, Жуковского уже рано стали увлекать современные ему поэты Германіи, Англіи и Франціи. На образцовомъ воспроизведеніи множества лучшихъ твореній послѣднихъ основывается по преимуществу его слава, какъ поэта, внесшаго въ русскую литературу душу и сердце романтической поэзіи запада, столь отвѣчающей собственнымъ идеально-мистическимъ стремленіямъ и мечтамъ Жуковского. Было бы, однако, большимъ заблужденіемъ утверждать, что увлеченіе этой новѣйшей поэзіей отчуждало нашего писателя отъ античной литературы. Романтическое направленіе, получившее свое случайное названіе отъ романскихъ народовъ, не представляетъ собою чего-то совершенно новаго въ духовномъ развитіи человѣчества. „Въ тѣснѣйшемъ и существеннѣйшемъ своемъ значеніи“ — говоритъ по справедливости Бѣлинскій — „романтизмъ есть ничто иное, какъ внутренній міръ человѣка, сокровенная жизнь его сердца. Въ груди и сердцѣ человѣка заключается таинственный источникъ романтизма; чувство, любовь есть проявленіе или дѣйствіе романтизма, и потому почти всякій человѣкъ — романтикъ. Исключеніе остается только или за эгоистами, которые кромѣ себя никого любить не могутъ, или за людьми, въ которыхъ священное зерно симпатіи и антипатіи задавлено и заглушено или нравственною неразвитостью, или матеріальными нуждами бѣдной и грубой жизни. Вотъ самое первое, естественное понятіе о романтизмѣ“. Имѣя теперь въ виду, что человѣкъ, насколько мы можемъ прослѣдить исторію его развитія, по основной натурѣ своей „всегда былъ, есть и будетъ одинъ и тотъ же“, мы можемъ смѣло утверждать, что романтизмъ вполне естественно долженъ встрѣчаться „во всѣхъ странахъ и во всѣ періоды развитія міровой литературы“, и что онъ наиболѣе сильно долженъ являться въ такія эпохи, которыя только-что вырвались изъ какого-то сильнаго моральнаго переворота и представляютъ собою переходные моменты сознанія. Само собою разумѣется, что формы романтическаго чувства не мало видоизмѣняются съ развитіемъ человѣчества и съ теченіемъ времени изъ чувственныхъ ста-

новятся все болѣе духовными и "отвлеченными; но по естественному существу своему это чувство остается однимъ и тѣмъ же. Въ древне-восточной литературѣ оно представляется намъ въ своемъ первоначальномъ развитіи, въ видѣ преимущественно чувственнаго любовнаго стремленія; въ классическомъ мірѣ древней Эллады и Рима любовь является уже въ высшемъ моментѣ своей эволюціи: тамъ она просвѣтлена и одухотворена идеею красоты, понимавшейся преимущественно въ физическомъ, а постепенно также и въ духовномъ смыслѣ. Въ этомъ изящномъ, проникнутомъ несказанной граціею наслажденіи, которое составляетъ основу античнаго романтизма, выступаетъ, однако, уже рано и сильный мистическій элементъ, выражавшійся главнымъ образомъ въ философіи Платона и въ столь широко распространенныхъ въ древности орфическихъ ученіяхъ и многочисленныхъ мистеріяхъ, какъ самоэраксія, элевзинскія и другія, смыслъ которыхъ всегда заключался въ стремленіи не вполне удовлетворяющагося земной жизнью человѣка къ отдаленному лучшему, на осуществленіе котораго въ таинственной другой, загробной жизни онъ надѣялся и уповавалъ. Древній, въ особенности греческій романтизмъ, однако, уравновѣшивался всегда другими сторонами богатаго эллинскаго духа, отличавшагося вообще жизнерадостностью въ частной и общественной жизни. Поэтому онъ почти никогда не доходилъ до тѣхъ крайностей, которыя подъ вліяніемъ аскетическихъ стремленій христіанства нерѣдко развивались въ средніе вѣка, доказывая намъ, что этимъ страннымъ средневѣковымъ міромъ управлялъ не столько разумъ, сколько безпримѣрная, самобытная сила сердца и фантазіи. Изъ этого односторонняго и необузданнаго романтическаго чувства среднихъ вѣковъ развился романтизмъ новѣйшаго времени, который, однако же, сродни и классическому, такъ какъ онъ представляетъ собою органическую полноту романтизма всѣхъ вѣковъ и всѣхъ фазисовъ развитія челоуѣчества. Этимъ проникновеніемъ болѣе здороваго классическаго романтизма въ нѣсколько болѣзненное романтическое чувство среднихъ вѣковъ мы обязаны тому возрожденію истиннаго классицизма, которое, послѣ усиленныхъ

трудоѡ выдающихся ученыхъ филологовъ XVIII столѣтія, проявлялось въ поэзіи благодаря, въ особенности, Лессингу, Гердеру, Гете и Шиллеру, и всей свѣжестію своей вѣчной красоты положило конецъ холодной сухости и высокопарности ложнаго классицизма, царствовавшаго до того, главнымъ образомъ, во французской литературѣ XVII и XVIII столѣтій и перешедшаго оттуда также въ нашу поэзію XVIII вѣка. Увлеченіе Жуковскаго чрезмѣрно фантастическимъ романтизмомъ Бюргера, Шлегелей. Тика и др. не могло, поэтому, продолжаться всю жизнь нашего поэта или цѣликомъ поглощать его. Для этого его духовная натура отличалась слишкомъ живой энергіей и бодрой воспріимчивостію къ разнообразнымъ сторонамъ бытія. Правда, еще въ 1813 году Жуковский, подъ влияніемъ своей несчастной любви, написалъ элегію „Теонъ и Эхинъ“, въ которой преобладаетъ мистическое настроеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ стремленіе въ лучшую даль, выраженное въ этомъ чудномъ стихотвореніи скорбными устами грека Эхина, является и здѣсь уравновѣшеннымъ тѣмъ сознаніемъ, которое съ особенной силою изливается въ величественныхъ заключительныхъ стихахъ:

*Все небо намъ дало, мой другъ, съ бытіемъ:
Все въ жизни къ великому средство;
И горестъ и радость—все къ цѣли одной:
Хвала жизнодавцу Зевесу!*

Къ слѣдующему году относится знаменитая баллада поэта „Ахиллъ“, являющаяся, по моему мнѣнію, однимъ изъ лучшихъ произведеній Жуковскаго. Чувство, которымъ проникнуто это стихотвореніе, такъ глубоко и притомъ человѣчески просто, что я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь начальныя строфы его, заключающія въ себѣ цѣлый рядъ чудныхъ картинъ, которыя доказываютъ намъ, какъ хорошо Жуковский уже тогда изучилъ Гомеровскую поэзію и какъ глубоко онъ вникъ въ ея безсмертный духъ:

Отуманилася Ида,
 Омрачился Иліонъ;
Спитъ во мракѣ станъ Атрида;
 На равнинѣ битвы сонъ.
Тихо все... курясь, сверкаетъ
 Пламень гаснущихъ костровъ,
И протяжно окликаетъ
 Стражу стража близъ шатровъ.
Надъ Эгейскихъ водъ равниной
 Свѣтель всходитъ рогъ луны;
Звѣзды спящею пучиной
 И берега отражены;
Видѣнь въ полѣ опустѣломъ
 Съ колесницею Пріамъ:
Онъ за Гекторовымъ тѣломъ
 Отъ шатровъ идетъ къ стѣнамъ.
И на брегѣ близъ кургана
 Зрится сумрачный Ахиллъ;
Онъ одинъ, далекъ отъ стана;
 Онъ главу на длань склонилъ.
Смотрить въ даль—тамъ съ колесницей
 На пути Пріама зрить;
Отираетъ баграницей
 Слезы бѣдный царь съ ланитъ.
Лиру взявъ, ударилъ въ струны;
 Тихъ его печальный гласъ:
„Старецъ, палъ твой Гекторъ юный,
 Свѣтъ души твоей угасъ;
И Гекуба, Андромаха
 Ждутъ тебя у градскихъ вратъ
Съ ношей милаго имъ праха...
 Жизнь и смерть имъ—твой возвратъ”.

Какъ глубока была любовь Жуковского къ классической древности, видно также изъ слѣдующаго поэтическаго посланія его къ одному другу, уѣзжавшему въ 1814 г. въ Грецію.

Древніе и новые Греки.

Счастливый путь на берега Фокиды,
Счастливый путь въ отечество боговъ!
Но, другъ, ужель одной корысти виды
Тебя влекутъ къ странѣ твоихъ отцовъ?
Пускай вино и шелковыя ткани,
И аромать, и пламенный мока
Сбирають тамъ съ торговли жадной дани;
Твоя корысть — минувшіе вѣка.
Передъ тобой обитель вдохновенья
И древности величественный храмъ!
Переношусь къ чудеснымъ симъ брегамъ
Тебѣ во слѣдъ, мечтой воображенья.
Вотъ на волнахъ пророческій Делось!
Обрушень храмъ и тернъ на немъ порось.

Подобно тому, какъ въ этомъ посланіи Жуковскій дружески упрекаетъ пріятеля въ томъ, что онъ ѣдетъ въ классическую Элладу, увлекаемый не однимъ только чувствомъ благоговѣнія передъ величіемъ ея минувшихъ вѣковъ, такъ нашъ поэтъ съ добродушнымъ юморомъ, столь отличавшимъ его особенно въ веселомъ кругу Арзамасцевъ, насмѣхается надъ бездарными сентиментальными римоплетами, жеманно выдающими себя за поклонниковъ античной литературы, въ слѣдующей остроумной „были“, написанной имъ въ 1814 г. въ подражаніе французскому оригиналу:

Плачь о Пиндарѣ.

Однажды нашъ поэтъ Пестовъ,
Неутомимый ткачъ стиховъ
И Аполлоновъ жрецъ упрямый,
Съ какою-то ученой дамой
Сидѣлъ, о римахъ разсуждалъ,
Свои творенья величалъ,
Лишь древнихъ сравнивалъ съ собою,

И вздоръ свой клюковной водою,
Кобенясь въ креслахъ, запивалъ.
Коснулось до Пиндара слово.
Друзья, хотя совсѣмъ не ново,
Что славный былъ Пиндаръ поэтъ,
И что онъ умеръ въ тридцать лѣтъ;
Но имъ Пиндара жалко стало!
Пиндаръ великій! Грекъ! Пѣвецъ!
Пиндаръ, высокихъ одъ творецъ!
Пиндаръ, какихъ и не бывало,
Который могъ бы мало, мало
Еще не томъ, не три, не пять,
А десять томовъ написать.
Зачѣмъ такъ рано онъ скончался?
Зачѣмъ еще онъ не остался
Пожить, попѣть и побренчать?

Дальше Жуковскій описываетъ, какъ при этихъ словахъ оба собесѣдника, поэтъ и дама, зарыдали, а вслѣдъ за ними зарыдали всѣ остальные жильцы дома, начиная съ няньки и находившагося при ней ребенка, пока наконецъ не прибѣжалъ встревоженный всеобщимъ плачемъ сосѣдъ, который, узнавъ причину послѣдняго, такъ неудержно захохоталъ, что вслѣдъ за нимъ и всѣ домохадцы стали взапуски смѣяться.

Время, къ сожалѣнію, не позволяетъ мнѣ останавливаться на другихъ стихотвореніяхъ Жуковского, какъ оригинальныхъ, такъ, въ особенности, переводныхъ, въ которыхъ виднѣется вліяніе, оказанное на его талантъ древней поэзіей, или сюжетомъ которыхъ служатъ античныя сказанія, художественно воспроизведенныя имъ на русскомъ языкѣ какъ по древнимъ литературнымъ памятникамъ, такъ и по новѣйшимъ обработкамъ ихъ, сдѣланнымъ, въ особенности, нѣмецкими поэтами. Кто не знакомъ съ трогательною исторіей Цейкса и Гальціоны, такъ восхитительно переведенной Жуковскимъ изъ Метаморфозъ Овидія? Кто въ школьномъ возрастѣ не читалъ его-же переводъ эпизода изъ Энеиды Вергилія, въ которомъ римскій

поэтъ поетъ о разрушеніи Трои? Правда, это произведеніе Жуковскаго принадлежитъ вообще къ числу наименѣе удачныхъ его стихотвореній; но и въ нѣсколько слабой передачѣ рисуемая Вергиліемъ картина гибели Трои не лишилась всѣхъ своихъ величественныхъ красотъ. Несравненно выше стоятъ тѣ переводы Жуковскаго, въ которыхъ онъ воспроизвелъ чудныя баллады Шиллера, касающіяся сюжетовъ изъ античной жизни: „Кассандра“, „Ивиковы журавли“, „Поликратовъ перстень“, „Торжество побѣдителей“, и столь же великолѣпныя стихотворенія этого поэта „Жалоба Цереры“ и „Элевзинскій праздникъ“. Въ особенности послѣдняя поэма и баллады „Торжество побѣдителей“ и „Ивиковы журавли“ поражаютъ насъ силою художественнаго творчества; въ нихъ мѣстами Жуковский превосходитъ даже самого Шиллера. Въ тѣсной хронологической и духовной связи съ баллагою „Торжество побѣдителей“ стоитъ далѣе переведенный Жуковскимъ съ латинскаго отрывокъ изъ Иліады. Занятія произведеніями Гомера, этого вѣчно-юнаго отца какъ греческой, такъ и другихъ европейскихъ литературъ, сдѣлались съ теченіемъ времени все болѣе любимой духовной пищею Жуковскаго, и въ сороковыхъ годахъ онъ рѣшился перевести для русскаго народа безсмертную Одиссею. Назидательно вспомнить, съ какимъ юношескимъ жаромъ нашъ поэтъ взялся за этотъ огромнѣйшій трудъ, и съ какой энергіей и строгой аккуратностью онъ исполнилъ его. Трогательно прочесть его письма къ друзьямъ, въ которыхъ онъ описываетъ свою девятилѣтнюю работу надъ воспроизведеніемъ для Россіи этого величайшаго памятника народнаго и художественнаго творчества всѣхъ временъ. Образцовая работа Жуковскаго увѣнчалась успѣхомъ. Правда, его Одиссея не нашла въ русскомъ народѣ того единогласнаго сочувственнаго отклика, на который надѣялся старый поэтъ, и нашлись даже критики, въ родѣ Сенковского, которые разными нелѣпыми парадоксами издѣвались надъ его переводомъ. Но хотя мы и не можемъ отрицать нѣкоторыхъ недостатковъ этого труда Жуковскаго, обусловленныхъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что переводчикъ не зналъ греческаго языка, а воспроизвелъ ориги-

наль по нѣмецкимъ стихотворнымъ переводамъ Фосса и др., а также по подстрочному нѣмецкому переводу, сдѣланному для него эллинистомъ Грасгофомъ, тѣмъ не менѣе Одиссея Жуковского, сохраняющая вообще во всей художественной красотѣ характеръ оригинала, должна будетъ навсегда считаться однимъ изъ драгоцѣннѣйшихъ даровъ, которыми онъ обогатилъ русскую литературу. Превзойти его сможетъ только такой переводъ безсмертнаго творенія Гомера, который будетъ сдѣланъ поэтомъ, одареннымъ не только такимъ же истинно поэтическимъ вдохновеніемъ, какимъ обладалъ Жуковский, но и глубокимъ знаніемъ греческаго языка и всей культуры античныхъ эллиновъ, столь ярко отражающейся въ гомеровскомъ произведеніи, по справедливости прозванномъ „прекраснымъ зеркаломъ человѣческой жизни“. А чтобы такой поэтъ могъ когда-нибудь появиться въ русской литературѣ, для этого необходимо, чтобы однимъ изъ важнѣйшихъ фундаментовъ нашего средняго образованія, подготовляющаго молодежь къ плодотворному изученію историко-филологическихъ наукъ университетовъ, навсегда оставались просвѣщенные занятія той богатой классической древностью, на которой и нынѣ еще зиждется наша современная культура.

Издавъ свой переводъ эпопеи о странствованіяхъ Одиссея, Жуковский задумалъ другой поэтический трудъ, который, хотя и представлялъ собой обработку христіанской легенды, но вмѣстѣ съ тѣмъ находился въ нѣкоторой связи съ только-что оконченной имъ работой надъ воспроизведеніемъ величественнаго памятника литературы древней Греціи, такъ какъ сюжетомъ своимъ имѣлъ скитанія по міру подобнаго Одиссею страдальца. Этотъ трудъ — „Агасверъ, странствующій жидъ“. Въ немъ Жуковский подвелъ итоги религіознымъ воззрѣніямъ всей своей жизни, возвратившись къ поэтической обработкѣ одного изъ наиболѣе волновавшихъ его всегда вопросовъ человѣческой жизни, вопроса о смерти и безсмертіи. Ослѣпшій незадолго передъ тѣмъ поэтъ словно предчувствовалъ, что ему самому въ скоромъ времени придется умереть, и вѣщимъ образомъ онъ назвалъ эту поэму, окончить которую ему уже не

было суждено, своей лебединой пѣснью. 12 апрѣля 1852 г., т. е. почти ровно черезъ 50 лѣтъ послѣ того, какъ онъ въ подражаніе англійскому поэту Грею написалъ свою элегію „Сельское кладбище“ и этимъ произведеніемъ положилъ начало истинно прочувствованной и художественной русской поэзіи, Жуковского не стало, и такимъ образомъ мы сегодня должны вспоминать не только 50-лѣтнюю годовщину смерти нашего поэта, но и столѣтнюю годовщину рожденія русской поэзіи, ознаменовавшагося только-что указаннымъ произведеніемъ его. Въ мѣстѣ возникновенія послѣдняго, селѣ Мишенскомъ, уже В. С. Соловьевъ по справедливости усматривалъ „родину русской поэзіи“, прославляя ее чуднымъ стихотвореніемъ, котораго я не могу не привести въ сегодняшній торжественный день, такъ какъ оно лучше и вѣрнѣе пространнаго разсужденія опредѣляетъ основной характеръ и значеніе какъ элегіи Жуковского „Сельское кладбище“ и всей поэзіи его вообще, такъ и большинства послѣдовавшихъ за ней произведеній русской литературы.

Родина русской поэзіи.

Не тамъ, гдѣ заковалъ недвижною броней
Широкую Неву береговой гранитъ,
Иль гдѣ высокій Кремль надъ пестрою Москвою,
Свидѣтель старыхъ бурь, умолкнувшій, стоитъ,—

А тамъ, среди березъ и сосенъ неизмѣнныхъ,
Что въ сумракѣ земномъ на небеса глядятъ,
Гдѣ праотцы села въ гробахъ уединенныхъ,
Крестами вѣнчаны, сномъ утомлены спятъ,—

Тамъ, на закатѣ дня, осеннею порою,
Она, волшебница, явилася на свѣтъ,
И приняла лѣсъ ее опавшею листвою
И тихо шелестилъ печальный свой привѣтъ.

И пѣсни строгія къ укромной колыбели
Неслись изъ-за моря съ туманныхъ острововъ,

Но прилетѣвши къ ней, онѣ такъ нѣжно пѣли
Надъ вѣщей тишиной родительскихъ гробовъ.

На сельскомъ кладбищѣ явилась ты не даромъ,
О гений сладостный земли моей родной!
Хоть радугой мечты, хоть юной страсти жаромъ
Плѣняла послѣ ты,—но первымъ лучшимъ даромъ
Останется та грусть, что на кладбищѣ старомъ
Тебѣ навѣялъ Богъ осеннею порой.

Жуковскому не суждено было найти свой вѣчный покой на такомъ же тихомъ и скромномъ сельскомъ кладбищѣ, какое онъ столь задумчиво воспѣлъ въ первомъ изъ напечатанныхъ имъ для всего русскаго народа стихотвореній. Его смертное тѣло не нашло своего пристанища ни на дорогомъ ему съ дѣтства кладбищѣ родного села Мишенскаго, ни на томъ укромномъ православномъ кладбищѣ на почтовой дорогѣ вблизи городка Дерпта, гдѣ покоилась его подруга Маша и гдѣ самъ поэтъ нѣкогда надѣялся устроить и свое послѣднее земное жилище. Надежда эта не сбылась. Не въ желанной тишинѣ деревни или деревенскихъ окрестностей маленькаго города и не рядомъ съ горячо любимымъ въ юности женскимъ существомъ, этимъ навсегда незабвеннымъ сердцу поэта „гениемъ чистой красоты“, образъ котораго сдѣлался для Жуковскаго такимъ же символомъ всего высокаго и идеальнаго, какимъ былъ образъ Беатриче для Данте, а въ шумной и суетной столицѣ, въ пышной Александро-Невской лаврѣ, бранные останки Жуковскаго были преданы землѣ. Мысленно переносясь на это кладбище, гдѣ поэтъ нашелъ послѣднее убѣжище, согласно заранѣе выраженному желанію, рядомъ съ могилою Карамзина, столь любимаго имъ при жизни друга и учителя своего, мы стоимъ сегодня передъ его могилою, закрывшейся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И наши сердца охватываетъ теперь та глубокая грусть, которая столь чудными напѣвами души выразилась въ элегіи Жуковскаго: мы потеряли въ немъ одного изъ талантливейшихъ поэтовъ нашей литературы, одного изъ благороднѣйшихъ наставниковъ не только царска-

го дома, но и всего русского народа, да и всего человечества; мы потеряли въ немъ, однимъ словомъ, одного изъ лучшихъ сыновъ Россіи и всей земли, который примѣромъ своей собственной жизни воспламенялъ другихъ и, какъ говорить Пушкинъ, „къ славѣ *чистой* призывалъ“, никогда, ни на словахъ, ни на дѣлѣ, не забывая „святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ*“, преподаннаго имъ самимъ своему питомцу, великому царю-освободителю. „Ахъ!“, скажемъ мы словами самого поэта,

„подъ сей могилою таится

Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И гробожитель-червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ иль мыслями парить!“

Но скорбѣя сегодня о потерѣ для насъ великаго человѣка и поэта, мы вмѣстѣ съ тѣмъ утѣшаемъ и ободряемъ себя слѣдующими собственными словами его, выражающими одинъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ его поэзіи вообще:

О милыхъ спутникахъ, которые нашъ свѣтъ
Своимъ присутствіемъ для насъ животворили,
Не говори съ тоской: ихъ нѣтъ!
Но съ благодарностію: были!

Да, теперь Жуковского уже нѣтъ на свѣтѣ; но онъ *былъ*, и слѣды его животворной жизни не погибнуть никогда.

Себя мы можемъ пережить,—говорить самъ поэтъ,—
Любя добро и мудрость страстно,
Стремясь друзьями міру быть—
Мы живы въ самомъ гробѣ будемъ!

Какъ видно изъ этихъ словъ, Жуковскій понималъ идею безсмертія не только въ трансцендентномъ смыслѣ ея, основанномъ на мистическомъ ученіи не удовлетворяющей земной жизнью религіи, которое указываетъ человѣку на лучшее далекое „тамъ“, но и въ „имманентномъ“ смыслѣ, заключаю-

щемся въ жизнерадостномъ убѣжденіи, что здѣсь на землѣ,
гдѣ, какъ говорить поэтъ,

„все въ жизни къ великому средство,
И горестъ и радость — все къ цѣли одной“,
когда умереть человѣкъ,
„Тогда останутся нетлѣнны
Одни лишь добрыя дѣла.
Ничто не можетъ ихъ разрушить,
Ничто не можетъ ихъ затмить“.

Такая же „имманентная“ идея безсмертія лежитъ и въ основаніи глубокомысленнаго обычая русскаго народа торжественно вспоминать и праздновать не столько годовщины *рожденія* великаго человѣка, сколько годовщины его *смерти*. Только смерть показываетъ, что было сдѣлано этимъ человѣкомъ, и сколько нетлѣнныхъ наслѣдій онъ оставилъ нашему міру. Но не однимъ лишь *внѣшнимъ* торжествомъ мы должны вспоминать *смерть*, т. е. *вѣчную жизнь* Жуковскаго; мы должны вникать въ ея смыслъ и значеніе всѣмъ своимъ *внутреннимъ* существомъ; мы должны на факелъ этого генія зажигать свои собственные факелы, чтобы и мы могли сохранять для себя и для потомковъ огонь вѣчнаго духа, „передавая, какъ въ бѣгѣ, другъ другу свѣтильники жизни“, какъ говоритъ римскій поэтъ, сравнивая развитіе человѣчества съ бѣгомъ аѳинскихъ юношей, происходившимъ въ праздникъ Промеѳея. — Всѣ Вы помните, Мм. Гг., восторженную страницу, посвященную Щедринымъ вѣчно-незыблемому значенію литературы; всѣ Вы помните, какими пламенными словами всегда прославлялъ и Жуковскій сокрытый въ ней даръ, говоря:

Мнѣ рокъ судилъ
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать.
Такъ! пѣть есть мой удѣлъ,
и восклицая устами Камоэнса:
Поэзія есть Богъ — въ святыхъ мечтахъ земли,

а устами Васко, воспламеняемаго своимъ учителемъ:

О Камоэнсъ! Поэзія—небесной
Религін сестра земная; свѣтлый
Маякъ, самимъ Создателемъ зажженный,
Чтобъ мы во тьмѣ житейскихъ бурь не сбились
Съ пути. — Поэтъ, на пламени его
Свой факель зажигай! Твои всѣ братья
Съ тобою заодно засвѣтятъ, каждый
Хранительный свой огонь, и будутъ здѣсь
Они во всѣхъ странахъ и временахъ
Для всѣхъ племенъ звѣздами путевыми;
При блескѣ ихъ, что-бъ труженикъ земной
Ни испыталъ — душой онъ не падеть,
И вѣра въ лучшее въ немъ не погибнетъ.

Поэзія, литература вѣчна — какъ хотѣлось бы этому
вѣрить, полагаясь на восторженные слова самого нашего поэта!
Но правда ли это? Дѣйствительно ли живы въ насъ всегда
тѣ неизмѣримые запасы мысли и чувства, добра, правды и
красоты, которые оставлены намъ въ наслѣдство лучшими
людьми прошлаго? Можемъ ли мы вторить словамъ того дру-
га знаменитаго римскаго оратора, который, когда сжигали со-
чиненія послѣдняго, воскликнулъ: „Меня слѣдовало бы сжечь,
потому что я ихъ наизусть знаю“? Живутъ ли въ нашихъ
умахъ и сердцахъ Гомеръ, Софоклъ, Данте, Шекспиръ, Гете
и другіе одинаково великіе или нѣсколько меньшіе геніи ху-
дожественной человѣческой мысли и рѣчи, которые выступи-
ли въ болѣе отдаленныя отъ насъ времена? Живутъ ли въ
нашихъумахъ и сердцахъ даже тѣ классики родной намъ
отечественной литературы, какъ Жуковскій, Гоголь, Пушкинъ
и Лермонтовъ, которые умерли сравнительно недавно и къ мо-
гилѣ одного изъ которыхъ мы сегодня переносимся въ мы-
сляхъ, вспоминая печальный для Россіи день 12 апрѣля 1852
года? Стоимъ ли мы всегда на стражѣ заключающихся въ
твореніяхъ этихъ и другихъ геніевъ челоѣчества высшихъ
интересовъ нашей духовной жизни, и охраняемъ ли мы для

нея во всей цѣлости и чистотѣ ту живую воду, которая течетъ изъ нихъ подобно живой водѣ сказокъ, исцѣляющей всѣ недуги и дающей вѣчную юность и безсмертіе? Съ насъ это спросится, съ насъ это взыщется.

Уже за годъ до своей смерти, въ 1851 году, Жуковский, незадолго передъ тѣмъ подарившій своему народу Одиссею Гомера и работавшій тогда надъ Агасверомъ, Вѣчнымъ Жидомъ, чувствовалъ отчужденность новаго поколѣнія отъ него, родившагося въ вѣкъ Екатерины, и это печальное чувство извлекло изъ его сердца чудное стихотвореніе „Царскосельскій лебедь“, въ которомъ онъ, по примѣру древнихъ поэтовъ, сравнивалъ себя съ лебедемъ, священной птицею греческаго Аполлона.

Лебедь бѣлогрудый, лебедь бѣлокрылый,
Какъ же нелюдимо ты, отшельникъ хилый,
Здѣсь сидишь на лонѣ водъ уединенныхъ;
Спутниковъ давнишнихъ, прежней современныхъ
Жизни переживши, сѣтуя глубоко,
Ихъ ты поминаешь думой одинокой.
Сумрачный пустынный, изъ уединенья
Ты на молодое смотришь поколѣнье
Грустными очами; прежняго единый
Брошенный обломокъ, въ новый лебединый
Свѣтъ на пиръ веселый гость неприглашенный
Ты вступить дичишься въ кругъ неблагоклонный
Рѣзвой молодежи.
.
. Ты жъ, старикъ печальный!
Молодость ихъ образъ твой монументальный
Рѣзвую пугаетъ: онъ на нихъ наводитъ
Скуку, — и въ пріютъ твой ни одинъ не входитъ
Гость изъ молодежи вѣтренно летящей
Вслѣдъ за быстрымъ мигомъ жизни настоящей.
.

Дни текли за днями. Лебедь позабытый

Таялъ одиноко. А младое племя

Въ шумѣ рѣзвой жизни забывало время....

Разъ среди ихъ шума раздался чудесно

Голосъ, всю пронзившій бездну поднебесной;

Лебеди, услышавъ голосъ, присмирѣли,

И — стремимы тайной силой — полетѣли

На голосъ: предъ ними, вновь помолодѣлый,

Радостно вздымая перья груди бѣлой,

Голову на шеѣ гордо распрямленной,

Къ небесамъ подъемля, весь воспламененный,

Лебедь благородный дней Екатерины

Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый..

А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши

И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —

Къ небу, какъ во время оное бывало,

Онъ съ земли рванулся... и его не стало

Въ высотѣ... И навзничъ съ высоты упалъ онъ.

И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,

Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,

Въ небеса вперяя взоръ свой негорящій.

Пророческое предсказаніе Жуковского сбылось: черезъ годъ уже его не стало, и полузабытаго на родинѣ поэта похоронили въ холодной сѣверной столицѣ. — Читая теперь послѣднее стихотвореніе пѣвца любовной тоски, томленія разлуки и скорбнаго стремленія вдаль, мы не можемъ не проникнуться тѣмъ сокровеннымъ наставленіемъ, указаннымъ мной раньше, которое слышится намъ въ словахъ этой по истинѣ лебединой пѣсни поэта, въ словахъ ея полныхъ печали и тихаго упрека отчуждавшимся отъ него современникамъ. — Никто, конечно, не поставитъ Жуковского, какъ писателя, въ одинъ рядъ съ корифеемъ нашей поэзіи Пушкинымъ; никто, конечно, не сравнитъ его литературнаго творчества съ творчествомъ такихъ міровыхъ гениевъ, какъ, напр., Данте, Шекспиръ и Гете. Но, признавая его роль гораздо болѣе скромной, мы не

должны забывать того громаднаго значенія, какое онъ имѣлъ для умственнаго развитія нашего народа; мы не должны переставать наслаждаться тѣми чистыми и вѣчно-юными чертами духовной и формальной красоты, которыми полна его возвышенная по идеямъ и сладкозвучная по стихамъ поэзія. Да оживетъ по истинѣ въ нашихъ умахъ и сердцахъ эта поэзія, внесшая въ русскую литературу малоизвѣстный ей до того міръ задушевной внутренней жизни и обогатившая ее образцовыми художественными воспроизведеніями или скорѣе пересозданіями лучшихъ твореній всемірной литературы! Да будетъ намъ дано право съ своей стороны почитать память умершаго поэта слѣдующимъ стихотвореніемъ, могущимъ служить радостно-утѣшительнымъ отвѣтомъ на вышеприведенную нами грустную лебединую пѣсню его „Царскосельскій лебедь“:

Памяти Жуковского.

Лебедь русскій, „лебедь бѣлокрылый“,
Музъ и Аполлона спутникъ милый,
Ты не даромъ съ неба внизъ упалъ!

На землѣ пустынной и безплодной,
Какъ небесный даръ толпѣ холодной,
Ты пріютъ поэзіи создалъ,

И въ его чертогахъ, полныхъ мира,
Словно чародѣйственная лира,
Голосъ сердца сладостно запѣлъ.

Чу! живые раздаются звуки,
Отлики дней радости и муки,
Данныхъ смертнымъ на землѣ въ удѣлъ.

Чудомъ воскресаютъ пѣснопѣнья,
Жившія въ минувшія мгновенья
Въ міра отдаленнѣйшихъ краяхъ:

Съ тихихъ кладбищъ, изъ пещеръ туманныхъ,
Съ дальнихъ острововъ морей пространныхъ
Прилетаютъ всѣ, покинувъ прахъ.

Въ нихъ судьба людей и ихъ стремленья,
Полныя тоски, благоговѣнья,
Все сливается въ единый строй.

Въ дивномъ сочетаньи этихъ пѣній
Слышенъ голосъ Твой, безсмертный геній,
Вѣчный голосъ лебединый Твой!

О. Базинеръ.

XII Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ. ¹⁾

Съ 15 по 27 августа въ Харьковѣ происходилъ XII Археологическій съѣздъ. Какъ очевидецъ и участникъ съѣзда, считаю умѣстнымъ подѣлиться съ вами своими наблюденіями и мыслями по поводу названнаго событія.

Харьковъ, одинъ изъ новыхъ русскихъ городовъ, въ отношеніи археологическихъ памятниковъ казался малопривлекательнымъ для устройства въ немъ съѣзда: тутъ не было ни замѣчательныхъ архитектурныхъ сооружений, ни иконографическихъ рѣдкостей, не говоря уже о памятникахъ письма и ископаемой доисторической археологіи. Вслѣдствіе этого, хотя съѣзды существуютъ уже 33 года (съ 1869 г.) и перебивали въ нѣкоторыхъ даже неуниверситетскихъ городахъ (Тифлисѣ, Ярославлѣ, Вильнѣ, Ригѣ), до Харькова очередь дошла только въ нынѣшнемъ (1902) году и опять-таки не безъ нѣкоторыхъ опасеній за успѣхъ. Но опасенія устроителей оказались напрасными: дѣйствительность превзошла самыя оптимистическія ожиданія. Успѣхъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ того единодушія, съ которымъ Харьковскій университетъ при содѣйствіи ученыхъ силъ всѣхъ его факультетовъ и состоящихъ

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 13-го октября 1902 г.

при немъ ученыхъ обществъ взялся за подготовительныя работы. Но одними университетскими силами все же нельзя было бы достигнуть еще тѣхъ блестящихъ результатовъ, къ которымъ привела дѣятельность предварительнаго комитета, если бы мѣстное общество—учебное, духовенство, земство, городское управленіе, мѣстныя власти и частныя лица—не откликнулись такъ сочувственно на призывъ къ общему дѣлу. Не было недостатка ни въ лицахъ, ни—что не менѣе важно—въ средствахъ: на подготовительные расходы къ сѣзду предварительный комитетъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи, по моему подсчету, до 20,000 руб. ¹⁾).

Имѣя въ своемъ распоряженіи такія духовныя силы и матеріальныя средства, предварит. комитетъ занялся систематическимъ изслѣдованіемъ Слободской Украины во всѣхъ отношеніяхъ. Старая половецкая степь подверглась раскопкамъ въ разныхъ мѣстахъ, съ цѣлію выяснить вопросъ о погребеніи кочевниковъ, обслѣдовать городища донецкаго бассейна въ одномъ изъ которыхъ нѣкоторое время провелъ, возвращаясь изъ половецкаго плѣна и извѣстный князь Игорь Святославичъ; составлены археологическія карты той же мѣстности; приведены по возможности въ извѣстность коллекціи древностей, относящіяся къ тѣмъ же мѣстамъ. Переходя отъ доисторическаго быта къ эпохѣ перваго заселенія харьковскаго района, комитетъ снарядилъ рядъ экскурсій для изученія церковныхъ и бытовыхъ древностей, особенно характеризующихъ историческое прошлое старой Малороссіи, Слободской Украины и Запорожья. Гдѣ не было старыхъ предметовъ, тамъ обращалось вниманіе на живую старину—современный бытъ, чисто этнографическія данныя. Комитетъ позаботился, кромѣ того, выбрать изъ столичныхъ архивовъ дѣла и документы,

¹⁾ 8,000 отъ Моск. Арх. Общ., 3,000 отъ Харьк. унив., 1,200 отъ Ист.-Фил. Общ., 3,000 отъ городского управленія, 2,500 отъ земства, 1,000 руб. отъ г. Харитоненко, не говоря уже о другихъ болѣе мелкихъ пожертвованіяхъ, напр., о даровомъ напечатаніи нѣкоторыхъ изданій Комитета.

касающіеся исторіи Малороссіи и Слободской Украйны. Для собиранія разныхъ археологическихъ свѣдѣній комитетъ разработалъ особую программу, которую и распространилъ въ возможно большемъ числѣ экземпляровъ; на программы въ комитетъ поступило болѣе 1,000 отвѣтовъ.

Занятія предварительнаго комитета продолжались 2¹/₂ года, и намъ, участникамъ съѣзда, пришлось быть только свидѣтелями тѣхъ результатовъ, къ которымъ привела его дѣятельность. Эти результаты сказались 1) въ выпускѣ двухъ большихъ томовъ (оба 550+82+450+241=1,323 страницы убоистой печати) «Трудовъ Харьковскаго Предварительнаго Комитета по устройству XII Археол. съѣзда», со множествомъ прекрасно исполненныхъ снимковъ,—изданія очень цѣннаго для изученія мѣстной старины и быта, и 2) въ прекрасныхъ выставкахъ. Всѣ, кромѣ двухъ, аудиторіи университета, новое зданіе бібліотеки, музей древностей и изящныхъ искусствъ—все было занято выставками.

«Труды Харьк. Предв. Комитета» своевременно вышли въ свѣтъ и въ настоящее время имѣются въ продажѣ, поэтому останавливаться на нихъ не стану; отмѣчу развѣ, что въ нихъ, кромѣ статей по археологіи, исторіи, этнографіи, старинной письменности и искусству, касающихся исключительно Слободской Украйны, имѣются еще статьи проф. анатоміи Попова, который подвергъ изслѣдованію черепа и вообще кости, найденныя при раскопкахъ кургановъ въ Харьковской губерніи.

Переходимъ къ выставкамъ. Здѣсь были слѣдующіе отдѣлы: древности, добытыя при раскопкахъ (болѣе 7,400 № № и 200 фотографич. снимковъ); церковныя древности: иконы, царскія врата, кресты, потиры, диски, дарохранильницы, брачные вѣнцы, плащаницы и воздухи, церковныя облаченія (всего около 700 предметовъ и 900 фотографич. снимковъ); историческія древности: портреты прежнихъ мѣстныхъ дѣятелей—гражданскихъ, духовныхъ, военныхъ (гетмановъ, полковниковъ и другихъ лицъ), фотографическіе портреты профессоровъ Харьковскаго университета (среди которыхъ мы встрѣтили и имѣвшихъ отношеніе къ нашему университету, какъ

Душана Лямбля, Лавровскихъ П. А. и Н. А., не говоря уже о портретахъ общеизвѣстныхъ ученыхъ, какъ Кеппена, Срезневскихъ, Потебни); далѣе, виды Харькова и его частей въ разное время, памятники мѣстнаго искусства и быта; коллекціи оружія; картины съ содержаніемъ, имѣющимъ отношеніе къ Малороссіи (всего болѣе 800 предметовъ); нумизматическій отдѣлъ; этнографическій отдѣлъ—2,054 предмета и болѣе 700 фотографич. снимковъ. Старопечатныя книги и рукописи—около 900 предметовъ. Картографическій отдѣлъ—245 предметовъ. Всѣ перечисленные отдѣлы имѣли очень обстоятельно составленные каталоги.

Какъ можно видѣть уже изъ простаго перечня отдѣловъ выставки, она отличалась богатымъ разнообразіемъ и занимательностью. Конечно предметы ископаемыхъ древностей, несмотря на свое обиліе, новаго представили немного, такъ какъ еще больше ихъ собрано въ извѣстныхъ музеяхъ Петербурга и Москвы, но зато большинство археологическихъ предметовъ харьковской выставки взято было изъ раскопокъ въ районѣ бывшей Половецкой степи и поэтому они имѣли мѣстный интересъ. Такимъ же характеромъ отличались и предметы другихъ отдѣловъ: прошлое Слободской Украйны и современный бытъ освѣщались ими очень рельефно не только въ главныхъ чертахъ, но даже въ мелочныхъ подробностяхъ. Тутъ не было предметовъ, которые можно было бы найти и въ другихъ музеяхъ: всюду передъ вами Украйна, Харьковъ, малороссы, начиная отъ славныхъ ихъ гетмановъ и оканчивая слѣпыми бандуристами, живыми носителями пѣсенъ о старинной славѣ и безвременьи. Была даже представлена въ естественную величину малорусская хата со всѣмъ ея домашнимъ убранствомъ и обстановкой, съ манекенами-малороссами взрослыми и дѣтьми, въ старинныхъ и новыхъ костюмахъ. Особенно поражалъ богатствомъ своего содержанія этнографическій отдѣлъ выставки, составленный, вообще говоря, очень умѣло и съ замѣчательной любовью къ мѣстному краю. По отзывамъ лицъ, бывавшихъ на другихъ археологическихъ съездахъ, харьковская этнографическая выставка представляла

явленіе единственное въ своемъ родѣ. Предметы, собранные на выставку, лягутъ въ основу постоянного этнографическаго музея при Харьковскомъ университетѣ. Предметы другихъ отдѣловъ больше относятся къ XVII—XIX вѣкамъ; они не древни, но даютъ очень цѣнные матеріалы для сужденія о бытѣ населенія Слободской Украйны прежняго времени.

Благодаря своей новизнѣ, содержательности и разнообразію, выставка привлекла къ себѣ массу посѣтителей, которые съ рѣдкимъ усердіемъ разсматривали ее и изучали. Я не говорю уже о 400 членахъ съѣзда, которые неоднократно ее посѣщали; изъ постороннихъ лицъ на выставкѣ въ теченіе 12 дней перебивало бесплатно 55,236 человекъ, за плату 921 чел., и 602 учащихся. Народъ рѣшительно ломился на выставку, при чемъ на лицахъ посѣтителей было замѣтно не праздное любопытство, а живой интересъ, желаніе познакомиться съ прежней и современной жизнью малорусской народности. Подобныя сужденія можно было слышать даже изъ устъ неинтеллигентныхъ посѣтителей. Побывавъ на выставкѣ, простолюдины явятся распространителями знанія родной старины въ массѣ. Еще большее впечатлѣніе, несомнѣнно, произвела выставка на учащихся (ее посѣщали ученики и ученицы старшихъ классовъ): вмѣсто прежняго равнодушія къ старинѣ и народному быту, въ нихъ явится уваженіе къ древнимъ памятникамъ и любовь къ народу. И для ученыхъ спеціалистовъ выставка дала много поучительнаго: ей было посвящено немало и рефератовъ.

Не могу здѣсь умолчать также и объ «Историко - справочномъ путеводителѣ» по Харькову, выпущенномъ также къ съѣзду со множествомъ снимковъ зданій больше современнаго Харькова.

Перехожу къ дѣятельности съѣзда. Въ немъ приняли участіе 402 члена, въ числѣ которыхъ было 60 профессоровъ и преподавателей высшихъ учебныхъ заведеній. Въ теченіе 10 дней на съѣздѣ происходило 32 засѣданія, на которыхъ было сдѣлано 93 доклада. Преобладали рефераты посвященные территоріи нынѣшней Харьковской губерніи; въ числѣ ихъ

большинство касалось первобытных древностей, по мнѣнію проф. Багалѣя, высказанному при закрытіи съѣзда,—фактъ очень отрадный, потому что этотъ отдѣлъ внушалъ Предварительному Комитету опасенія, такъ какъ Харьковская губернія мало изслѣдована въ археологическомъ отношеніи. Но были и очень цѣнные рефераты также по другимъ предметамъ. Болѣе или менѣе рѣшительное сужденіе о нихъ возможно будетъ лишь послѣ появленія этихъ рефератовъ въ печати ¹⁾. Я отмѣчу для примѣра только нѣкоторые изъ тѣхъ докладовъ, при чтеніи которыхъ мнѣ приходилось быть.

19 августа вечеромъ состоялось засѣданіе этнографическаго отдѣленія, на которомъ между прочимъ проф. Н. О. Сумцовымъ былъ сдѣланъ докладъ о кобзаряхъ и лирникахъ. Авторъ коснулся той важной роли, какую сыграли въ жизни малорусскаго племени, особенно въ тяжелые годы XVI и XVII столѣтій, историческія пѣсни и думы, оживлявшія угнетенный духъ народа и побуждавшія его на новые подвиги терпѣнія и борьбы. Хранителями этихъ думъ были бродячіе слѣпые пѣвцы-кобзари, бандуристы и лирники. Отошли въ область исторіи событія, вызвавшія появленіе исторической пѣсни, стали рѣдкостью и носители ея. Извѣстенъ пѣвецъ 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія Остапъ Вересай, пѣвшій свои думы и среди высшаго общества въ Петербургѣ и Кіевѣ; извѣстно было еще нѣсколько лицъ, но вообще было ихъ въ послѣднее время очень мало. Если гдѣ и объявлялись подобные живые носители историческихъ преданій, то часто ихъ преслѣдовали, какъ лицъ вредныхъ для общественнаго спокойствія. А между

¹⁾ Голословные отзывы о читанныхъ рефератахъ, очень часто непонятыхъ гг. рецензентами, такъ какъ не возможно же быть специалистомъ во всѣхъ областяхъ, уже появились во многихъ органахъ печати; таковы, напр., отзывы о нѣкоторыхъ докладахъ г. А. Л. въ „Журналѣ Мин. Нар. Пр.“ 1903 г. Январь. Краткое содержаніе всѣхъ рефератовъ, иногда впрочемъ очень неточное, съ массой непріятныхъ опечатокъ, имѣется въ „Извѣстіяхъ XII Археологическаго съѣзда въ Харьковѣ“. Харьковъ 1902.

тѣмъ это не были нищіе, „не вымогатели милостыни, не лице-
мѣрные обманщики, прикрывающіе лохмотьями падшую нрав-
ственность и огрубѣлую въ порокахъ душу; въ селахъ ни-
щаго каждый знаетъ и здѣсь невозможно обмануть кого-либо
мнимой бѣдностью. Будучи послѣдними въ народѣ, по своему
убожеству и неспособности къ земледѣльческимъ и другимъ
работамъ, малорусскіе бандуристы занимаютъ первое мѣсто по
развитію поэтическихъ способностей. Живи среди непробуд-
ной ночи, не видя въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ вокругъ
себя ни одного человѣческаго лица, они всей мыслью, какая
только можетъ быть при такомъ состояніи, уходятъ внутрь
себя“ („Извѣстія“, 79). Живой рефератъ Сумцова былъ иллю-
стрированъ игрой и пѣніемъ собранныхъ изъ разныхъ мѣстъ
лѣвобережной Украины этихъ послѣднихъ могижанъ изъ коб-
зарей и лирниковъ въ количествѣ 10 человѣкъ; пѣли они и
въ одиночку и по группамъ—пѣсни историческія, религіозно-
нравственныя и бытовыя, а также юмористическія. Исполнено
было 17 нумеровъ. Главное отличіе малорусскихъ бандури-
стовъ и лирниковъ отъ великорусскихъ сказителей старинъ—
это то, что ихъ пѣніе менѣе речитативное, чѣмъ у послѣд-
нихъ, и сопровождается аккомпаниментомъ кобзы или лиры.
Однако музыкальные звуки у нихъ не покрываютъ словъ пѣ-
сни, какъ это часто бываетъ у интеллигентныхъ пѣвцовъ: слова
пѣсни у нихъ безусловно главное.

Въ другихъ засѣданіяхъ были прочитаны между прочимъ
слѣдующіе рефераты: проф. В. З. *Завитневичемъ* „О куль-
турномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курган-
наго періода“. Большой знатокъ курганной славянской куль-
туры, кіевскій профессоръ остановился на находкахъ предме-
товъ при раскопкахъ въ Херсонесѣ Таврическомъ и нашихъ
курганахъ. Оказалось, что въ тѣхъ и другихъ курганахъ
много сходныхъ предметовъ не только въ производствѣ и фор-
мѣ, но и въ мелочныхъ подробностяхъ; таковы, напр., разнаго
рода серебряныя кольца, металлическіе и стеклянные браслеты,
перстни, бусы, пряжки, парча, шелковыя ткани, восковыя свѣчи.
Только глиняная посуда въ славянскихъ курганахъ самостоя-

тельного рисунка и формы. Естественный выводъ отсюда, что даже въ такую отдаленную эпоху, какова курганная, существовали оживленныя торговыя сношенія между восточными славянами и Византіей, и цивилизація послѣдней распространялась на самыя захолустныя уголки территоріи, занятой славянами.

Рефератъ *Н. С. Державина* „Степенная книга, какъ литературный памятникъ“ вызвалъ очень интересное замѣчаніе проф. С. О. Платонова о томъ, что, какъ показали изслѣдованія магистранта С.-Петербургскаго университета Васенка, митроп. Кипріанъ не имѣлъ ни малѣйшаго отношенія къ дѣлу составленія книги, и что сборникъ, извѣстный подъ именемъ Степенной книги, получилъ свое начало при митроп. Макаріи. Самая фраза житія Михаила Клопскаго „якоже въ Степенный сказуетъ“ представляетъ собою, какъ удалось констатировать г. Васенку, простую ошибку переписчика или издателя житія вм. „якоже явственнѣ сказуетъ“.

Проф. *Д. В. Айхеновъ* прочелъ докладъ „Гдѣ и какъ была принята св. княгиня Ольга въ Царьградѣ“. Краткій лѣтописный разсказъ объ этомъ событіи развить референтомъ на основаніи данныхъ устава обрядовъ дворца Константина. Въ уставѣ свѣдѣнія сообщаетъ очевидецъ. Не могу удержаться, чтобы не прочесть краткаго извлеченія изъ этого реферата въ изложеніи „Извѣстій“ съѣзда (101—102). Ольга явилась къ императору Константину не только подъ именемъ „княгиня“, но „княгиня русская и гегемонъ (правительница)“. Княгиня вошла въ залъ сама (другіе входили, опираясь на евнуховъ), она не падала ницъ (другіе падали три раза). Императоръ при приѣмѣ сидѣлъ на тронѣ Соломона, который представлялъ собою художественное произведеніе древняго ювелирнаго искусства. Тронъ этотъ былъ золотой съ пятью ступенями изъ зеленого порфіра. Въ немъ заключался механизмъ, благодаря которому тронъ могъ подниматься до потолка. Когда представлявшійся императору какой-нибудь иноземный посолъ падалъ ницъ и потомъ вставалъ, онъ съ изумленіемъ видѣлъ тронъ висящимъ въ воздухѣ; послѣ второго поклона посолъ видѣлъ тронъ поднявшимся еще выше и т. д. На спинкѣ трона

помѣщались золотыя птицы, которыя могли пѣть; по сторонамъ трона стояли два золотыхъ льва (какъ бы стража), которые подымались на лапы и рычали; на ступеняхъ трона находились различные звѣри, которые тоже подымались на лапы, рычали и выли; передъ трономъ стояли золотыя деревья, на которыхъ сидѣли золотыя птицы.— Императоръ, „по обычаю“, спросилъ черезъ переводчика о здоровьѣ княгини; княгиня, въ свою очередь, спросила о здоровьѣ императора, его супруги и семьи. Послѣ этихъ привѣтствій, золотые львы и другіе звѣри поднялись на лапы и зарычали, птицы зашевелились и запѣли, органы заиграли. Передъ уходомъ императора, евнухи и чины двора обнесли передъ присутствовавшими подарки, привезенные княгинею. Когда императоръ уходилъ, то вновь повторилось рычаніе звѣрей, пѣніе птицъ и проч.—такой уставной обрядъ назывался „катавасія“. Затѣмъ св. княгиня Ольга была принята императрицей, и третій официальный пріемъ ей былъ сдѣланъ въ покояхъ императрицы, куда явились и багрянородныя дѣти, причемъ княгиня говорила съ императоромъ „о чемъ хотѣла“. Въ тотъ же день состоялся обѣдъ; княгиня съ женской свитой обѣдала въ покояхъ императрицы. При входѣ послѣдней она „только слегка наклонила голову“, за что впослѣдствіи получила эпитетъ „гордой“. За обѣдомъ пѣвчіе пѣли „царскія“ пѣсни, происходили представленія акробатовъ, шутовъ и другія зрѣлища. Послѣ обѣда состоялся десертъ, во время котораго княгинѣ было поднесено золотое блюдо и дары, а ея свитѣ—денежные подарки. Въ покояхъ царя также происходилъ „почестной пиръ“ для мужской свиты княгини.

Очень оживленныя пренія вызвалъ рефератъ проф. *А. К. Бороздина* „О задачахъ изученія древнерусской литературы“. По *М. Мюллеру* схема развитія всякой науки—собираніе фактовъ, классификація и общіе законы. Изученіе древнерусской литературы находится еще на первой ступени, хотя въ нѣкоторыхъ областяхъ, благодаря историко-сравнительному методу, является возможность и классификаціи литературныхъ явленій, чѣмъ подготовляются и выводы о законахъ возникновенія и

развитія литературы. Такъ какъ литературное творчество не только фактъ индивидуальной психологіи, но и въ значительной степени социальный, то поэтому одна изъ задачъ вообще науки состоитъ въ томъ, чтобы ввести изслѣдованіе литературы въ общее изученіе социального процесса. Ясно отсюда, что предметомъ изслѣдованія литературы могутъ служить лишь тѣ произведенія, въ которыхъ выражается вліяніе автора на среду; слѣдуетъ такимъ образомъ обращать вниманіе на элементъ волевой, на то, заражалось ли, такъ сказать, общество тѣмъ настроеніемъ, какое хотѣлъ привить ему авторъ. Такимъ образомъ, далеко не все написанное и понимаемое нами, какъ литературныя произведенія, можетъ служить матеріаломъ для историка литературы; напр., памятники письменности, характеризующіе лишь состояніе образованности, могутъ быть только подспорьемъ для историка литературы, но никакъ не предметомъ его спеціальнаго изученія. Главнымъ объектомъ его должны быть такія произведенія, въ которыхъ слово является орудіемъ воздѣйствія на общественное сознаніе: публицистика, проповѣдь, поэзія, но только не такая, которая имѣетъ въ виду лишь звуки сладкіе и молитвы.

Очень рельефно выставилъ недостатки архивнаго дѣла въ Россіи проф. *Д. И. Симоковъ* въ своемъ рефератѣ „Русское архивное законодательство“. Литовскорусское законодательство, старое московское и даже Петровскаго времени строго слѣдило за сохранностью государственныхъ дѣлъ и важныхъ архивныхъ документовъ вообще, при чемъ господствовала централизація въ храненіи ихъ. Въ началѣ XIX столѣтія, съ учрежденіемъ архивовъ при канцеляріяхъ дѣйствующихъ учреждений, архивное дѣло пришло въ чрезвычайное разстройство. Въ настоящее время имѣется до 30,000 архивовъ, которые конечно невозможно содержать въ условіяхъ, отвѣчающихъ требованіямъ закона и науки. Слѣдствія ненормальнаго положенія архивнаго дѣла, въ своихъ печальныхъ результатахъ, сказались рано: явилась фальсификація документовъ въ архивахъ сѣверо-западнаго и юго-западнаго края—для доказательства дворянскаго достоинства; много государствен-

ныхъ дѣлъ попало въ частныя коллекціи, нѣкоторые акты умышленно уничтожены, а еще болѣе погибло неумышленно отъ огня и сырости. Многія вѣдомства безъ достаточной осмотрительности стали уничтожать старыя дѣла, такъ какъ ихъ негдѣ было хранить. Для устраненія такого печальнаго положенія дѣла нужно безотлагательно принять мѣры по централизаціи архивовъ, направленные къ тому, чтобы достигнуть сохранности документовъ, имѣющихъ государственное значеніе и характеризующихъ бытовыя отношенія, о чемъ уже въ 1899 г. была возбуждена единодушная просьба кіевскимъ археологическимъ съѣздомъ.

Продолжительныя и разнообразныя пренія вызвалъ докладъ *Н. А. Максимейка* „Русская правда и обычное право Литовско-русскаго государства“. Референтъ старался доказать, что Русская правда содержитъ въ себѣ итоги обычнаго южнорусскаго и западнорусскаго права. Къ такому заключенію онъ пришелъ на основаніи разсмотрѣнія судебныхъ актовъ, записанныхъ въ судныхъ книгахъ Литовско-русскаго государства. Въ частности референтъ отмѣтилъ, что Русская правда, говоря объ испытаніи желѣзомъ, имѣетъ въ виду пытку, а не ордаліи. Судебныя поединки не были извѣстны на территоріи Литовскаго княжества.

Проф. *Н. И. Веселовскій* прочелъ рефератъ „Новый типъ каменныхъ бабъ“. Референтъ началъ свой докладъ съ того, что послѣ недавнихъ открытій въ сѣверной Монголіи, въ долинѣ р. Орхона, надписей VIII в. съ частымъ упоминаніемъ надгробныхъ сооруженій подъ именемъ *балбал*, вопросъ о значеніи каменныхъ бабъ долженъ считаться рѣшеннымъ. На одной изъ каменныхъ бабъ, найденныхъ тамъ же, была надпись, что это *балбал* такой-то, поставленный для извѣстнаго лица. Такимъ образомъ, въ значительномъ количествѣ распространенныя и въ европ. Россіи каменные бабы были надгробными памятниками и принадлежали народамъ тюрескаго племени. Всякія другія объясненія каменныхъ бабъ должны быть оставлены. Въ дальнѣйшемъ изложеніи реферата это утвержденіе обосновывается также на данныхъ раскопокъ и на другихъ

соображеніяхъ, въ томъ числѣ и на свидѣтельствѣ Рубриквиса. Въ частности референтъ остановился на одномъ особомъ типѣ лежащихъ каменныхъ бабъ, представляющихъ человѣка, какъ бы обвитаго пеленами.

Не стану касаться другихъ рефератовъ: среди нихъ много не менѣ интересныхъ, чѣмъ отмѣченные. Скажу еще два слова о томъ впечатлѣніи, которое произвелъ Харьковъ со своимъ университетомъ и обществомъ на иногороднихъ участниковъ съѣзда. Городъ не блещетъ своей чистотой и грандіозностью зданій, т.-е. тѣмъ, что обыкновенно бросается въ глаза въ столичныхъ и вообще большихъ городахъ: колонизаціонный процессъ, 2½ столѣтія тому назадъ положившій начало Харькову, не закончился еще до сихъ поръ; окраины лишь понемногу застраиваются, даже улицы на окраинахъ немощенныя. Но зато васъ привлекаетъ уютность сравнительно небольшихъ домовъ, окруженныхъ садами и цвѣтниками, простота и нѣкоторая патріархальность быта, переносица насъ въ доброе старое время. Но что особенно бросается въ глаза интеллигентному наблюдателю—это особый духъ харьковскаго общества: всюду видна заботливость о просвѣщеніи, готовность поработать для общей пользы. По случаю съѣзда настроеніе всюду было нѣсколько приподнятое—вниманіе къ пріѣзжимъ, предусмотрительность, обычныя угощенія, но все это дѣлалось не для вида, а потому, что съѣздъ былъ мѣстнымъ культурнымъ праздникомъ. И ученые, и мѣстные городскіе и земскіе дѣятели, да и вообще населеніе показали, что они тѣсно связаны съ землей и другъ съ другомъ и понимаютъ пользу и серьезность тѣхъ задачъ, которыя намѣтилъ себѣ съѣздъ. Объединяющимъ руководителемъ всѣхъ оказался университетъ, который по сложившимся въ Харьковѣ традиціямъ въ теченіе почти столѣтія со дня своего возникновенія всегда былъ въ тѣсной связи съ мѣстнымъ обществомъ. Пожелаемъ, чтобы подобная роль и такое довѣріе со стороны общества выпало и на долю нашего молодого университета и еще болѣе молодого нашего Общества.

Е. Карскій.

Гуманные мотивы

поэзии Н. А. Некрасова ¹⁾.

25 лѣтъ тому назадъ смолѣла „муза мести и печали“, къ которой еще задолго до своей смерти въ 1856 г. обращался поэтъ въ минуту болѣзни и душевнаго разлада съ восклицаніемъ:

Замолкни, Муза мести и печали!

Я сонъ чужой тревожить не хочу,

Довольно мы съ тобою проклинали.

Одинъ я умираю и молчу (Сочин. I, ч. 1, 151 ²⁾).

¹⁾ Выдержки изъ этой статьи читаны въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 8 февраля 1903 г.

Настоящая статья, представляющая собою 4 очерка на тему о гуманных мотивахъ поэзіи Н. А. Некрасова, не имѣетъ цѣлью вполне исчерпать вопросъ о гуманных мотивахъ указанной поэзіи, т. к. во 1) многіе изъ гуманных мотивовъ поэзіи Некрасова, напр., о крестьянахъ и др. достаточно разработаны въ нашей литературѣ и разсмотрѣніе ихъ вновь увеличило бы лишь только объемъ статьи, ничего не прибавивши по существу; 2) взятые нами для болѣе подробнаго разсмотрѣнія немногіе мотивы являются, на нашъ взглядъ, и особенно характерными для его міровоззрѣнія, и тѣсно связанными съ его біографіей, т. ч., ограничившись лишь ими и не исчерпывая всего вопроса, мы, на нашъ взглядъ, достигаемъ своей цѣли: оттъннить элементы любви, гуманности, лежащіе въ основѣ Некрасовской поэзіи, отъ достаточно разсмотрѣнныхъ въ литературѣ элементовъ печали, мести, негодованія въ той же поэзіи.

²⁾ Ссылки дѣлаются на изданіе 1873 года, типогр. Краевскаго.

Не суждено было однако, къ счастью русской литературы, смолкнуть Некрасовской музѣ въ моментъ, предшествовавшій возрожденію русской жизни; муза Н. А. Некрасова увидѣла свѣтлые дни освободительной эпохи, она ожила, утратила свой исключительный колоритъ „мести и печали“ и въ періодъ 1856—77 гг. была особенно богата и содержаніемъ, и мотивами, и чудными поэтическими образами.

Правда, поэтъ всю свою жизнь оставался вѣренъ своему призванію, которое охарактеризовалъ словами:

„Я призванъ былъ воспѣть твои страданья,
Терпѣнъ изумляющій народъ!
И бросить хотъ единый лучъ сознанья
На путь, которымъ Богъ тебя ведетъ“ (Соч. т. II, ч. 2, 229).

Правда, затѣмъ, что Н. А. Некрасовъ, какъ пѣвецъ скорби народной, какъ поэтъ-гражданинъ, какъ поэтъ-патріотъ всю свою жизнь подмѣчалъ и клеймилъ замѣчаемыя имъ темныя стороны жизни, муза вела его черезъ „бездны темныя насилія и зла, труда и голода“, но все-таки надо сказать, что въ поэзіи Некрасова мы не только не найдемъ той безпросвѣтной тьмы, которой бы ожидали послѣ вышеприведенныхъ цитатъ, но наоборотъ увидимъ, что та любовь, тѣ гуманныя чувства, которыя являются главнымъ руководящимъ мотивомъ его поэзіи, вызываютъ въ концѣ концовъ въ душѣ читателя чувство бодрости, вѣру въ народныя силы, жажду борьбы со зломъ и готовность идти навстрѣчу тѣмъ униженнымъ и оскорбленнымъ, которыхъ рисуетъ поэтъ.

Н. А. Некрасовъ, не разъ отмѣчая скорбный по преимуществу характеръ своей поэзіи, не разъ указывая, что ненависть, мстительное чувство возбуждали его поэтическое творчество, свидѣтельствуетъ однако въ цѣломъ рядѣ своихъ произведеній, каковъ былъ основной мотивъ его поэзіи, и этотъ мотивъ—любовь.

Такъ, напр., въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи 1855 г. „Праздникъ жизни—молодости годы я убилъ подъ бременемъ

труда“ поэтъ, задаваясь вопросомъ о характерѣ и значеніи своей поэзіи, такъ рѣшаетъ этотъ вопросъ:

Нѣтъ въ тебѣ поэзіи свободной,
Мой суровый неуклюжій стихъ!
Нѣтъ въ тебѣ творящаго искусства...
Но кипить въ тебѣ живая кровь,
Торжествуетъ мстительное чувство,
Догорая, теплится любовь,—
Та любовь, что добрыхъ прославляетъ,
Что клеймитъ злодѣя и глупца,
И вѣнкомъ терновымъ надѣляетъ
Беззащитнаго пѣвца.

О той же любви, какъ основномъ мотивѣ своей поэзіи, говоритъ Н. А. Некрасовъ и черезъ 12 л., когда въ своей „современной повѣсти“ „Судъ“ (1867) заявляетъ:

„Слагая образы мои,
Я только голосу любви
И строгой истины внималъ“,

или же когда въ высоко поэтическомъ посвященіи неизвѣстному другу восклицаетъ:

„Я къ цѣли шелъ колеблющимся шагомъ,
Я для нея не жертвовалъ собой,
И пѣснь моя безслѣдно пролетѣла
И до народа не дошла она,
Одна любовь сказаться въ ней успѣла
Къ тебѣ, моя родная сторона!
За то, что я, черствѣя съ каждымъ годомъ,
Ее умѣлъ въ душѣ моей спасти,
За каплю крови, общую съ народомъ,
Мои вины, о родина, прости!“ (Соч. II, 2, 230).

Такъ говоритъ о мотивахъ своей поэзіи самъ поэтъ и какъ бы свидѣтельствуетъ, что за его порой рѣзкими и всегда

рѣшительными обличительными рѣчами, за его негодованіями, гнѣвомъ скрываются тѣ же „невѣдомыя міру слезы“, которыя скрывались въ Гоголевскомъ смѣхѣ, и Некрасовъ отлично сознаетъ, что и его, какъ поэта отрицательной стороны дѣйствительности, ждетъ та же судьба, которая выпала на долю Гоголя и о которой Некрасовъ сказалъ въ своемъ извѣстномъ стихотвореніи „Блаженъ незлобивый поэтъ“ (1852) слѣдующее:

Нѣтъ пощады у судьбы
Тому, чей благородный геній
Сталъ обличителемъ толпы,
Ея страстей и заблужденій...

Его преслѣдуютъ хулы:
Онъ ловить звуки одобренья
Не въ сладкомъ ропотѣ хвалы,
А въ дикихъ крикахъ озлобленья.
И каждый звукъ его рѣчей
Плодитъ ему враговъ суровыхъ,
И умныхъ, и пустыхъ людей,
Равно клеймить его готовыхъ.
Со всѣхъ сторонъ его кланутъ,
И только трупъ его увидя,
Какъ много сдѣлалъ онъ, поймутъ,
И какъ любилъ онъ, ненавида. (I, 1, 93).

То самое, что въ 1852 г. говорилъ Некрасовъ надъ свѣжей еще могилой Гоголя, пришлось ему испытать и на самомъ себѣ: онъ и при жизни, да и по смерти нажилъ себѣ столько враговъ, его такъ клеймили, такъ позорили и какъ поэта, и какъ человѣка, и какъ гражданина, что не могли его, конечно, радовать и слава, и извѣстность среди передовыхъ круговъ русскаго общества, и богатство, досугъ, сравнительная свобода, которыми онъ пользовался подъ конецъ своей жизни.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы обратимся къ журнальной литературѣ 50—70 гг., то какіе найдемъ мы въ ней отзывы о Некрасовѣ?

Одни обвиняють Некрасова въ узости міросозерцанія, обвиняють въ плагіатѣ, говоря, напр.: „мы помнимъ появленіе „Саши“ вслѣдъ за „Рудинымъ“, и наше пріятное изумленіе, когда мы въ этой поэмѣ нашли того же Рудина, переложеннаго въ стихи“; далѣе, у Некрасова отрицають любовь къ народу, говорятъ, что онъ лишь прикидывается, будто любитъ народъ, а на самомъ дѣлѣ любитъ абстрактъ народа (Отеч. Зап. 1861, № 12).

Другіе признають въ Некрасовѣ отсутствіе всякой вѣры въ прошедшее, отчаяніе за будущее и лишь на все обращенный, ко всему безпощадный и неглубокій протестъ; интересно при этомъ, что въ примѣръ такого „самаго неглубокаго протеста“ приводятся „Размышленія у параднаго подъѣзда“, „Жница“ и др., при чемъ въ „Жницѣ“ находятъ цинизмъ (День, 1864, № 43).

Третьи относятъ Некрасова къ разряду такихъ писателей, которые любятъ „твердить общія истины, писать трактаты въ опроверженіе дикихъ мнѣній или въ защиту ясныхъ, какъ день, положеній“, называютъ его „поэтомъ Александринскаго театра, Невскаго проспекта, петербургскихъ чиновниковъ“, говорятъ, что „поэтъ сожалеетъ о народѣ, но сожалеетъ именно такъ, какъ это свойственно просвѣщеннымъ петербургскимъ чиновникамъ“ (Заря, 1870, № 9).

Четвертые, подхватывая и развивая дальше только что приведенныя мысли, говорятъ, что „идеаловъ у Некрасова нѣтъ никакихъ, возбужденіе у него никогда не отзывается искренностью, образы б. ч. блѣдны и шероховаты, стихъ неуклюжъ; идеи, въ которыхъ онъ почерпаетъ вдохновеніе, совершенно по плечу каждому петербургскому чиновнику, мало мальски свободно относящемуся къ своему начальству“; наконецъ утверждаютъ, что „Некрасовъ во всю свою 25-лѣтнюю дѣятельность ничего не предвозвѣстилъ и не открылъ, а только облекалъ въ стихъ маленькія мысли, высказываемыя свободно-мыслящими департаментскими чиновниками, не слишкомъ бойкими фельетонистами и совершенно темными литераторами“. (Русск. Міръ 1872, № 122).

Не буду приводить тѣхъ глумленій надъ личностью, надъ самыми душевными мыслями писателя, надъ его наиболѣе прочувствованными и выстраданными произведеніями, не буду наконецъ останавливаться надъ тѣми предсказаніями Некрасову недолговѣчности его славы, скорого забвенія и его поэзіи, и его труда и т. п. дикими и нелѣпыми выходками, которыми пестрятъ журнальныя статьи разсматриваемой эпохи.

Разумѣется, значительная часть совершенно безпочвенныхъ и некрасивыхъ нападокъ получила должный отпоръ со стороны серьезной критики; напомнимъ хотя бы критику Бѣлинскаго, Добролюбова, Писарева, А. Григорьева, А. С. (Нов. Вр.) и др. ¹⁾.

Отмѣтимъ, что были и прямо панегирическія статьи ²⁾ и къ тому же не въ маломъ количествѣ, но все-таки въ концѣ концовъ придется признать, что 1) оскорбленія, наносимыя критикой враждебнаго лагеря, были слишкомъ и безцеремонны, и порой жестоки, чтобы проходить безслѣдно для душевнаго состоянія поэта, 2) критическія статьи враждебнаго лагеря принадлежали сплошь и рядомъ перу даровитыхъ и умѣющихъ завладѣвать читателемъ критиковъ, и потому непониманіе Некрасовской поэзіи, ложное толкованіе ея, негодованіе противъ заброшеннаго грязью поэта росло, пускало корни особенно среди круговъ, не привыкшихъ думать, изслѣдовать, провѣрять и, надо, къ сожалѣнію, признаться, дошло до нашего времени, какъ печальное наслѣдіе.

Въ настоящее время, когда всего какихъ-нибудь 1½ мѣсяца тому назадъ читалось 25-лѣтіе памяти Н. А. Некрасова въ просвѣщенныхъ кругахъ и русскаго общества, и славянскаго, и даже въ Вѣнѣ, Берлинѣ и т. д., не встрѣчаемъ уже мы при пересмотрѣ статей о Некрасовѣ того полемическаго тона, не встрѣчаемъ тѣхъ абсурдовъ, о которыхъ приходилось

¹⁾ Подробнѣе см. Зелинскій, Критическая литература о произведеніяхъ Н. А. Некрасова, М. 1886.

²⁾ Тамъ же.

говорить выше, но зато и не находимъ того жара, той убѣжденности, которые отличали прежнія статьи о Некрасовѣ.

Да оно и понятно.

Жгучій характеръ тѣхъ вопросовъ, которые затрогиваль въ своей поэзіи Некрасовъ, какъ поэтъ-гражданинъ, мало-помалу ослабѣваетъ, и приближается понемногу время, когда представится возможность строго научной оцѣнки литературной дѣятельности нашего поэта.

„Приближается“, а еще не наступило время научной оцѣнки поэзіи Некрасова—говорю я по многимъ причинамъ:

1) многія изъ сторонъ жизни, затронутыхъ Некрасовымъ, не отошли еще въ область исторіи, и отношеніе наше къ нимъ не можетъ быть объективно-спокойнымъ;

2) у насъ еще нѣтъ научнаго изданія сочиненій Некрасова, выясняющаго процессъ творчества поэта;

3) нѣтъ у насъ и болѣе или менѣе обстоятельной біографіи Некрасова; не собраны даже матеріалы для нея въ видѣ писемъ поэта, воспоминаній о немъ, его портретовъ, записныхъ книжекъ, біографій и переписки его родныхъ и т. д. ¹⁾.

При указанномъ мною отсутствіи научныхъ пособій по Некрасовскому вопросу приходится въ настоящее время ограничиваться лишь отдѣльными монографіями, находящимися въ зависимости и отъ наличнаго матеріала по интересующему вопросу, и отъ точки зрѣнія автора. Такихъ монографій, не говоря уже о вышедшихъ раньше цѣнныхъ работахъ гг. Голу-

¹⁾ Кстати, здѣсь сообщу, что намъ, какъ жителямъ Варшавы, въ свѣтскихъ кругахъ которой вращалась нѣкогда и воспѣтая сыномъ мать поэта, особенно интересно было бы собрать свѣдѣнія о семьѣ Закревскихъ и объ ихъ дочери. Между прочимъ и Ярославское Общество распротр. грамотности обращалось съ просьбой къ нашему Обществу собрать въ Варшавѣ свѣдѣнія о матери Некрасова, но, къ сожалѣнію, такихъ свѣдѣній пока не удалось собрать.

бева ¹⁾, Скабичевского ²⁾, Арсеньева ³⁾, Михайловского ⁴⁾, Венгерова ⁵⁾, Иванова ⁶⁾, Южакова ⁷⁾ и др. ⁸⁾, появилось не мало и по случаю 25-лѣтія смерти Некрасова; отмѣтимъ изъ извѣстныхъ намъ, какъ заслуживающія вниманія, статьи Кра-нихфельда (М. Б. 1902, XII), Михѣева (В. Вос. 1903, I), Гри-невича (Р. Бог. 1903, XII), Смирнова ⁹⁾ и др.

Разсмотрѣніе какъ старыхъ, такъ и новыхъ трудовъ, по-священныхъ вопросу о литературной дѣятельности Некрасова, приводитъ насъ къ заключенію, что изслѣдователи рассматри-вали поэзію Некрасова преимущественно съ 2 точекъ зрѣнія: съ точки зрѣнія художественной и съ точки зрѣнія мотивовъ гражданской скорби, мотивовъ „мести и печали“ и т. д.

Въ своей статьѣ мы постараемся остановиться на вопро-сѣ о тѣхъ гуманныхъ мотивахъ, которые, на нашъ взглядъ, были основой, исходной точкой Некрасовской поэзіи.

I.

Литературная дѣятельность Н. А. Некрасова, начавшаяся въ 1838 г. и закончившаяся въ 1877 г., совпала съ двумя важными эпохами русской жизни.

¹⁾ Голубевъ. Н. А. Некрасовъ. Біографія; критическій обзоръ поэзіи; собраніе стихотвореній, посвященныхъ памяти поэта; сводъ статей о Н. съ 1840 г. Спб. 1878.

²⁾ Скабичевскій. Н. А. Некрасовъ. Его жизнь и поэзія. (Сочин., II).

³⁾ Арсеньевъ. Критическіе этюды, т. II.

⁴⁾ Михайловскій. Нѣчто о Некрасовѣ. Справки о Н. Р. Бог. 1898, I, IV.

⁵⁾ Венгеровъ. Литературный портретъ Некрасова. Недѣля 1878, 10—13, 16.

Его же. Н. А. Некрасовъ. Энциклоп. слов. Брокгауза, XX т.

⁶⁾ Ивановъ. Поэзія Некрасова. Починъ, 1895.

⁷⁾ Южаковъ. Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи. Сѣв. В. 1887, V.

⁸⁾ Подробнѣе см. Мезіеръ, Русская словесность съ XI—XIX ст., ч. II, 240—31.

⁹⁾ Смирновъ. Передъ Некрасовскими днями. Ярослав. 1902.

Начало и вся первая половина поэтической дѣятельности Некрасова совпала съ тяжелой эпохой для развитія русской мысли, русской литературы и русской гражданственности вообще; припомнимъ собранные въ изобиліи въ извѣстныхъ трудахъ гг. Сухомлинова и Скабичевского факты, свидѣтельствующіе о томъ суровомъ цензурномъ гнетѣ, который держалъ въ тискахъ русскую мысль въ 40-хъ и началѣ 50-хъ годовъ и такъ отравлялъ жизнь и Пушкину, и Гоголю, и Бѣлинскому, что не даромъ Некрасовъ влагаетъ въ уста Пушкина слова, вырвавшіяся при взглядѣ на цензурные красные кресты въ рукописи:

„Это—кровь проливается—кровь моя“ (I, 2, 163).

Не разъ вспоминая впоследствии о тѣхъ тревоженіяхъ, которыя постоянно приходилось переживать въ первые годы своей литературной дѣятельности, Н. А. Некрасовъ даетъ намъ рядъ яркихъ картинъ, рисующихъ и типы цензуровъ, и душевное состояніе писателей въ дореформенное время, когда, по его словамъ,

„писать не время было:

почти что ничего тогда не проходило!“

А между тѣмъ, если мы припомнимъ всѣ въ изобиліи разсѣянные по страницамъ Ист. Вѣст., Русск. Ст. и Р. Арх. мемуары о неистовствахъ помѣщиковъ передъ эпохой паденія ихъ дикаго произвола, о вопіющихъ злоупотребленіяхъ дореформеннаго суда и т. д., и т. д., то мы признаемъ всю справедливость словъ Некрасова, сказавшаго, что тогда

„...въ отвѣтъ стenanіямъ народа

Мысль русская стонала въ полутонѣ“.

Но вотъ наступаетъ иная эпоха, эпоха великихъ реформъ, эпоха освободительная. Тогда то могли бы сказаться силы русскаго духа, тогда то на почвѣ, подготовленной въ тяжелое время такими борцами за идею, какими были лучшіе писатели,

ученые и представители кружковъ 40 годовъ, могли бы дать пышный всходъ сѣмена гуманности и свободы, брошенные съ высоты престола Государемъ, имя котораго увѣковѣчено въ исторіи, какъ увѣковѣчены и слова „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный русскій народъ, и призови Божіе благословеніе на свой свободный трудъ“.

Если еще въ 1856 г., на границѣ двухъ эпохъ, Некрасовъ говорилъ о писателѣ съ сильнымъ талантомъ:

„Съ твоимъ талантомъ стыдно спать;
Еще стыднѣй въ годину горя
Красу долинъ, небесъ и моря
И ласку милой воспѣвать“ (I, 2, 31),

то въ эпоху великихъ реформъ открывалась уже болѣе широкая возможность не ограничиваться романтическими мотивами, воспѣваньями милыхъ и т. п.

Если, повторяемъ, уже въ 1856 г. Некрасовъ съ горячностью восселицалъ:

Не иди во станъ безвредныхъ,
Когда полезнымъ можешь быть.

• • • • •

Не может сынъ глядѣть спокойно

На горе матери родной,

Не будет гражданинъ достойный

Къ отчизнѣ холоденъ душой,

Ему нѣтъ горше укоризны...

Иди въ огонь за честь отчизны,

За убѣжденіе, за любовь...

Иди и гибни безупречно... (I, 2, 93),

если затѣмъ Некрасовъ требовалъ отъ поэта, чтобы онъ былъ вмѣстѣ въ тѣмъ и гражданиномъ, чтобы онъ, служа искусству, подчинялъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ свой геній „чувству всеобнимающей Любви“, то въ эпоху великихъ реформъ онъ былъ

обязанъ внести свою лепту въ пользу того дѣла, къ которому онъ звалъ другихъ.

Прежде всего надо замѣтить, что Некрасовъ горячимъ словомъ сочувствія привѣтствовалъ гуманныя мѣры новаго царствованія.

Припомнимъ, напр., какъ въ своей поэмѣ „Несчастные“, рисуя тяжелую участь каторжниковъ, онъ говоритъ о манифестѣ, даровавшемъ свободу узникамъ:

Насталъ святой великій мигъ,
Въ скрижаляхъ царства незабвенной,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовѣсть достигъ (I, 2, 143).

То же горячее сочувствіе поэта къ освободительному манифесту 1856 г. найдемъ мы и въ разсказѣ Савелія, богатыря святорусскаго, какъ онъ, ссыльный каторжникъ, по манифесту царскому попалъ опять на родину (III, 2, 134); тому же манифесту обязанъ своимъ возвращеніемъ въ родную семью и ссыльный декабристъ „Дѣдушка“, обрисованный такими трогательными чертами въ поэмѣ того же имени (III, 1, 175—6). Величайшее изъ дѣяній царствованія Александра II, освобожденіе крестьянъ, какъ красная нить раздѣляетъ двѣ эпохи въ произведеніяхъ, рисующихъ крестьянскую жизнь, и сочувствіе къ этой реформѣ, доказывать которое врядъ ли придется лицамъ, знакомымъ съ поэзіей Некрасова, особенно сильное выраженіе получаетъ въ словахъ поэта, обращенныхъ къ крестьянскому ребенку, сыну свободной эпохи:

Родина мать!—воскликаетъ Некрасовъ—
но равнинамъ твоимъ
Я не ѣзжалъ еще съ чувствомъ такимъ!
Вижу дитя на рукахъ у родимой,
Сердце волнуется думой любимой:
Въ добрую пору дитя родилось,
Милостивъ Богъ, не узнаешь ты слезъ!

Съ дѣтства никѣмъ не запуганъ, свободенъ,
Выберешь дѣло, къ которому годенъ,
Хочешь — останешься вѣкъ мужикомъ,
Сможешь — взовьешься подъ небо орломъ (II, 2, 242).

Той же великой реформѣ и виновнику ея Импер. Александру II посвящена и извѣстная „слава“ въ одномъ изъ послѣднихъ отрывковъ поэмы «Кому на Руси жить хорошо?», гдѣ поэтъ восклицаетъ устами Саввы и Гриши:

Славься народу
Давшій свободу!
Доля народу,
Счастье его,
Свѣтъ и свобода
Прежде всего!
Славься народу
Давшій свободу!
Благослови,
Господи правый,
Счастьемъ и славой
Дѣло Любви! ¹⁾ и т. д.

Встрѣчаемъ мы въ поэзiи Некрасова и сочувственное отношенiе къ гласному суду, когда герой поэмы „Судъ“, упомянувши о судахъ прежняго времени, наводившихъ ужасъ на его душу, теперь, когда его вызываютъ въ по-реформенный судъ, восклицаетъ:

Вотъ почему я ликовалъ,
Когда извѣстье прочиталъ,
Что гласно буду я судимъ.

Впрочемъ, надо замѣтить, что въ общемъ сочувствiе Некрасова этой гуманной реформѣ выражается сравнительно

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 1886, 331.

слабо, и значеніе ея выясняется въ его поэзіи не столько указаніемъ свѣтлыхъ сторонъ гласнаго суда, сколько невольно напрашивающимся у читателя сравненіемъ новаго и стараго судовъ при изображеніи поэтомъ потрясающихъ цепей стараго судебного произвола. Болѣе рельефно выражается сочувствіе поэта той изъ гуманныхъ реформъ новаго царствованія, которая ближе касалась Н. А. Некрасова, какъ литератора; разумѣемъ свободу печати. Такъ, въ «пѣсняхъ о свободномъ словѣ» мы, наряду, правда, съ довольно скептическими мнѣніями, встрѣчаемъ и горячія привѣтствія новой реформы, когда, напр., говорится о томъ, какъ „ожили“ подѣ влияніемъ дарованной свободы авторы статей, когда высказываются надежды, что теперь

„не такъ ужъ безтолково,
авось, пойдутъ дѣла“,

что теперь „пойдутъ инныя рѣчи“, что теперь литераторовъ ждуть просторъ и слава, и когда въ уста наборщиковъ влагается восклицаніе:

Поклонъ тебѣ, свобода!

.

Съ рабочаго народа

Ты тяготу сняла (II, 2, 71, 77, 78, 80).

Замѣтимъ однако, что и въ данномъ случаѣ, какъ и по отношенію къ гласному суду, сочувствіе автора гуманнымъ реформамъ особенно ярко выступаетъ при помощи изображенія ужасовъ до-реформеннаго времени, а не при посредствѣ восхваленія наступившихъ болѣе свѣтлыхъ дней.

Мало того, относясь съ горячимъ сочувствіемъ къ освободительнымъ реформамъ, поэтъ отнюдь не закрываетъ глазъ и на неизбѣжныя тяжелыя ихъ послѣдствія, на тѣ разочарованія, которыя сплошь и рядомъ ихъ сопровождали; имѣя напр. въ виду наиболѣе ему симпатичную крестьянскую реформу, поэтъ влагаетъ въ уста крестьянъ слова:

Порвалась цѣпь великая,
Порвалась,—разсочилась:
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику!... (Кому на Руси жить хорошо?).

Въ другомъ мѣстѣ, восторженно привѣтствуя свободу, поэтъ въ то же время какъ бы сдерживаетъ наплывъ радости и замѣчаетъ:

Знаю: на мѣсто цѣпей крѣпостныхъ
Люди придумали много иныхъ...

Но дальше опять восклицаетъ:

Такъ!... но распутать ихъ легче народу!
Муза! съ надеждой привѣтствуй свободу!
(Свобода).

Разсмотрѣніе поэтическихъ произведеній Некрасова, затрагивающихъ прямо или косвенно вопросъ о гуманныхъ реформахъ освободительной эпохи, заставляетъ насъ придти къ заключенію: однимъ изъ гуманныхъ мотивовъ поэзіи Некрасова является выраженіе своего горячаго сочувствія всему гуманному, всему свѣтлому, всему прогрессивному, отличающему эпоху великихъ реформъ отъ предшествующей ей эпохи.

Въ предшествующемъ моемъ изложеніи я отмѣтилъ, что при всемъ своемъ сочувствіи прогрессивному движенію Н. А. Некрасовъ въ общемъ то былъ довольно сдержанъ въ восхваленіяхъ того, что ему, какъ поэту-гражданину, должно было являться особенно желательнымъ, особенно отраднымъ. Причины этого были различны. Во 1) восхваленіе могло бы близко граничить съ лестью. Во 2) восхваленіе и захваливаніе, какъ показалъ опытъ исторіи, ведетъ къ самомнѣнію и застою. Въ 3), и это самое главное, Н. А. Некрасовъ въ силу особенностей своего таланта, съ большимъ успѣхомъ могъ послужить проведенію въ жизнь самаго духа реформъ инымъ пу-

темъ, чѣмъ путемъ восхваленія. И онъ пошелъ этимъ инымъ путемъ.

Успѣхъ или неуспѣхъ гуманныхъ реформъ императора Александра II, подготовленныхъ, какъ мы упоминали, дружными, хотя и затрудняемыми въ свое время усиліями лучшихъ представителей науки, администраціи, литературы и т. д., зависѣлъ оттого, насколько самый духъ гуманности, духъ сочувствія ко всѣмъ терпѣвшимъ вѣковой гнетъ, ко всѣмъ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ придется по плечу русскому интеллигентному обществу. И вотъ поэтъ ставитъ себѣ такой девизъ:

„Иди къ униженнымъ,
Иди къ обиженнымъ...
Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,—
Будь первый тамъ!“ ¹⁾

Изображать лицъ и цѣлыя классы общества, нуждающіеся и вмѣстѣ съ тѣмъ вполне заслуживающіе гуманнаго къ нимъ отношенія, изображать все ихъ горе, весь тяжкій пройденный ими путь, рисовать таящіяся въ нихъ великія силы, и т. обр., возбудивши къ нимъ живое человѣческое сочувствіе, разбудивши, въ комъ слѣдуетъ, мысль, облегчить и обезпечить успѣхъ реформъ—вотъ тотъ путь, которымъ шелъ Некрасовъ и въ 1-ю половину своей дѣятельности, какъ бы подготавливая путь реформъ, съ котораго онъ не свернулъ и во 2-ю половину своей жизни, какъ бы расчищая путь той же реформѣ.

Кто же однако тѣ „униженные и оскорбленные“, къ которымъ Некрасовъ старается пробудить гуманное чувство, кто тѣ „падшіе“, къ которымъ онъ призываетъ милость? Это—весь терпѣнъемъ поражающій русскій народъ, весь отъ аристократа до крестьянина, отъ старца до ребенка, отъ губер-

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 334.

наторши до крестьянки. Въ особенности же это — женщины, дѣти и крестьяне.

Остановимся въ настоящей статьѣ на обзорѣ женскихъ и дѣтскихъ типовъ, къ которымъ поэтъ хочетъ вызвать гуманное чувство въ читателѣ, оставляя въ сторонѣ вопросъ о крестьянахъ въ виду достаточной разработки его въ литературѣ.

II.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ и чудныхъ женскихъ образовъ Некрасовской поэзіи одинъ особенно вдохновляетъ поэта; одинъ женскій образъ неотлучно сопровождаетъ его, поддерживаетъ, направляетъ, по его собственному признанію, всю его дѣятельность, онъ же у смертнаго одра поэта поетъ ему прощальную пѣснь, и какимъ нѣжнымъ, какимъ глубоко трогательнымъ аккордомъ звучить эта пѣснь:

измученный страданіями, ожидающій смерти поэтъ не находитъ себѣ мѣста въ безконечную, „непробудную“ ночь.... но-чу! онъ — не одинъ. То — голосъ матери родной!

Пора — поетъ этотъ чарующій голосъ —
Пора съ полуденнаго зноя!
Пора, пора подъ сѣнь покоя;
Усни, усни касатикъ мой!
Прими трудовъ вѣнецъ желанный,
Ужъ ты — не рабъ, ты — царь вѣнчанный,
Ничто не властно надъ тобой ¹⁾.

Страдалица мать является къ страдальцу сыну, она даетъ вѣнокъ тому, кто всю свою благородную дѣятельность объяснялъ вліяніемъ этой высокой души, когда воскликнулъ:

И если я наполнилъ жизнь борьбою
За идеалъ добра и красоты,

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 389.

И носить пѣснь, слагаемая мною
Живой любви глубокия черты—
О, мать моя, подвигнуть я тобою!
Во мнѣ спасла живую душу ты.
И счастливъ я! ужъ ты ушла изъ міра,
Но будешь жить ты въ памяти людской,
Пока въ ней жить моя способна лира ¹⁾.

Итакъ, увѣковѣчить имя своей страдальцы-матери, оставить въ памяти людей ея возвышенный образъ, пробудить гуманное чувство къ той, которая не видѣла гуманнаго къ себѣ отношенія въ свою полную нравственныхъ терзаній жизнь — вотъ мотивъ поэзіи Некрасова, который многое объяснить намъ въ его творествѣ.

И поэтъ выполняетъ принятую на себя задачу, и не пустой звукъ вышеупомянутыя его слова.

Аристократка по происхожденію, одна изъ представительницъ высшаго польскаго общества, кружившая головы Варшавской аристократической молодежи, Ал. Анд. Закревская дѣлаетъ рѣшительный шагъ въ своей жизни: она рѣшаетъ связать свою судьбу съ избранникомъ своего сердца, русскимъ армейскимъ офицеромъ Ал. Серг. Некрасовымъ.

Национальная исключительность, столь распространенная тогда въ польскомъ обществѣ, аристократическіе предразсудки, наконецъ естественныя опасенія родителей за судьбу любимой совершенно юной дочери, ставили послѣдней непреодолимые препятствія,—и она сразу перерубаетъ Гордіевъ узелъ, покидаетъ родительскій домъ и вѣнчается съ избранникомъ своего сердца. Тутъ еще, конечно, никакого подвига нѣтъ; на такой подвигъ способна и самая посредственная, но экзальтированная дѣвица.

Но вотъ первый пылъ увлеченія прошелъ; мужъ оказался совсѣмъ не такимъ, какимъ представляла его себѣ юная жен-

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 388.

щина; образованная, выросшая среди нѣги и довольства, воспитанная на лучшихъ образцахъ европейской литературы, А. А. Некрасова обречена на жизнь въ глухой деревнѣ, гдѣ востъ буря, гдѣ большую часть года свирѣпствуютъ метели, гдѣ немолчно раздается стонъ несчастнаго народа, начиная отъ унылой пѣсни бурлаковъ и до скорбной пѣсни крѣпостныхъ крестьянъ; а семейная жизнь?—псовая охота, пирушки, пьяный разгулъ вѣчно будутъ царить въ домѣ. И вотъ будущая героиня поэзіи Некрасова получаетъ письмо.

Оно съ гербомъ, оно съ бордюромъ узкимъ;
Исписанъ листъ то польскимъ, то французскимъ
Порывистымъ и страстнымъ языкомъ ¹⁾.

То пишетъ мать... Дочь читаетъ, и что приходится переживать ей, когда то съ невыразимымъ страданіемъ, то съ горечью, то съ гнѣвомъ обращается къ ней ея покинутая мать.

„Какую ночь я нынче провела!
О, дочь моя, что сдѣлала ты съ нами?“

такъ начинается свое письмо мать и рисуетъ дальше то страшное видѣніе, которое представилось ей:

Приснилось мнѣ: затравленная псами
Занесена ты русскими снѣгами.
Была зима, была глухая ночь,
Пылалъ костеръ, зажженный дикарями,
И у костра съ закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь.
Дремучій лѣсъ, чернѣя полукругомъ,
Ревѣлъ, какъ звѣрь... ночь долгая была,
Стонала ты, какъ стонетъ рабъ надъ плугомъ,
И, наконецъ, замерзла, умерла.

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 388.

Говорить дальше мать о томъ позорѣ, который нанесла дочь родной семьѣ, увлекшись армейскимъ офицеромъ, предсказываетъ она ей то будущее, которое ее ожидаетъ—и сколько пророческой горькой правды въ этихъ предсказаніяхъ.

„Въ послѣдній разъ“, заканчиваетъ мать свое письмо,
„какъ мать тебя цѣлую—

Я поощрять бѣгланку не должна:
Рѣшай сама, бери судьбу любую:
Вернись въ семью, будь родинѣ вѣрна—
Или, отцомъ на вѣки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься тамъ отступницею края
И москаля презрѣнною рабой ¹⁾).

Какая тяжелая драма должна была совершиться въ душѣ юной женщины при чтеніи такого письма. Будущее уже достаточно опредѣлилось, чтобы судить о немъ...

Но тутъ то и совершился переломъ въ душѣ польской аристократки; высокій христіанскій принципъ—идти къ страдающимъ и обременнымъ—одерживаетъ верхъ надъ польской національной исключительностью, надъ духомъ нетерпимости къ презрѣннымъ москалямъ, о которыхъ съ такой ненавистью говоритъ аристократка-мать; дочь поднимаетъ на свои юныя плечи тяжелый крестъ—идти отъ ликующихъ, праздно болтающихъ, отъ того свѣтскаго общества, въ которомъ она блистала своей красотой, идти въ станъ погибающихъ, и она смѣло пошла впередъ, и она сдѣлалась героиней, и она вдохновила своего сына... Рисуетъ онъ намъ образъ своей героини-матери, когда она, въ минуту тяжелой душевной тоски, изливаетъ наболѣвшую душу въ звукахъ рояля и пѣсни:

Гремѣлъ рояль и голосъ твой печальный
Звучалъ, какъ вопль души многострадальной,

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 385.

Но ты была ровна и весела:
„Несчастлива я, терзаемая другомъ,
Но предъ тобой, о женщина раба!
Передъ рабомъ, согнувшимся надъ плугомъ,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастлива ты, о родина! я знаю...
Но край, гдѣ я люблю и умираю,
Несчастнѣе, несчастнѣе стократъ“¹⁾.

Вотъ краткая, но сильная исповѣдь женщины: и смѣлая готовность на подвигъ, и безграничное терпѣніе, и всепрощеніе, и сердечная простота—все сказалось въ этой исповѣди; и подвигъ этой женщины не разъ повторится и у другихъ женщинъ-героинь Некрасовской поэзіи, ведущихъ свое духовное происхожденіе отъ этого основного женскаго героическаго образа разсматриваемой поэзіи. Въ концѣ концовъ скажемъ, что подвигъ вдохновительницы Некрасовской музыки былъ дѣйствительнымъ, скромнымъ, но великимъ подвигомъ, вполне дающимъ право его совершительницѣ на названіе героини.

Вотъ какъ рисуетъ поэтъ-сынъ намъ этотъ подвигъ:

Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлѣба,
Ты не могла свободы дать рабу...
Но лишній разъ не сжало чувство страха
Его души—ты то дала рабамъ—
Но лишній разъ изъ трепета и праха
Онъ поднялъ взоръ бодрѣе къ небесамъ.
Быть можетъ, даръ бѣднѣе капли въ морѣ,
Но двадцать лѣтъ! Но тысячамъ сердець...¹⁾

И дальше указываетъ онъ на то благотворное и смягчающее вліяніе, которое оказывала эта любящая и всепрощающая

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 387.

²⁾ Его же, 388.

женщина на своего мужа, безграничнаго властелина и своих рабовъ, и своихъ дѣтей, указываетъ и то вліяніе, которое имѣла мать и на взгляды, и на развитіе, и на характеръ своего сына-поэта.

Итакъ, обрисовка великой женской души, прославленіе своей мученицы и героини-матери, вотъ еще одинъ изъ гumannыхъ мотивовъ Некрасовской поэзіи, остановившій на себѣ наше особенное вниманіе, т. к. онъ и много разъ повторяется въ поэзіи Некрасова, и многое объясняетъ въ этой поэзіи ¹⁾.

Что касается повторенія этого мотива, то помимо приведенныхъ, неоконченной поэмы „Мать“ и стих. „Баюшки баю“, мы встрѣчаемся съ нимъ и въ ст. „Родина“ (I, 1, 36), гдѣ образъ матери возстаеъ передъ сыномъ въ обстановкѣ любимого ею темнаго сада, и въ стих. „Тяжелый крестъ достался ей на долю“ (I, 1, 99), гдѣ можно видѣть намекъ на положеніе А. А. Некрасовой въ домѣ своего мужа, и въ поэмѣ „Несчастные“, гдѣ болѣе подробно рисуется тотъ гнетъ, который тяготѣлъ надъ матерью поэта (I, 2, 106, 108—9), и въ стих. „Дешевая покупка“, гдѣ можно видѣть намекъ на разбитыя надежды матери Некрасова (II, 1, 105), и въ отрывкѣ 1868 г. „Мать“, гдѣ передаются грустныя думы матери надъ своими дѣтьми; далѣе въ „посвященіи сестрѣ“ (II, 2, 250), гдѣ упоминается объ ивѣ, посаженной въ саду матерью и увянувшей въ ночь, когда „бѣдная мать умирала“, и въ стих. „Затворница“, гдѣ рисуется образъ матери въ саду среди журчащихъ ручьевъ.

¹⁾ Въ послѣднее время возникаютъ споры какъ о національности матери Н. А. Некрасова, такъ о фактѣ пребыванія ея въ Варшавѣ и т. д., но мы, считая доводы этихъ изслѣдователей не всегда убѣдительными и больше довѣряя свидѣтельству самого поэта-сына, считаемъ нужнымъ сказать, что даже въ случаѣ, еслибы строго научнымъ путемъ и на основаніи документальныхъ данныхъ была доказана основательность указанныхъ сомнѣній, то и тогда для объясненія творчества Некрасова была бы важна не дѣйствительность, а то представленіе поэта о ней, которое мы обрисовали.

Наконецъ, особенно мощно и особенно живо очерченъ образъ матери поэта въ его извѣстномъ произведеніи 1860 г. „Рыцарь на часъ“ (II, 2, 82). Поэтъ рисуетъ намъ чудную лунную ночь, когда даль глубоко прозрачна, ясна, когда надъ дубровой плыветъ полный мѣсяцъ и вся земля прихотливо одѣта въ волны бѣлаго луннаго свѣта и узорчатыхъ, странныхъ тѣней; въ такую ночь не спится поэту, онъ идетъ на покрытый стогами лугъ, но и видъ крестьянскаго богатства не радуетъ его; ему тяжело; ему хотѣлось бы въ эту лунную ночь рыдать на могилѣ далекой, гдѣ лежитъ его бѣдная мать; всѣ его мысли обращены къ ней, и вотъ возстаетъ передъ нимъ ея образъ и такъ рисуетъ его поэтъ:

Треволненья мірскаго далекая,
Съ неземнымъ выраженъемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилася мнѣ
При волшебнo-свѣтящей лунѣ.

Горячая любовь поэта къ матери, такъ ярко выступающая въ разсмотрѣнныхъ нами произведеніяхъ, кладетъ отпечатокъ на изображеніе какъ женскихъ типовъ Н. поэзіи вообще, такъ типовъ матерей въ особенности.

Сравниваетъ ли поэтъ материнскую любовь съ любовью жены, брата, сестры, друга, всегда любовь матери и выше, и безкорыстнѣе, и глубже; рисуетъ ли поэтъ горе матери по дѣтямъ, погибшимъ на кровавой нивѣ, передаетъ ли намъ полные глубокаго трагизма рассказы Касьяновны о гибели сына, который

„сорокъ медвѣдей поддѣлъ на рогатину,
на сорокъ первомъ сплошалъ“,

или грустную повѣсть Орины, матери солдатской, о своемъ ненаглядномъ Ванѣ, вернувшемся домой, чтобы умереть на рукахъ у родимой—вездѣ „мало словъ, а горя рѣченька, горя рѣченька бездонная“.

Но надъ всѣмъ этимъ безысходнымъ горемъ яркимъ свѣточемъ горитъ та любовь, которая заставляетъ матерей, забывая собственное горе, согрѣвать нѣжной лаской, самоотверженнымъ уходомъ послѣднія минуты своихъ дѣтей.

Трагедія жизни родной матери Некрасова, давшая, на нашъ взглядъ, поэзіи поэта-сына одинъ изъ главныхъ гуманныхъ ея мотивовъ, заставляла естественно поэта болѣе чутко относиться вообще къ судьбѣ русской женщины, и пробужденіе въ обществѣ гуманнаго чувства къ послѣдней является тѣмъ мотивомъ, къ которому мы теперь перейдемъ.

Въ поэзіи Некрасова передъ нами цѣлая галлерей женскихъ типовъ: здѣсь и двѣ великія русскія женщины, однѣ изъ первыхъ женщинъ-гражданокъ—княгини Трубецкая и Волконская, здѣсь и идеальная губернаторша Елена Александровна, здѣсь затѣмъ и артистка-идеалистка, погибающая вслѣдствіе того, что высоко несла знамя искусства, ему одному служила, въ него одно вѣрила; встрѣтимъ мы и чистыя, полныя благороднаго стремленія къ добру и свѣту, отзывчивыя на все высокое, прекрасное, и при томъ нетронутыя натуры въ родѣ Саши въ поэмѣ того же имени, Нади въ „Прекрасной партіи“ и др.; пройдетъ передъ нами вереница страдалицъ въ видѣ дѣвушекъ, выдаваемыхъ замужъ противъ воли, въ видѣ женъ, страдающихъ въ замужествѣ то отъ попрековъ мужей, напр. въ „Позднемъ бракѣ“, то отъ ихъ мотовства (Дешевая поѣвка), то отъ суровой нищеты (Ѣду ли ночью...) и т. д., и т. д.

Перечисленные типы рисуютъ намъ представительницъ интеллигенціи. Героизмъ такихъ личностей, какъ княгиня Трубецкая и Волконская, рѣшающіяся бросить домъ, родныхъ, богатство, связи, даже дѣтей, обречь себя на нищету, страданія, оскорбленія во имя вѣрности своимъ священнымъ обязательствамъ жены, во имя любви къ своимъ страдальцамъ-мужьямъ,

героизмъ этихъ женщинъ, проявившихъ всю красоту и мощь русской женской души такъ глубоко и такъ поэтично очерченъ въ поэмахъ Некрасова, что уже созданиемъ однихъ этихъ типовъ, да типа своей матери онъ могъ бы заслужить прозваніе гуманнаго пѣвца величаваго типа славянки.

Но преклоненіе поэта передъ красотой женской души, вѣра поэта въ лучшія силы женской натуры не ограничивается указанными произведеніями, рисующими интеллигентную женщину, на сторонѣ которой и образованіе, и извѣстный комфортъ, да и пониманіе ея хоть немногими изъ окружающей среды.

Поэтъ рисуетъ намъ и рядъ типовъ женщины-крестьянки. Вотъ передъ нами крестьянская женщина въ страдную пору; невыносимо печетъ солнце; жажда мучить крестьянку; она обрѣзала себѣ ногу, но некогда ей даже унять кровь, но она работаетъ, работаетъ, не покладая рукъ, а съ сосѣдней полосы слышится крикъ,—то плачетъ ея ребенокъ.

„Что же ты стала надъ нимъ въ отупѣніи“, спрашиваетъ поэтъ:
„Пой ему пѣсню о вѣчномъ терпѣніи,
Пой, терпѣливая мать“.

Рисуетъ поэтъ и крестьянку, воспитанную господами вмѣстѣ съ барышней, а потомъ выданную за крестьянина, который любитъ, жалѣетъ ее, но не понимаетъ ея совершенно, и она сохнетъ, таетъ, какъ свѣча.

Не будемъ перечислять всѣхъ многочисленныхъ типовъ русской крестьянки, выведенныхъ въ поэзіи Некрасова; всѣ эти типы, изображающіе „всевыносящаго русскаго племени многострадальную мать“, такъ ярко рисуютъ съ одной стороны безотрадную жизнь русской крестьянки, а съ другой стороны ея безграничное терпѣніе, что заставляютъ поэта сказать:

Три тяжкія доли имѣла судьба,
И первая доля: съ рабомъ повѣнчаться,
Вторая быть матерью сына раба,
А третья—до гроба рабу покоряться.

И всё эти грозныя доли легли
На женщину русской земли (II, 1, 20).

Въ результатъ такой горькой доли не мудрено, что русская крестьянка, изображаемая Некрасовымъ, вызываетъ такое восклицаніе поэта:

Ты вся—воплощенный испугъ,
Ты вся—вѣковая истома.
Тотъ сердца въ груди не носилъ,
Кто слезъ надъ тобою не лилъ (II, 1, 21).

Но, быть можетъ, русская крестьянка ужъ отъ природы такъ обижена судьбой, что на лучшую долю она и не имѣетъ нравственнаго права? быть можетъ, что „выраженіе тупого терпѣнія и бессмысленный, вѣчный испугъ“, замѣчаемые поэтомъ въ лицѣ крестьянки—показатели ея бездарной, безчувственной природы?

Вмѣсто отвѣта вспомнимъ ту чернобровую красавицу—крестьянку, которая рисуется намъ въ „Тройкѣ“; вспомнимъ затѣмъ ту русскую крестьянку, которая поражаетъ поэта своей красотой, своей энергіей и живостью въ дѣвическіе годы, своей уравновѣшенностью и домовитостью въ годы замужества, и заставляетъ сказать про подобныхъ женщинъ:

Идутъ онѣ той же дорогой,
Какой весь народъ нашъ идетъ,
Но грязь обстановки убогой
Къ нимъ словно не липнетъ.

А вотъ передъ нами и живые образы русскихъ крестьянокъ „Дарьи“ и „Матрены Тимофеевны“.

Сколько глубокаго нѣжнаго чувства, сколько нравственной энергіи и стойкости, соединенныхъ съ пронизательнымъ умомъ, въ этихъ простыхъ, но великихъ въ своей простотѣ женщинахъ; духовное богатство этихъ натуръ столь очевидно, что излишне было бы подтверждать нашу мысль выписками, но

при всѣхъ своихъ душевныхъ качествахъ, при всѣхъ правахъ на счастливую жизнь могутъ ли и эти женщины, типъ величавой славянки, назвать себя счастливыми?

Отвѣтъ намъ даетъ Матрена Тимофеевна, которая такъ говоритъ крестьянамъ, надѣявшимся найти въ ней счастливаго человѣка:

То, что вы затѣяли,
Не дѣло—между бабами
Счастливую искать!... (III, 2, 197).

И даетъ она намъ объясненіе этого факта, объясненіе, дышащее такой прелестью и наивной простотой, что приведемъ его цѣликомъ:

Ключи отъ счастья женскаго,
Отъ нашей вольной волюшки,
Заброшены, потеряны
У Бога самого.

* * *

Отцы-пустынники
И жены непорочныя,
И книжники-начетчики
Ихъ ищутъ—не найдутъ!
Пропали! думать надобно,
Сглонула рыба ихъ.

Но вотъ однажды послѣ долгихъ исканій св. сподвижники нашли наконецъ какіе-то ключи.—Наконецъ

Нашли ключи сподвижники!
Ключи неоцѣнимые,
А все—не тѣ ключи!
Пришлись они,—великое
Избраннымъ людямъ Божиимъ
То было торжество,—

Пришлись къ рабамъ-невольникамъ!
 Темницы растворились,
 По міру вздохъ прошелъ,
 Такой ли громкій, радостный!
 А къ нашей женской волюшкѣ
 Все нѣтъ и нѣтъ ключей!... (III, 200—1).

Такъ простодушно и такъ просто разрѣшаетъ вопросъ эта русская крестьянка, но поэтъ-гуманистъ не даромъ выбралъ однимъ изъ мотивовъ своей поэзіи судьбу русской женщины. Показавъ въ самыхъ разнообразныхъ видахъ тѣ суровыя общественныя условія, въ которыя поставлена женщина вообще и русская въ частности, обрисовавши вмѣстѣ съ тѣмъ ярко и художественно все величіе и богатство женской души, поэтъ, на нашъ взглядъ, не даромъ поставилъ рядомъ судьбу тѣхъ невольниковъ, тѣхъ страдальцевъ, къ освобожденію которыхъ нашлись ключи въ освободительную эпоху XIX в., съ судьбою женщины, къ освобожденію которой отъ оковъ, стѣсняющихъ ея стремленіе къ знанію, свѣту, служенію обществу и человѣчеству всѣми силами своей души, должны найтись наконецъ ключи — и таковъ завѣтъ великаго поэта грядущему времени. А что женщина достойна этого, ручательствомъ тому разсмотрѣнные нами женскіе образы его поэзіи, не выдуманные, а взятые изъ жизни, какъ подтвердили это своими Наташами, Еленами, Вѣрами, Ольгами и т. д., и т. д. Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій и др.

Это то порываніе русской женщины впередъ, это то стремленіе ея къ подвигу, къ широкому проявленію своихъ духовныхъ силъ и вмѣстѣ съ тѣмъ недовольство условностями жизни вылились въ чудномъ лирическомъ обращеніи дѣвушки къ матери, именно въ пѣснѣ Любы:

Отпусти меня, родная,
 Отпусти, не споря!
 Я не травка полевая,
 Я выросла у моря.

*

✱

✱

Не рыбацкой парусъ малой—
Корабли мнѣ снятся.
Скучно! въ этой жизни вялой
Дни такъ долго длятся.

* * *

Здѣсь, какъ въ клѣткѣ, заперта я,
Сонъ кругомъ глубокой,
Отпусти меня, родная,
На просторъ широкой.

Закапчивая обзоръ мотивовъ Некрасовской поэзіи на тему о судьбѣ русской женщины, отмѣтимъ, что въ своемъ творествѣ Н. А. Некрасовъ ярко отмѣнилъ, и при томъ съ гуманной точки зрѣнія, вопросъ еще объ одномъ типѣ униженныхъ и оскорбленныхъ среди женщинъ, именно о падшихъ женщинахъ. Такъ, въ своихъ извѣстныхъ произведеніяхъ, какъ „Убогая и нарядная“, „Бду ли ночью и т. д.“ онъ старается проникнуть въ психологію, разобраться въ условіяхъ жизни и, вообще, дать отчетъ въ мотивахъ, толкнувшихъ женщину на путь позора, примыкая въ данномъ случаѣ къ разсматривающимъ тотъ же вопросъ Гоголю (Невскій Проспектъ), Достоевскому (Преступленіе и наказаніе), гр. Л. Толстому (Воскресеніе) и др.

III.

Подобно тому какъ любовь поэта къ своей матери вызываетъ въ немъ, какъ мы отмѣчали, стремленіе возбудить какъ къ ней, такъ и къ русской женщинѣ вообще гуманное чувство въ душѣ читателя, такъ и ярко выражающаяся въ творествѣ поэта любовь къ дѣтямъ влечетъ его къ тому, чтобы обрисовкой цѣлой галлерей дѣтскихъ образовъ пробудить въ сердцѣ читателя сочувственное отношеніе къ этимъ беззащитнымъ существамъ.

Дѣтство самого поэта было тяжелое; если мы обратимся къ его сочиненіямъ, имѣющимъ автобіографическое значеніе, каковы напр. „Рыцарь на часъ“, „Несчастные“, „Дѣтство Валежникова“, „Мать“ и др., то увидимъ, что картины одна безотраднѣй другой будутъ выступать передъ нами: загнанный, затравленный „волченокъ“, смотрящій на царящій вокругъ разгуль; ребенокъ, съ дѣтства трепещущій на ряду со всѣми остальными членами семьи и съ дворней передъ волей полного властелина въ домѣ, помѣщика-отца; мальчишья, очень рано сознавшій безправность и незащитность и свою, и своей матери—такимъ рисуется намъ въ указанныхъ автобіографическихъ произведеніяхъ поэтъ, и, если нельзя все вышеуказанное безусловно принимать на вѣру по отношенію къ дѣйствительной жизни самого Некрасова, то во всякомъ случаѣ подобное тяжелое положеніе ребенка въ помѣщичьей семьѣ описываемой эпохи не представляетъ собою ничего неправдоподобнаго, для насъ же особенно важно констатировать на основаніи разсмотрѣнія Некрасовской поэзіи тотъ фактъ, что вышеупомянутое представленіе о незащитности, о безправности дѣтей сложилось въ душѣ поэта и нашло себѣ яркое выраженіе въ его поэзіи.

Далѣе уже ясно, что, коль скоро дѣти отнесены въ сознаніи поэта къ разряду тѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, за которыхъ долженъ бороться поэтъ, то онъ и борется за нихъ, и старается возбудить къ нимъ гуманное отношеніе. Къ своей цѣли поэтъ идетъ двумя путями: съ одной стороны онъ рисуетъ всю прелесть дѣтской души, и, создавая съ увлеченіемъ, съ горячимъ сочувствіемъ дѣтскіе образы, невольно увлекаетъ и читателя; съ другой стороны онъ развертываетъ передъ нами рядъ картинъ дѣтскаго горя, и, пробуждая въ душѣ читателя чувство горячаго состраданія къ несчастнымъ страдальцамъ, вызываетъ на серьезные размысленія.

Всѣмъ извѣстна яркая, живая картина дѣтскаго веселья, дѣтской беззаботности въ „Крестьянскихъ дѣтихъ“; такой же жизнью, тепломъ и свѣтомъ дышатъ и картины дѣтской жизни, нарисованныя поэтомъ въ поэмѣ „Морозъ Красный Носъ“ при

описаніи уборки хлѣба и въ поэмѣ „Кому на Руси жить хорошо?“ при описаніи дѣтства Матрены Тимоѳеевны.

Поэтъ идеализируетъ дѣтскую натуру, онъ выставляетъ только свѣтлыя ея стороны: такъ, въ однихъ произведеніяхъ, напр. „Дѣдушка“, „На Волгѣ“, „Желѣзная дорога“ и т. д. онъ рисуеъ пытливость, любознательность, отзывчивость Саши, вдумчивость, глубокую впечатлительность, безбоязненность Валежникова, пытливость и сосредоточенность Вани и т. д.; въ другихъ, напр. „Кому на Руси жить хорошо?“ онъ выводитъ на сцену Ѳедотушку, который такъ выгодно отличается отъ взрослыхъ людей мягкостью своего сердца; въ третьихъ изображаетъ онъ намъ раннюю привычку крестьянскихъ дѣтей къ труду, напр. въ „Крест. дѣт.“ мужичокъ съ поготовъ, въ „Морозъ красный носъ“—Гриша, въ „Кому на Руси жить хорошо?“—Матрена въ дѣтствѣ и др.

Въ довольно многочисленныхъ стихотвореніяхъ, посвященныхъ русскимъ дѣтямъ, какъ напр. „Дядюшка Яковъ“, „Пчелы“, „Соловьи“, „Дѣдушка Мазай“ и др. поэтъ старается поддерживать и развить въ дѣтской душѣ тѣ добрыя чувства, которыя онъ въ ней признаетъ, какъ это видно изъ вышеупомянутыхъ нами его поэтическихъ произведеній.

Относясь съ любовью къ дѣтямъ и особенно довѣря ихъ дѣтскому чутью, поэтъ высказываетъ между прочимъ мысль, что лучшую оцѣнку челоѣку могутъ дать именно дѣти; такъ, рисуя намъ въ ст. „Похороны“ преждевременную смерть стрѣлка, Н. А. Некрасовъ упоминаетъ о плачѣ матери, мужа и вообще родныхъ надъ ранней могилой дорогого имъ челоѣка и замѣчаетъ:

Какъ не плакать имъ? диво велико ли?

Своему то свои хороши!

А по комъ ребятишки захныкали,

Тотъ, навѣрно, былъ доброй души (I, 1, 202).

Создавая съ особенной нѣжностью дѣтскіе образы, рисуя съ теплымъ участіемъ тѣхъ родителей, которые обнаруживаютъ

Послѣ такой работы эти несчастные дѣти были бы не въ состояніи принести дань столь свойственной дѣтскому возрасту рѣзвости, беззаботности, еслибы даже имъ и дали отдыхъ.

Гдѣ ужъ намъ измученнымъ въ неволѣ,
говорятъ они,

Ликовать, рѣзвиться и скакать?
Еслибъ насъ теперь пустили въ поле,
Мы въ траву попадали бы—спать.
Намъ домой скорѣй бы воротиться...
Но зачѣмъ идемъ мы и туда?
Сладко намъ и дома не забыться:
Встрѣтитъ насъ забота и нужда!
Тамъ, прижавъ усталой головою
Къ груди блѣдной матери своей,
Зарыдавъ надъ ней и надъ собою,
Разорвемъ на части сердце ей... ¹⁾

Заканчивая разсмотрѣніе стихотвореній Н. А. Некрасова, посвященныхъ дѣтскому вопросу, замѣтимъ, что немногіе изъ русскихъ писателей съ такимъ вниманіемъ и съ такой любовью относились къ изображенію дѣтской души, дѣтскихъ радостей и печалей, какъ нашъ поэтъ; на ряду съ нимъ поставимъ развѣ только О. М. Достоевскаго, упомянувши между прочимъ при случаѣ и отличную статью О. О. Миллера на тему: „Дѣти въ сочиненіяхъ О. М. Достоевскаго“ ²⁾.

IV.

Мы не задаемся цѣлью разсматривать всѣ гуманные мотивы поэзіи Некрасова и напр. указывали уже раньше лишь

¹⁾ Изд. Стасюлевича, 94.

²⁾ См. Русскіе писатели послѣ Гоголя, I, 300.

между прочимъ на крестьянскій вопросъ, какъ на одинъ изъ вопросовъ, особенно интересовавшихъ поэта и доставившихъ ему названіе „печальника скорби народной“ въ силу того гуманнаго отношенія поэта къ народу, которое характеризуетъ произведенія, посвященные обрисовкѣ крестьянскаго быта съ его рѣдкими свѣтлыми днями и постояннымъ тяжкимъ горемъ.

Помимо разсмотрѣнныхъ и упомянутыхъ нами гуманныхъ мотивовъ поэзіи Н. А. Некрасова, мы отмѣтимъ въ качествѣ таковыхъ же мотивовъ стремленія поэта пробудить въ читателѣ гуманное чувство по отношенію: 1) къ писателямъ, напр. въ стих. „Въ больницѣ“, „Памяти Добролюбова“, „Памяти пріятеля“, „Блаженъ незлобивый поэтъ“ и др.; 2) къ духовенству, напр. въ отрывкѣ „Попъ“ изъ „Кому на Руси жить хорошо?“, въ „Русскихъ женщинахъ“ о. Іоаннъ и др.; 3) къ помѣщикамъ, напр. въ отрывкѣ „Помѣщикъ“ изъ „Кому на Руси жить хорошо?“ 4) къ чиновникамъ, напр. въ стихотв. „Маша“, „Филантропъ“ и др. и т. д., и т. д.

Въ заключеніе позволимъ себѣ остановиться на одномъ свѣтломъ мотивѣ, одухотворяющемъ и проникающемъ поэзію Некрасова; этотъ мотивъ—вѣра въ народъ, вѣра въ его силы и въ его будущее. Правда, этотъ мотивъ тѣсно соприкасается со всѣми перечисленными мотивами, онъ входитъ въ нихъ какъ бы въ видѣ ихъ составной части, но кромѣ того есть въ поэзіи Некрасова цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ этотъ мотивъ выраженъ не косвенно, а прямо, гдѣ не приходится искать его, выводить, а гдѣ онъ вылился въ сильныхъ и горячихъ стихахъ.

Въ періодъ, предшествующій освободительной эпохѣ, поэтъ, не рѣшаясь еще мечтать о свободѣ народа, высказываетъ одинажды горячее желаніе, чтобы уже послѣ его смерти, чтобы хоть когда-нибудь въ будущемъ

вѣтеръ родного селенья
Звукъ единый до слуха донесъ,
Подъ которымъ не слышно кипѣнья
Человѣческой крови и слезъ.

И онъ вѣрить, что такіе дни настанутъ; онъ знаетъ, какъ много вынесъ русскій народъ на своемъ историческомъ пути, онъ вѣрить, что вынесетъ онъ и въ будущемъ все, что Господь ни пошлетъ,

вынесетъ все—и широкую, ясную
грудью проложить дорогу себѣ.

Сознавая отлично всѣ темныя стороны и до-реформенной и послѣ-реформенной эпохъ, беспощадно бичуя все низкое, злое и признавая отсталость Руси отъ Запада во многихъ отношеніяхъ, поэтъ однако же влагаетъ въ уста героя поэмы „Несчастные“ слѣдующія слова:

Во многомъ насъ
Опередили иноземцы,
Но мы догонимъ въ добрый часъ!
Лишь Богъ помогъ бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольнѣй.
Покажетъ Русь, что есть въ ней люди,
Что есть грядущее у ней (I, 2, 129).

А что есть въ ней люди, это указываетъ самъ поэтъ, когда напр., вспоминая о Бѣлинскомъ, Грановскомъ и др. свѣточахъ русской мысли, восклицаетъ:

Да были личности!... Не пропадетъ народъ,
Обрѣтшій ихъ во времена крутыя (II, 2, 215).

или когда, вспоминая о Ломоносовѣ и другихъ герояхъ изъ простого народа, говорить:

Не бездарна та природа,
Не погибъ еще тотъ край,
Что выводить изъ народа
Столько славныхъ, то и знай,
Столько добрыхъ, благородныхъ,
Сильныхъ любящей душой,

Посреди тупыхъ, холодныхъ
И напыщенныхъ собой! (I, 148—9).

Залогомъ же движенія родины впередъ, залогомъ ея свѣтлаго будущаго является и готовность русскаго народа не щадить своихъ силъ и труда для блага грядущихъ поколѣнѣй, и золотое сердце народное.

Трудись, покамѣстъ служить руки,
Не сѣтуй, не лѣнись, не трусь,
Спасибо скажутъ наши внуки,
Когда разбогатѣетъ Русь.

* * *

Пускай томимся голодомъ, жаждой,
Пусть дрогнемъ въ холодѣ зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываемъ мы (I, 2, 136).

Сколько самоотверженія, сколько альтруизма въ этихъ словахъ пѣсни, которую поютъ простые русскіе люди, работая въ рудникахъ и вѣря, что внуки пожнутъ плоды трудовъ ихъ рукъ.

Съ благодарностью воспрѣваетъ золотое народное сердце и княгиня Волконская, восклицая:

Хочу я сказать
Спасибо вамъ, русскіе люди!
Въ дорогѣ, въ изгнаньи, гдѣ я ни была
Все трудное каторги время,
Народъ! я бодрѣ съ тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебѣ пало на часть,
Ты дѣлишь чужія печали,
И гдѣ мои слезы готовы упасть,
Твои ужъ давно тамъ упали.

Ты любишь несчастнаго, русскій народъ.

.
Примите мой низкій поклонъ, бѣдняки,
Спасибо вамъ всѣмъ посылаю!
Спасибо! Считали свой трудъ ни во что
Для насъ эти люди простые,
Но горечи въ чашу не подлилъ никто,
Никто — изъ народа, родные (III, 1, 341).

Вѣра въ свой народъ, вѣра въ его духовныя силы и въ
его будущее, поэтъ обращается съ молитвой за него къ Твор-
цу въ своемъ извѣстномъ „Гимнѣ“:

Господь! Твори добро народу!
Благослови народный трудъ,
Упрочь народную свободу,
Упрочь народу правый судъ!

* * *

Чтобы благія начинанья
Могли свободно возрасти,
Разлей въ народѣ жажду знанья
И къ правдѣ укажи пути!

* * *

И отъ ярма порабощенья
Твоихъ избранниковъ спаси,
Которымъ знамя просвѣщенья
Господь! Ты ввѣришь на Руси!... (II, 2, 186).

Такъ любилъ и такъ вѣрилъ въ свою родину поэтъ, бо-
лѣе всѣхъ бичевавшій ея темныя стороны и самъ назвавшій
свою музу—„музой мести и печали“.

Порой однако находили на поэта тяжелыя минуты раз-
думья, порой какъ бы колебалась его вѣра въ народъ и вѣра
въ свое дѣло,—и все чаще, все тяжелѣе мучили поэта такія

тяжелыя думы по мѣрѣ приближенія къ роковому 1877 г., когда физическій недугъ надломилъ силы поэта. „Народъ, которому я посвятилъ всѣ свои силы, все свое вдохновеніе, не знаетъ меня, думалъ поэтъ; неужели весь мой трудъ пройдетъ безслѣдно и окажутся правы тѣ, которые называютъ насъ, русскихъ поэтовъ, паріями родной земли? Неужели же эта родная земля, въ которую такъ вѣрилъ поэтъ, не оправдаетъ его надеждъ?“

Такъ думалъ поэтъ въ тяжелыя, длинныя ночи 1877 г., когда болѣзнь приковала его къ одру, когда не за горами былъ уже его послѣдній часъ. Тяжкія физическія страданія усиливались такимъ образомъ муками нравственными.

И вотъ однажды, въ мартѣ 1877 г., всего за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, въ минуты страшныхъ страданій, когда слышится поэту, будто бы заступъ могильный стучить, замолкаетъ, стихаетъ, слышится онъ чудный, нѣжный голосъ, поющій ему колыбельную пѣснь, и какія свѣтлыя грезы навѣваетъ эта пѣснь на истерзанную душу поэта, какое успокоеніе вливаетъ въ его наболѣвшую грудь этотъ голосъ, который поетъ:

Усни, страдалецъ терпѣливый!
Свободной, гордой и счастливой
Увидишь родину свою.
.
.
.
Не бойся горькаго забвенья:
Ужъ я держу въ рукѣ моей
Вѣнецъ любви, вѣнецъ прощенья,
Даръ кроткой родины твоей...
Уступитъ свѣту мракъ упрямый,
Услышишь пѣсенку свою
Надъ Волгой, надъ Окой, надъ Камою
Баю-баю-баю-баю.

Понятно намъ, чей былъ это голосъ. И умеръ поэтъ, и сошелъ примиреннымъ въ могилу, оставивши своей родинѣ богатое наслѣдіе, и завѣщалъ гуманный поэтъ каждому своему

соотечественнику то, что онъ нѣкогда, также въ колыбельной
пѣснѣ, пропѣлъ Еремушкѣ:

Будь счастливымъ. Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

* * *

Жизни вольнымъ впечатлѣнiямъ
Душу вольную отдай,
Человѣческимъ стремленiямъ
Въ ней проснуться не мѣшай.

* * *

Съ ними ты рожденъ природою —
Возлелѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они (I, 1, 171).

П. Заболотскiй.



ДЖЕМСЪ ЧАЙЛЬДЪ

и его изданіе англійскихъ и шотландскихъ
народныхъ балладъ ¹⁾.

Въ нашей университетской библіотекѣ сравнительно недавно полученъ послѣдній томъ капитальнаго изданія англійскихъ и шотландскихъ балладъ. Изданіе это принадлежитъ профессору Гарвардскаго университета Чайльду ²⁾. Имя этого американскаго ученаго пользуется широкой извѣстностью въ европейской наукѣ, а помянутый трудъ его представляетъ выдающійся интересъ не только для специалистовъ германо-романской филологіи, но и для лицъ, изучающихъ славянскую и русскую народную словесность.

Поэтому мнѣ представляется вполне умѣстнымъ обратить вниманіе любителей науки на это весьма крупное приобрѣтеніе международнаго знанія, тѣмъ болѣе, что въ русской печати я не видѣлъ отзывовъ объ немъ. Говоря въ настоящее время объ этомъ изданіи, я приведу нѣкоторые біографическія данныя о Чайльдѣ, что дастъ мнѣ возможность мимоходомъ коснуться и тѣхъ условій, при которыхъ работаютъ американскіе ученые.

Джемсъ Чайльдъ родился въ Бостонѣ въ 1825 году. Отецъ его былъ небогатый ремесленникъ, занимавшійся выдѣлкой парусовъ. Сына своего онъ помѣстилъ въ начальное городское

¹⁾ Докладъ, читанный въ Обществѣ исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 23-го февраля 1903 г.

²⁾ *Francis James Child, The english and scottish popular ballads. Boston, 1882—1898. I—X.*

училище, откуда мальчикъ перешелъ затѣмъ въ средне-учебное заведеніе (high school). Нужно замѣтить, что американская система обученія устроена такъ, что переходъ изъ начальныхъ училищъ въ средне-учебныя заведенія является не исключеніемъ, а общимъ правиломъ даже для бѣдныхъ учениковъ. Такой организаціей народнаго обученія объясняется необычайный ростъ американской мысли во всѣхъ отрасляхъ знанія; знаніе же, какъ полагаютъ американцы, должно быть доступно для дѣтей всѣхъ классовъ общества. Поэтому въ Америкѣ даже самыя бѣдныя дѣти, пользуясь чрезвычайно льготными условіями, всегда находятъ возможность попадать и въ университеты ¹⁾).

Такъ случилось и съ Чайльдомъ.

При своихъ ограниченныхъ средствахъ онъ не считалъ возможнымъ посвятить себя научнымъ занятіямъ и сперва поступилъ въ такъ называемую English high school, въ которой древніе языки не преподавались, но которая по преимуществу приспособлена къ требованіямъ дѣйствительной жизни. Здѣсь, благодаря своему необыкновенному развитію, онъ въ скоромъ времени, при случайной встрѣчѣ, обратилъ на себя вниманіе мистера Dixwell'я, директора такъ наз. Латинской Школы, и тотъ настоялъ на томъ, чтобы Чайльдъ перешелъ въ эту школу и началъ готовиться въ Гарвардскій колледжъ. Въ скоромъ времени Чайльдъ догналъ своихъ товарищей въ изученіи греческаго и латинскаго языковъ, а мистеръ Dixwell устроилъ ему бесплатное прохожденіе дальнѣйшаго курса.

Въ 1842 году Чайльдъ поступилъ въ Гарвардскій колледжъ, бывший въ то время сравнительно небольшимъ учрежденіемъ, не пользовавшимся еще званіемъ университета, но обладавшій прекрасными традиціями серьезно поставленнаго преподаванія и рядомъ хорошихъ профессоровъ. Окончивъ въ 1846 году курсъ наукъ со степенью бакалавра, Чайльдъ немедленно поступилъ на службу въ родной колледжъ, гдѣ и прошелъ всю свою длинную научную карьеру. Сперва онъ преподавалъ ма-

¹⁾ Ф. Ф. Мартенсъ, Американскія впечатлѣнія. Вѣстн. Евр. 1902, Ноябрь, 5—52.

тематику, въ 1848 году сдѣлался преподавателемъ исторіи и политической экономіи, а также англійскаго языка. Въ 1849 году онъ получилъ отпускъ для научной поѣздки въ Европу, гдѣ пробылъ около двухъ лѣтъ. Пребываніе въ Европѣ оказало на Чайльда огромное вліяніе, и онъ вернулся на родину ученымъ, прошедшимъ серьезную школу германскихъ университетовъ, знатокомъ германской филологіи, переживавшей въ то время въ самой Германіи періодъ своего юношескаго расцвѣта. Въ филологіи то было время перехода отъ дилеттантскаго романтизма къ формамъ строго выработанной научной дисциплины; филологія выдѣлялась въ самостоятельную науку, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ то время среди нѣмецкихъ ученыхъ царила свѣжесть и живость идеалистическихъ порывовъ первой половины XIX вѣка, когда самые серьезные филологи не ограничивались изученіемъ лишь формы литературныхъ фактовъ, но стремились къ разясненію духа явленій. Идеалы знанія и широкой гуманности не подвергались сомнѣніямъ; почерпая свое обоснованіе въ наблюденіи надъ прошлыми судьбами народовъ, идеалы эти должны были вести человѣчество къ лучшему свѣтлому будущему; прошедшее должно было являться служебнымъ матеріаломъ для современности. Имена нѣмецкихъ ученыхъ того времени, В. и Я. Гриммовъ, Гаупта, Гервинуса, Лахмана, Лиліенкрона, юриста Савиньи и множества другихъ извѣстны всему міру. Ихъ вліянію подчинились во всѣхъ странахъ Европы представители историко-филологическихъ дисциплинъ. Точно также и для американской науки было большимъ счастьемъ то обстоятельство, что въ самый расцвѣтъ германской университетской жизни съ ней вошелъ въ соприкосновеніе молодой Чайльдъ, проникнутый горячей любовью къ наукѣ, человѣкъ съ сильно выраженной индивидуальностью и съ широкими умственными горизонтами. Въ теченіе почти двухъ лѣтъ своего пребыванія въ Германіи онъ усердно посѣщалъ лекціи по классической древности, по философіи и по германской филологіи. Его любимцами на всю жизнь остались братья Гриммы, портреты которыхъ украшали его кабинетъ. Плодомъ пребыванія въ Германіи явится совре-

менемъ собственный вкладъ Чайльда въ науку, его изданіе англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ.

По возвращеніи изъ Европы Чайльдъ занялъ въ Гарвардскомъ колледжѣ кафедру реторики и ораторскаго искусства, но спеціальныя свои занятія сосредоточилъ въ области англійскаго языка и литературы. Тѣмъ временемъ провинціальный Гарвардскій колледжъ превращенъ былъ въ 1876 году въ университетъ въ полномъ смыслѣ этого слова съ выборной системой управленія, и быстро пошелъ впередъ по пути своего развитія. Въ настоящее время средства Гарвардскаго университета опредѣляются въ 15 милліоновъ долларовъ; ему принадлежитъ около 60 зданій, служащихъ для студентовъ и для профессоровъ. Каждый факультетъ имѣетъ свои собственные помѣщенія, аудиторіи и библіотеки, такъ что профессоры и студенты немедленно могутъ пользоваться всѣми литературными пособіями. Для студентовъ построены общежитія, гдѣ они за небольшую плату могутъ жить и заниматься; съ удивительнымъ совершенствомъ построены столовыя, помѣщенія для театральныхъ представленій, концертовъ и литературныхъ чтеній.

Съ преобразованіемъ Гарвардскаго колледжа въ университетъ преподавательскій персоналъ возросъ до 400 лицъ. Содержаніе профессоровъ доведено до семи тысячъ долларовъ въ годъ, при чемъ послѣ шестилѣтняго преподаванія профессоры имѣютъ право на годичный отпускъ съ сохраненіемъ содержанія. Такова обстановка университетской жизни, при которой Чайльдъ, занявъ, наконецъ, кафедру англійскаго языка, могъ осуществить свои широкіе научные замыслы.

Вскорѣ послѣ возвращенія изъ Германіи Чайльдъ взялся за редактированіе цѣлой серіи англійскихъ поэтовъ (British Poets), серіи, печатавшейся съ 1853 года въ Бостонѣ и вышедшей впослѣдствіи въ количествѣ 150 томиковъ. Изъ этой работы мало помалу выдѣлились три главныхъ самостоятельныхъ труда Чайльда: изданіе произведеній англійскаго писателя XVI вѣка Спенсера, замѣтки по языку Чосера, писателя XIV вѣка, и, наконецъ, изданіе англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ. Я не буду останавливаться на разсмотрѣ-

ниі первыхъ двухъ работъ Чайльда, такъ какъ онѣ имѣють слишкомъ спеціальный характеръ, скажу только, что хотя въ моментъ ихъ появленія филологическія разысканія по исторіи англійскаго языка едва лишь начинались, тѣмъ не менѣе исполненное Чайльдомъ изданіе сочиненій Спенсера и донинѣ признается наилучшимъ изъ существующихъ, а замѣтки его по языку Чосера приняты были въ основу дальнѣйшихъ разработокъ этого вопроса. Что же касается третьяго труда Чайльда, его изданія англійскихъ и шотландскихъ балладъ, то онъ потребовалъ отъ автора большей половины его жизни и создалъ ему прочную репутацію первостепеннаго знатока средневѣковой европейской поэзіи.

Мысль собрать въ одно цѣлое англійскія и шотландскія баллады пришла Чайльду еще въ то время, когда онъ редактировалъ вышеупомянутое Бостонское изданіе „Англійскихъ поэтовъ“, и для этого изданія онъ и приготовилъ сборникъ балладъ въ 8 томикахъ. Но затѣмъ онъ задумалъ планъ обширнаго критическаго сборника, который долженъ былъ бы заключать въ себѣ всѣ существующія варіанты англійскихъ и шотландскихъ балладъ, и въ которомъ содержаніе этихъ поэтическихъ памятниковъ было бы сопоставлено съ возможно полнымъ подборомъ параллелей въ народной поэзіи всѣхъ европейскихъ народовъ.

Англійскія и шотландскія баллады, какъ оказалось, стоятъ въ самой тѣсной генетической связи съ поэзіей материка. Самый терминъ „баллада“—романскаго происхожденія. На югѣ Франціи въ Провансѣ народъ называлъ плясовую пѣсню *balada*, отъ глагола *balag* — плясать. Позднѣе у южно-французскихъ поэтовъ, т. наз. трубадуровъ, *balada* опредѣляла просто любовную пѣсню; еще позднѣе въ XIV и въ XV ст. подъ словомъ *ballada* разумѣлась лирическая пѣсня съ эпическимъ содержаніемъ, которое сближаетъ балладу съ нашей народной былинной.

При возникновеніи англійской національной жизни въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ развитіе англійской поэзіи совершалось подъ непосредственнымъ и широкимъ вліяніемъ роман-

скихъ литературъ. Такъ напр. въ XII вѣкѣ центромъ умственной и художественной жизни въ Европѣ на ряду съ Парижемъ былъ дворъ Генриха II Плантагенета, короля англійскаго, и жены его Елеоноры, выросшей на югѣ Франціи въ кругу провансальскихъ трубадуровъ и любившей ихъ поэзію. При этомъ дворѣ господствовалъ французскій языкъ наравнѣ съ латинскимъ, желанными гостями здѣсь были какъ южно-французскіе трубадуры, такъ и сѣверно-французскіе труверы. Такое вліяніе французской поэзіи на англійскую продолжается черезъ все XIII столѣтіе и первую половину XIV до тѣхъ поръ, когда появляется Чосеръ, которому удалось дать безповоротный перевѣсъ національному англійскому генію надъ иноземнымъ теченіемъ, въ данномъ случаѣ французскимъ, итальянскимъ и латинскимъ. Но даже во время Чосера въ Англіи множество поэтовъ, носившихъ французское названіе менестрелей, множество лицъ духовнаго и рыцарскаго сословія воспроизводили баллады, т. е. лирико-эпическія пѣсни, на французскомъ, латинскомъ и англійскомъ языкахъ. Не только при дворѣ, но также среди буржуазіи и въ средѣ простого народа вкусъ къ балладамъ и пѣснямъ, проникшимъ изъ Франціи, дѣлается общераспространеннымъ въ XIV вѣкѣ. По большей части такого рода пѣсни съ теченіемъ времени погибли, уступивъ мѣсто новымъ теченіямъ поэзіи, но все-таки много ихъ сохранилось въ рукописяхъ и сборникахъ и дошло до нашего времени.

Задумавъ критическое изданіе англійскихъ и шотландскихъ балладъ, Чайльдъ приступилъ къ сравненію рукописныхъ текстовъ съ текстами прежнихъ изданій, и тутъ оказалось, что почти всѣ сборники, не исключая и лучшихъ, какъ сборникъ епископа Регу, грѣшатъ неточностью. Тогда Чайльдъ рѣшилъ, что не напечатаетъ ни одной строчки своего труда, пока не исчерпаетъ всѣхъ средствъ для провѣрки текстовъ по существующимъ рукописямъ. Но многія рукописи находились въ частныхъ рукахъ, многія были или неизвѣстны или же и совсѣмъ затеряны. Чтобы преодолѣть всѣ эти трудности Чайлду недостаточно было обладать извѣстной настойчивостью, ему нужны были большія средства; ему пришлось обра-

зовать цѣлый кружокъ сотрудниковъ изъ ученыхъ, антикваріевъ и частныхъ лицъ. Нѣкоторые рукописи были куплены на счетъ Гарвардскаго университета, съ другихъ были сдѣланы точныя копіи, поступившія также въ Гарвардскую университетскую бібліотеку. Всего собрано и обслѣдовано Чайльдомъ 52 рукописи, содержація тексты англійскихъ и шотландскихъ балладъ, и 222 печатныхъ сборника, изъ которыхъ нѣкоторые восходятъ къ XV столѣтію.

Много лѣтъ длилась эта подготовительная работа и лишь въ 1882 году Чайльдъ счелъ себя въ правѣ начать печатаніе.

Однако подборомъ матеріала и сличеніемъ текстовъ не ограничивалась задача Чайльда. Одновременно съ этимъ онъ велъ несравненно труднѣйшую работу, работу сравнительнаго изученія этихъ памятниковъ англійской поэзіи съ произведеніями народнаго творчества всѣхъ европейскихъ народовъ. Съ этой цѣлю онъ неустанно собиралъ въ своей университетской бібліотекѣ все, что относилось къ народной поэзіи европейскихъ народовъ, главнымъ образомъ сборники балладъ, пѣсенъ и сказокъ. Такимъ путемъ онъ составилъ драгоценную коллекцію, заключающую въ себѣ до 7000 томовъ, чѣмъ оказалъ громадную услугу Гарвардскому университету. Кромѣ того онъ составилъ въ университетской бібліотекѣ рѣдкій подборъ книгъ по средневѣковой литературѣ, такъ что почти всѣ книги, перечисленныя въ бібліографіи къ изданію англійскихъ и шотландскихъ балладъ, въ количествѣ около трехъ съ половиною тысячъ сочиненій, находятся въ Гарвардской бібліотекѣ.

Въ заключеніе Чайльдъ сдѣлалъ попытку собрать устный матеріалъ, тѣ отрывки балладъ, какія еще живутъ въ устахъ народа въ Америкѣ и въ Великобританіи. По его мнѣнію результаты этихъ записей были незначительны.

Всего въ десяти книгахъ сборника Чайльда обслѣдовано 305 балладъ. Онѣ составляютъ содержаніе всего лирико-эпическаго творчества средневѣковой Англій.

Для лицъ знакомыхъ съ методомъ сравнительнаго изученія народнаго творчества будетъ понятно, сколько труда и энер-

гѣи было затрачено Чайльдомъ на выполненіе своего изданія. Для лицъ, не представляющихъ себѣ объема осуществленнаго предпріятія, укажу еще, что десять книгъ Сборника англійскихъ и шотландскихъ народныхъ балладъ, изданнаго Чайльдомъ, обнимаютъ 2634 страницы in folio. Сборникъ напечатанъ въ Бостонѣ; первый томъ его вышелъ въ 1882 году, а послѣдній въ 1898 году.

Самый планъ для этого сборника заимствованъ Чайльдомъ отъ датскаго ученаго Грундтвига, извѣстнаго своимъ образцовымъ изданіемъ „Старыхъ народныхъ датскихъ балладъ“. Во время обработки 1-ой и 2-ой книги Грундтвигъ снабжалъ Чайльда своими замѣтками. Указанія его касались какъ датскихъ, такъ и скандинавскихъ источниковъ и высоко цѣнились Чайльдомъ, что онъ и выразилъ въ предисловіи ко второму тому своего изданія, говоря о смерти Грундтвига. Чтобы показать, какъ серьезно была обставлена научная сторона предпріятія Чайльда, я приведу лишь нѣкоторые имена его сотрудниковъ, но ихъ будетъ достаточно, чтобы убѣдиться, что всѣ наиболѣе крупные представители сравнительнаго изученія литературъ принимали участіе въ этомъ дѣлѣ. Такъ, по вопросамъ сѣверной поэзіи ему помогалъ извѣстный англійскій ученый Вигфуссонъ и Андрю Лангъ, по вопросамъ средневѣковой литературы его сотрудниками были первостепенные знатоки этого дѣла, Рейнгольдъ Кёлеръ и Ф. Либрехтъ, по финской поэзіи ему давалъ свѣдѣнія проф. Гельсингфорскаго университета Кронъ, по вопросамъ итальянской литературы извѣстный Питре, издатель журнала *Archivio delle Tradizioni popolari*. По литературамъ славянскимъ весьма многіе ученые были въ числѣ сотрудниковъ Чайльда: такъ, по польской литературѣ давалъ ему свои указанія извѣстный издатель журнала „Висла“, г. Карловичъ, по другимъ славянскимъ литературамъ ему помогалъ преподаватель славяновѣдѣнія въ Гарвардскомъ университетѣ г. Винеръ, а также проф. Цюрихскаго унив. г. Феттеръ; по русской литературѣ въ числѣ сотрудниковъ былъ проф. Москов. унив. Виноградовъ, но особенно широко содѣйствовалъ ему въ этомъ отдѣлѣ проф. Лейпцигскаго университета г. Вольнеръ.

Послѣдній между прочимъ сообщилъ Чайльдъ въ переводѣ выдержки изъ моей работы „*Ленора Бюргера и родственныя ей сюжеты въ европейской и русской поэзіи*“, вслѣдствіе чего Чайльдъ въ IX книгѣ своего труда на стр. 60 подъ № 272 могъ помѣстить англійскую балладу „*The Suffolk Miracle*“, при чемъ въ видѣ параллелей къ ней взялъ изъ моего изслѣдованія 25 вариантовъ.

Но большинство сотрудниковъ Чайльда состояло изъ американцевъ и англичанъ; среди нихъ было нѣсколько дамъ.

При всемъ томъ я не могу сказать, чтобы матеріалы по всемъ вопросамъ, затронутымъ Чайльдомъ, были исчерпаны. Особенно это замѣтно въ сферѣ славяновѣдѣнія: специалистамъ здѣсь предстоитъ сдѣлать еще много новыхъ дополненій.

Въ іюнѣ 1896 года Чайльдъ окончилъ пятидесятый годъ своей службы въ Гарвардскомъ университетѣ. Въ это время онъ усиленно работалъ надъ десятой книгой своего изданія. Эта книга должна была содержать словарь къ балладамъ, разные указатели, полную библіографію и тщательно обработанное общее предисловіе. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ Чайльд не позволялъ себѣ самаго краткаго отдыха; несмотря на пошатнувшееся здоровье, онъ напряженно работалъ все лѣто. Въ концѣ августа онъ почувствовалъ себя больнымъ, а 11 сентября 1896 года его не стало. Къ этому времени онъ окончилъ свой трудъ за исключеніемъ библіографіи и введенія. Библіографія была составлена другимъ лицомъ, но никто пока не взялъ на себя смѣлости написать введенія.

Очень жаль, что смерть помѣшала Чайльдъ высказать свои конечные выводы изъ наблюденій надъ тѣмъ необозримымъ матеріаломъ, какой онъ успѣлъ собрать въ своемъ капитальномъ изданіи. Но это сдѣлаютъ тѣ молодые специалисты, которые, по словамъ проф. Китреджа, выработались въ Гарвардскомъ университетѣ подъ руководствомъ Чайльда¹⁾. Чайльдъ

¹⁾ G. L. Kittredge, F. J. Child въ X-ой части „Англійскія и шотландскія баллады“.

привлекалъ къ себѣ молодежь своею поразительною эрудиціей, энтузіазмомъ знаній, способностью излагать свои мысли ясно и убѣдительно, а также своей добротой и сердечностью. Онъ не отдѣлялъ своей жизни отъ науки, для него жить значило работать, и можно сказать, что вся его жизнь выразилась въ его знаменитомъ трудѣ „*Англійскія и шотландскія народныя баллады*“. Подъ этимъ скромнымъ заглавіемъ скрывается, какъ видимъ, трудъ всей жизни Чайльда. Трудъ этотъ, послѣ всего вышесказаннаго, наводитъ меня на необходимость сгруппировать свои впечатлѣнія, какія я вынесъ изъ разсмотрѣнія его. Они могутъ быть выражены приблизительно въ формѣ слѣдующихъ обобщеній.

1) Дошедшая до нашего времени старая англійская лирико-эпическая поэзія, представленная у Чайльда въ количествѣ 305 номеровъ отдѣльныхъ балладъ, представляетъ изъ себя богатый запасъ поэтическихъ сюжетовъ, большинство которыхъ восходитъ къ общеевропейской средневѣковой литературѣ.

2) Сюжеты англійскихъ балладъ оказываются въ большинствѣ случаевъ въ близкомъ родствѣ съ поэзіей нѣмецкой, датской и скандинавской съ одной стороны и съ поэзіей романскихъ народовъ—т. е. французской, испанской и итальянской, съ другой; но что всего удивительнѣе, такъ это то, что англійскія баллады, по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ нихъ, близко совпадаютъ съ эпическими пѣснями южно-славянскими и съ русскими былинами. Послѣднее обстоятельство доказываетъ, что какъ южно-славянскія эпическія пѣсни, такъ и русскія былины являются продолженіемъ общеевропейскаго средневѣковаго литературнаго теченія.

3) Въ силу этого не только лица, изучающія германо-романскую филологію, но и спеціалисты славяно-русской филологіи не могутъ дѣлать своихъ обобщеній въ области народной поэзіи безъ ближайшаго изученія труда Чайльда.

4) Появленіе подобныхъ изданій убѣдительно свидѣтельству о быстромъ и могучемъ ростѣ американской филологической науки. Если имѣть въ виду превосходную систему на-

роднаго образованія и громадныя средства, ассигнуемыя страной на просвѣтительныя цѣли, то можно думать, что недалеко то время, когда и въ области теоретическихъ наукъ Америка займетъ то же мѣсто, какое она занимаетъ въ сферѣ прикладныхъ знаній.

И. Созоновичъ.

О ПРЕПОДАВАНИИ ГЕОГРАФИИ

СЪ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ НОВѢЙШИХЪ ТРЕБОВАНІЙ ¹⁾.

Минувшій XIX вѣкъ можно охарактеризовать, какъ эпоху могучаго развитія человѣческихъ знаній во всѣхъ областяхъ науки и практическаго приложенія ихъ къ жизни; но ни одна наука изъ извѣстныхъ въ древности такъ не развилась въ прошедшемъ столѣтіи, какъ географія. И въ самомъ дѣлѣ: трудами великихъ географовъ—Карла Риттера, Александра Гумбольдта, Бернгарда Штудера, Оскара Пешеля и др.—установлено было болѣе широкое и болѣе научное пониманіе географіи; ранѣе накопленный географическій матеріалъ былъ разработанъ и приведенъ въ систему, а самые законы, которымъ подчиняются земныя явленія, изслѣдованы съ болѣею точностью. За исключеніемъ небольшой сравнительно области вокругъ точки сѣвернаго полюса и нѣскольکو болѣе простран-ныхъ областей антарктическихъ, можно сказать, что вся остальная поверхность земнаго шара намъ болѣе или менѣе извѣстна. Предварительное знакомство съ землей человѣчество закончило; на долю XX столѣтія остается ея детальное изученіе. Теперь путешествія принимаютъ характеръ не случайныхъ поѣздокъ искателей приключеній, а строго научныхъ изслѣдованій. Современные путешественники трудами многихъ лѣтъ готовятся къ своему подвигу и идутъ на него во всеору-

¹⁾ Докладъ, читанный В. В. Власовымъ въ Обществѣ исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 22-го марта 1903 г.

жии современныхъ научныхъ знаній и опыта предыдущихъ путешествій и съ опредѣленнымъ, напередъ составленнымъ планомъ. Географія перестала быть сухимъ сборникомъ номенклатурно-календарнаго характера, чисто энциклопедическимъ агрегатомъ свѣдѣній, ничѣмъ не связанныхъ, изъ разныхъ наукъ; она сдѣлалась полноправной наукой, имѣющей свое *raison d'être*, свой методъ и задачи, свои области изслѣдованія. Предметъ ея — поверхность земли со всѣми тѣми факторами, которые имѣютъ вліяніе на ея измѣненіе; методъ ея — дистрибутивный. Тѣ идеи о сущности географіи, которыя болѣе или менѣе туманно выражены у Геродота, Страбона ¹⁾ и Птолемея, въ трудахъ Риттера, Гумбольдта, Пешеля и др. черезъ 18 столѣтій были снова высказаны, но въ формѣ уже ясной и точной; географія была очищена отъ наноснаго, чуждаго ей элемента другихъ наукъ и, какъ освобожденный отъ покрывавшей коры драгоценный камень, засверкала присущимъ ей цвѣтомъ и получила свое мѣсто, цѣну и значеніе среди другихъ сестеръ-наукъ. Со многими изъ нихъ она имѣетъ тѣсную связь,

¹⁾ Греческій географъ Страбонъ (род. въ 63 г. до Р. Хр.), вотъ какими словами начинается свое объемистое сочиненіе „*Γεωγραφικά*“ въ 17 книгахъ:

„Мы полагаемъ, что Географія, избранная предметомъ настоящаго труда, не менѣе всякой другой науки входитъ въ предметъ занятій философа. Что мы, думая такимъ образомъ, не ошибаемся, тому есть многія доказательства. Первые, рѣшившіеся заняться описаніемъ земли, были также философами: Гомеръ, Анаксимандръ изъ Милета, его согражданинъ Гекатей, какъ утверждаетъ Эратосѣенъ; также Демокритъ, Евдоксъ, Дикеархъ, Полибій, Посидоній были тоже философы. Потомъ, самая многосторонность свѣдѣній, съ которою только и можно приступать къ этому дѣлу, свойственна лицу, обнимающему божескія и человѣческія вещи, а науку о нихъ и называютъ философіей. Наконецъ, приложеніе географіи разнообразно: ею могутъ пользоваться государства, вожди, она облегчаетъ знакомство съ небесными явленіями, земноводными и морскими животными, растеніями и плодами, и всякими иными предметами, какіе встрѣчаются въ каждой мѣстности. Это свойство Географіи предполагаетъ также философа, человѣка размышляющаго объ искусствѣ жить въ обществѣ и о благополучіи“.

пользуется сама ихъ выводами, но въ то же время своими заключеніями дать основаніе для дальнѣйшаго ихъ развитія.

Напр. исторія не можетъ обойтись безъ географіи, такъ какъ знаніе мѣстности уясняетъ ходъ историческихъ событій и нерѣдко помогаетъ исправить ошибку, случайно или умышленно вкравшуюся въ историческую лѣтопись. Географическимъ очеркомъ страны обыкновенно начинаютъ изложеніе ея исторіи.

Обращаясь къ астрономіи и математикѣ, мы видимъ, напр., что важнѣйшій изъ законовъ, на которыхъ зиждется вся система небесныхъ свѣтилъ, законъ всемірнаго тяготѣнія, былъ выясненъ знаменитымъ Ньютономъ на основаніи наблюденія самаго обыкновеннаго земного явленія (паденія яблока). Земной поперечникъ служитъ основаніемъ для разныхъ астрономическихъ вычисленій, и нѣкоторыя изъ самыхъ сложныхъ математическихъ формулъ были придуманы именно для измѣренія земного шара и отношеній его къ другимъ небеснымъ тѣламъ. Даже вся первая часть географіи носитъ названіе Астрономической или Математической.

Если обратимся къ физикѣ, мы увидимъ, что земной шаръ составляетъ самую интересную арену разныхъ физическихъ явленій, и что дѣйствіе физическихъ силъ (напр. электричества) здѣсь можетъ быть наблюдаемо при самомъ большемъ ихъ напряженіи; что же касается магнетизма, то большая часть его явленій стала понятна лишь тогда, когда узнали, что земной шаръ самъ по себѣ есть громадный магнитъ. Мы знаемъ также, что вся вторая часть географіи извѣстна подъ именемъ Физической или Физики Земного Шара.

Естественная исторія знакомитъ насъ съ различными особенностями минераловъ и органическихъ существъ, но еще болѣе интересны зависимость организмовъ отъ обитаемой ими среды, распредѣленіе минераловъ, растений и животныхъ на земномъ шарѣ и значеніе ихъ для человѣка, этого важнѣйшаго обитателя земли.

Насколько географія необходима для занятій классическими науками видно уже изъ того, что лучшія изданія древнихъ авторовъ бываютъ снабжены картами, безъ знакомства

съ которыми самый текстъ сочиненія не можетъ быть ясенъ. Ближайшее знакомство съ мѣстностью и климатическими условіями страны объясняютъ намъ иногда привычки, обычаи и, вообще, образъ жизни древнихъ народовъ, а географическое положеніе различныхъ странъ показываетъ послѣдовательное распространеніе древней культуры. Географія тѣсно связана съ филологіей при объясненіи названій разныхъ мѣстностей, а также при распредѣленіи народовъ по семьямъ и группамъ, для чего однимъ изъ главныхъ основаній служитъ знаніе родства языковъ. Самая важность того или другого языка находится въ тѣсной зависимости отъ его географическаго распространенія, и, дѣйствительно, филологи обращаютъ преимущественное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ болѣе обширное распространеніе, напр. латинскій и греческій.

Насколько важно знаніе условій мѣстности для медицины—извѣстно каждому врачу, такъ какъ очень часто взаимнѣй всякаго лѣкарства больному предписывается перемѣна мѣста жительства. Существуетъ даже особая наука, такъ называемая „Медицинская географія”.

Несомнѣнно также значеніе географическихъ свѣдѣній въ военномъ искусствѣ, такъ какъ когда кака-либо страна становится театромъ войны, тогда въ прямую обязанность военачальниковъ входитъ самое подробное ознакомленіе съ физическими особенностями района дѣйствій.

Рациональное сельское хозяйство необходимо предполагаетъ знаніе мѣстности со стороны почвы, фауны и флоры и климатическихъ условій. Первостепенная важность географіи для торговыхъ сношеній выразилась въ образованіи особой вѣтви этой науки, извѣстной подъ названіемъ „Коммерческой географіи”.

Мореплаваніе немислимо безъ знанія географіи. Вотъ почему всѣ моряки—въ то же время хорошіе географы. Да и на самомъ дѣлѣ: морякъ безъ знанія географіи будетъ только блуждать кругомъ да около, не исполнитъ возложенной на него задачи и легко можетъ погубить и судно и экипажъ.

Почтово-телеграфное и желѣзнодорожное вѣдомства въ

своей дѣятельности руководится всеобщей и отечественной географіей; безъ знанія этого предмета, невозможно ни выгодное и наиболѣе цѣлесообразное проведеніе путей сообщенія, ни ускореніе внутреннихъ и внѣшнихъ сношеній.

Короче говоря, вся жизнь нынѣшняго культурнаго чловека тѣсно связана съ географіей какъ въ отношеніи питанія и домашняго обихода, такъ и въ отношеніи общественной жизни. Не даромъ Маркгамъ, предсѣдатель международнаго Лондонскаго географическаго конгресса въ 1895 г., высказалъ слѣдующее положеніе о значеніи географіи: „Географія — знаніе мѣстности — основаніе всего чловеческаго знанія; наука, искусство, администрація, торговля — все зависитъ отъ точныхъ географическихъ познаній”. Неудивительно поэтому тѣ огромныя затраты, которыя дѣлаются иногда государствами при снаряженіи географическихъ экспедицій; для примѣра укажу на огромную сумму въ нѣсколько милліоновъ рублей, затраченную нынѣшнимъ королемъ Бельгіи Леопольдомъ II на т. н. „Международную Африканскую Ассоціацію для изслѣдованія и колонизаціи области р. Конго”.

Теперь повсемѣстно культурныя государства стремятся распространить свое политическое и торговое вліяніе и посредствомъ колонизаціи принимаютъ участіе въ эксплуатаціи почвы и ея естественныхъ богатствъ въ самыхъ разнообразныхъ странахъ. Но колонизація теперь ведется по опредѣленному плану, такъ сказать научнымъ способомъ, а не такъ, какъ прежде, когда потребность, удобный случай, нерѣдко грубая жажда грабежа и другіе животныя инстинкты побуждали народы къ захвату чужихъ земель. Въ дѣлѣ современной колонизаціи географъ теперь имѣетъ рѣшающій голосъ: только онъ одинъ, при нынѣшнемъ подробномъ изученіи земель, можетъ сдѣлать надлежащую оцѣнку страны, ея произведеній и ея производительныхъ силъ, указать способы пользованія землей и обращенія ея такимъ образомъ въ капиталъ для метрополіи.

Даже въ такой странѣ, которая не владѣетъ колоніями и не стремится заводить ихъ, есть много географическихъ и другихъ задачъ, при рѣшеніи которыхъ мнѣніе географа весьма

важно. Климатологія страны, ея орошеніе, способы къ культу-рѣ ея, зависящіе отъ качества почвы, картографія, распро-страненіе мѣстныхъ организмовъ, возможность привоза дру-гихъ изъ иныхъ странъ и акклиматизація ихъ, свѣдѣнія отно-сительно возможности торговыхъ сношеній въ виду геологиче-скихъ и прочихъ условій страны, пользованіе рѣчными путями съ точки зрѣнія государственнаго хозяйства — вотъ обширное поле дѣятельности современнаго географа, гдѣ заслуги его пря-мо драгоцѣнны для государства.

Какъ на ближайшій примѣръ дѣятельности географа у насъ въ Россіи, я укажу на труды профессора Харьковска-го Университета А. Н. Краснова, замѣтившаго много обща-го въ климатическомъ и геологическомъ отношеніяхъ въ мѣст-ностяхъ около Батума съ нѣкоторыми китайскими долинами, славящимися производствомъ чая. По его мысли и по его ука-заніямъ, Министерство Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ устроило чайныя плантаціи около станціи Чаквы; са-женцы принялись, и чай получается довольно хорошаго ка-чества. Площадь чайныхъ плантацій ежегодно расширяется, и этотъ видъ промышленности сулитъ въ будущемъ развитіи на Кавказѣ въ широкихъ размѣрахъ, обогативъ государство и давъ работу тысячамъ рукъ ¹⁾.

Нельзя также не обратить вниманія на поразительно быст-рое распространеніе русскаго могущества въ Азіи. Не считая громаднаго приращенія территоріи въ Пріамурскомъ краѣ, въ одномъ только Туркестанѣ съ половины текущаго столѣтія пріоб-рѣтена Россіей площадь около милліона квадратныхъ верстъ. Колоніальная политика Россіи въ Азіи шла рука объ руку съ

¹⁾ Кн. Масальскій въ своемъ докладѣ „Чайное дѣло на Кавка-зѣ“ (см. Изв. И. Р. Г. Об. т. XXXVI, стр. 226, 1900 г.) говоритъ: „Если предположить, что вся площадь, пригодная для чайной куль-туры, составитъ лишь около 25,000 десятинъ, а средній урожай чая съ десятины всего 20 пуд., то все производство чая въ Закавказьѣ можетъ достигнуть 500,000 пуд. (т. е. около $\frac{1}{3}$ ввоза всѣхъ байхо-выхъ чаевъ въ Россію), а минимальная стоимость его 15—20 мил-ліоновъ рублей“.

научно-географическимъ изученіемъ областей, и передвиженію русской границы, по большей части, предшествовало болѣе или менѣе подробное изученіе присоединяемой области. Въ этомъ случаѣ неоцѣнимые услуги государству оказало Имп. Рус. Географ. Общ., трудами членовъ котораго для расширенія русскаго владычества, такъ сказать, напередъ проторялась тропинка. Славныя имена нашихъ путешественниковъ, напр. нынѣшняго вице-президента Им. Р. Г. Общ. П. П. Семенова, географическія заслуги котораго недавно были достойно оцѣнены во Всемилоствѣйшемъ рескриптѣ съ высоты Престола,—Карелина, Поспѣлова, Ханыкова, Струве, Потанина, Сѣверцова, Полторацкаго, Макшеева, Радлова, Мушкетова, Пржевальскаго, Бунге, Ленца, Роборовскаго, Козлова, Ладыгина — по преимуществу изслѣдователей средней Азіи; Маака, Шренка, Шмидта, Максимовича, Радде, Лопатина и архимандрита Палладія, по преимуществу изслѣдователей восточной Азіи — и цѣлой плеяды другихъ — неразрывно связаны съ территоріальными пріобрѣтеніями Россіи въ Азіи и ея міровыми культурными задачами ¹⁾).

Таково значеніе географіи для культурныхъ государствъ въ настоящее время. Сообразно съ этимъ, измѣнился и взглядъ на постановку преподаванія географіи въ учебныхъ заведеніяхъ на Западѣ. Между старинной и современной школьной географіей легла цѣлая пропасть. Старая школьная географія давала ученикамъ не болѣе, какъ обширный, лишенный системы и жизненной правды каталогъ именъ, разбѣянныхъ по лицу земли названій, къ которымъ не пріурочивалось никакихъ опредѣленныхъ понятій. Это былъ тотъ же избытокъ *locorum nomina*, на который жаловался въ свое время еще Плиніи. Польза отъ заучиванія этихъ именъ была та же, какъ

¹⁾ Изъ изслѣдователей недавно уступленной Китаемъ Россіи части Ляо-дун'скаго полуострова слѣдуетъ назвать Покотилова („Побѣда весной 1898 г. по южной части Ляо-дун'скаго полуострова") и Самойлова („Описаніе занятой нами территоріи на Ляо-дун'скомъ полуостровѣ").

если бы кто-нибудь во время образовательнаго путешествія, сталъ бы запоминать одни названія желѣзнодорожныхъ станцій.

Современная школьная географія имѣетъ другой характеръ и преслѣдуетъ иныя цѣли. Она отнюдь не стремится къ тому, чтобы дать возможно больше именъ: она добивается того, чтобы учащійся получилъ ясное понятіе о томъ, что собой представляетъ земля. Данные фактическія, являющіеся для старой географіи цѣлью, для новой составляютъ тотъ матеріалъ, въ который она влагаетъ жизнь, приводя ихъ въ естественныя взаимныя отношенія. Въ новыхъ прусскихъ учебныхъ планахъ, вошедшихъ въ силу съ 29 мая 1901 г. такъ разъясняется *общая учебная цѣль географіи*:

„Разумный взглядъ на окружающую природу и на карту, знаніе физическихъ свойствъ земной поверхности и пространственнаго распредѣленія людей на ней, равно какъ и знаніе основъ математической географіи”.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ сочиненій выдающихся географовъ, въ которыхъ они выражаютъ свои взгляды на сущность и значеніе изученія географіи. Карлъ Риттеръ въ своемъ обширномъ трудѣ „Общее землевѣдѣніе” говоритъ: „Относительно обитателей своихъ, одаренныхъ разумомъ, земля есть не только почва, колыбель, жилище, но и великое заведеніе, гдѣ воспитывается родъ человѣческій. Это весьма ясно обнаруживается наблюдателю изъ исторіи человѣчества. Оказывается, что земля, какъ планета, кромѣ своего существованія, имѣетъ и гораздо высшее назначеніе—оказывать вліяніе на духовный міръ. Въ народахъ отражается ихъ отечество, и мѣстныя вліянія родины на характеръ жителей, на ихъ видъ и тѣлосложеніе, на форму черепа, на цвѣтъ, темпераментъ, языкъ и духовное развитіе—неоспоримы. Изслѣдованіе отношеній этой высшей организаціи, ея законовъ и явленій естественно должно составлять значительную часть географической науки. Земля и ея обитатели находятся въ самой строгой взаимной связи между собой, и одну изъ этихъ частей безъ другой невозможно разсматривать всесторонне... Страна вліяетъ на человѣка, а человѣкъ вліяетъ на страну”.

Мысль Риттера развиваетъ профессоръ Герландъ въ брошюрѣ: „Задачи и раздѣленіе Географіи: „Географія крайне полезна въ педагогическомъ отношеніи. Воспитательное значеніе преподаванія заключается въ томъ, чтобы способствовать равномерному развитію чувства и разсудка. Чѣмъ бѣольшую связь и опредѣленность представляетъ предметъ преподаванія, тѣмъ плодотворнѣе будутъ результаты. Преподаваніе географіи даетъ результаты только въ томъ случаѣ, если въ ней существуетъ эта необходимая связь, если она ведетъ къ опредѣленнымъ выводамъ; безсвязное же сопоставленіе разнородныхъ знаній ничего не приноситъ и не можетъ принести, если не относится къ опредѣленному пространству. Отягощеніе памяти мѣшаетъ успѣхамъ, не даетъ знанія и не побуждаетъ къ занятіямъ; это достигается только съ помощью правильной послѣдовательной дѣятельности, строго проведеннаго обобщенія, которое способствуетъ расширенію понятій, и вслѣдствіе правильно указанной связи, даетъ имъ прочную основу. Только то имѣетъ педагогическую цѣну, что затрагиваетъ живыя струны ума, что полно жизни и жизненныхъ силъ и согласно съ требованіями, а не то, что является случайно”.

Еще дальше идетъ Шмидтъ въ своемъ трудѣ: „*Buch der Erziehung*”: „Не нужно никакихъ голыхъ названій странъ и народовъ, ни числа квадр. миль и жителей,—нужно живое описаніе странъ и ихъ произведеній, взглядъ на внутренній составъ почвы, на воды, воздухъ, свѣтъ, теплоту, растенія, животныхъ и человѣка, такъ чтобы видно было, что эти элементы самымъ тѣснымъ образомъ связаны между собою и взаимно другъ друга обусловливаютъ, и чтобы въ концѣ всего стоялъ человѣкъ съ его общечеловѣческими чертами и національными особенностями”...

Такъ же отозвался о значеніи географіи и покойный проф. С.-Пет. Унив. Э. Ю. Петри: „Географія имѣетъ своею задачею представить полную картину жизни нашей земли во всѣхъ ея сложныхъ взаимоотношеніяхъ. Она можетъ, поэтому, стать однимъ изъ наиболѣе важныхъ и увлекательныхъ предметовъ изученія. Географія даетъ намъ обширный запасъ свѣдѣній,

необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка; она знакомить насъ прежде и обстоятельнѣе всего съ нашею родной страной, но вмѣстѣ съ тѣмъ она раскрываетъ передъ нами и картины природы далекихъ странъ и быта ихъ культурныхъ и малокультурныхъ обитателей. Мы научаемся любить и цѣнить нашу родину во всѣхъ ея особенностяхъ вполне сознательно по мѣрѣ того, какъ расширяется нашъ географическій горизонтъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ, великіе красоты природы и великія чудеса ея будятъ нашу пытливость и любознательность и служатъ источникомъ новыхъ наслажденій для всѣхъ тѣхъ, кто посвящаетъ себя изученію нашей земли“. (Пред. къ Атласу).

Нельзя также не обратить вниманія на взгляды нѣкоторыхъ географовъ на школьное изученіе географіи, какъ на средство религіозно-образовательное. Проф. Кирхгофъ говоритъ: „Географія учитъ дѣтскую душу познавать справедливость Божію въ живыхъ описаніяхъ мѣстностей, указывая на то, какъ безпощадно караются неразуміе и лѣность людей, и какъ распространяется благодать въ тѣхъ странахъ, которыя отличаются энергіей и добрыми правами (Verhandlungen des 1 deutschen Geographentages).

А Риттеръ въ „Общемъ Землевѣдѣніи“ пишетъ: „Землевѣдѣніе представляетъ планету нашу, какъ законченное понятіе полнѣйшей цѣлесообразности, красоты и приспособленности, какъ міръ Божій, какъ откровеніе Божественной премудрости въ формахъ видимой природы“.

Обобщая взгляды на значеніе школьной географіи вышеуказанныхъ корифеевъ географіи, равно какъ и другихъ дѣятелей, русскихъ и иностранныхъ, на поприщѣ географіи, можно вывести слѣдующій рядъ положеній:

1) Школьная географія даетъ прежде всего рядъ полезныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка какъ въ практической, такъ и въ общественной жизни его.

2) Предоставляя ученику значительную сумму практическихъ свѣдѣній, количество которыхъ тѣмъ больше, тѣмъ

болѣе понятій преподаватель сумѣетъ связать съ географической номенклатурой, географія развиваетъ память учениковъ.

3) Географія, будучи наукой по преимуществу истолковывающаго характера и будучи построена на изслѣдованіи причинъ и слѣдствій путемъ сравненій и въ то же время на фактахъ исключительно реальныхъ, учить учениковъ искусству всматриваться въ природу, наблюдать, соображать и умозаключать.

4) Знакома ученика съ жизнью родной страны, окружающихъ его земель, а затѣмъ и болѣе дальнихъ странъ, географія открываетъ ему глаза на родную страну и вмѣстѣ съ тѣмъ расширяетъ его умственный горизонтъ.

5) Рисуя предъ глазами ученика картины чужихъ краевъ, исполненныхъ красотъ и своеобразной прелести, географія развиваетъ въ значительной степени эстетическій вкусъ, фантазію и любознательность, внушаетъ любовь къ природѣ.

6) При разумномъ преподаваніи географія представляетъ могучее орудіе, способствующее государственными интересамъ: въ ученикахъ укореняется сильная и сознательная любовь къ родинѣ и здравый патріотизмъ, такъ какъ географія учитъ ихъ любить и цѣнить отечество, наглядно знакома съ силами и недостатками его сравнительно съ другими странами и указывая тѣ общія практическія цѣли, къ достиженію которыхъ стремится родная страна. (Поразительные результаты въ этомъ отношеніи достигнуты въ Германіи и Швейцаріи).

7) Географія способствуетъ укрѣпленію религіознаго чувства въ ученикѣ, такъ какъ въ ней заключается не мало отдѣловъ, гдѣ перстъ Божій слишкомъ ясно видится, гдѣ религіозный элементъ невольно господствуетъ и надъ учителемъ и надъ учениками.

8) Результатомъ изученія географіи долженъ быть трезвый, здоровый взглядъ ученика на окружающій его міръ вообще и на его отечество въ частности.

Вотъ чего требуютъ отъ изученія школьной географіи западно-европейскіе географы. Но если такое значеніе изученію географіи придаютъ прусскіе, баварскіе, саксонскіе педагоги,

то насколько же важнѣе изученіе географіи вообще и отечествовѣдѣнія въ частности *для насъ русскихъ*, такъ какъ наше отечество не Бельгія или Саксонія, равная нѣсколькимъ нашимъ уѣздамъ, но I-ое государство въ мірѣ по обширности. Оно превосходитъ Бельгію въ 755 разъ, Германію въ 41, болѣе Австраліи въ $2\frac{1}{2}$, а всей Европы въ $2\frac{1}{4}$ раза; оно занимаетъ $\frac{1}{6}$ всей суши, простирается съ запада на востокъ на 12000 в., съ сѣвера на югъ почти на 5000 в.; границы его безъ малаго равняются двойной длинѣ экватора; оно заключаетъ въ себѣ и область вѣчнаго льда и область вѣчной зелени. Россія отличается такимъ обиліемъ плодородной почвы, естественныхъ богатствъ, что при обстоятельномъ знакомствѣ съ ними, а также съ тѣмъ, что у насъ могло бы разводиться и добываться, мы могли бы не только удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ безъ помощи иностранной торговли, но весьма многимъ снабжать и другія государства. Пока же мы будемъ пренебрегать изученіемъ родной страны, пока ее не узнаемъ, какъ слѣдуетъ, до тѣхъ поръ будемъ платить большія деньги за то, что у насъ лежитъ подъ руками, но чѣмъ не пользуемся мы или же пользуемся на нашей землѣ иностранцы. Пора поднять изученіе географіи на должную высоту, и на школьной еще скамьѣ развить въ юношествѣ любовь къ родинѣ, любознательность и интересъ къ изученію природныхъ особенностей своего отечества!

Поднять теперь этотъ вопросъ весьма важно, потому что въ настоящее время происходитъ реформированіе нашихъ учебныхъ заведеній; классическая школа сводится на нѣтъ и на обломкахъ ея строится новая, какого типа — пока сказать трудно. Прежде бывшіе главными предметы потеряли свое значеніе, ихъ мѣсто заняли другіе, на которые раньше обращалось мало вниманія, или же совершенно новые. Русская школа вступаетъ на путь національнаго развитія. Тѣ предметы, которые способствуютъ пробужденію національнаго самосознанія и развиваютъ чувство любви къ своему отечеству и народу, — какъ-то: русскій языкъ, отечественная исторія и географія — должны занять видное мѣсто среди изучаемыхъ въ

школъ наукъ. Поэтому теперь кажется вполне уместно позаботиться о томъ, чтобы преподаваніе этихъ предметовъ было возможно цѣлесообразнѣе, чтобы новая школа достигала наилучшихъ результатовъ и выпускала изъ своихъ стѣнъ не космополитовъ, а людей русскихъ, преданныхъ своему Монарху и отечеству, всесторонне знакомыхъ съ прошлымъ Россіи и ея настоящимъ положеніемъ, съ ея богатствами и недостатками, готовыхъ работать для ея блага и процвѣтанія, знакомыхъ съ духомъ народа, проникнутыхъ его чувствами и идеалами.

Этого вправдѣ *ожидать и даже требовать* отъ школы русская семья и все русское общество. Но для достиженія удовлетворительныхъ результатовъ нужно не мало поработать *и. и. педагогамъ* какъ надъ самымъ новымъ учебнымъ матеріаломъ, такъ и надъ методами преподаванія, въ особенности же надъ улучшеніемъ постановки преподаванія географіи, такъ какъ эта наука среди другихъ школьныхъ наукъ до сихъ поръ была не равноправной сестрой, а скорѣе чумичкой — служанкой.

Но чтобы вылѣчить болѣзнь, надо опредѣлить ея причину и найти мѣсто пораженія организма; чтобы отремонтировать зданіе, надо прежде тщательно осмотрѣть его, рѣшить, что еще годится, а что нужно замѣнить новымъ: такъ и въ педагогическомъ дѣлѣ нужно сначала уяснить, что устарѣло въ прежней системѣ преподаванія, и въ чемъ заключается главный ея недостатокъ; тогда только выяснятся желательныя перемѣны и нововведенія.

Преподаваніе географіи въ нашихъ школахъ при прежней системѣ не приносило, можно сказать, *никакихъ* положительныхъ результатовъ: ученики, оканчивавшіе курсъ, не выносили изъ учебнаго заведенія никакихъ знаній ни по географіи всеобщей, ни по отечественной; у большинства же этотъ предметъ оставилъ впечатлѣніе чего — то тошнотворнаго и трудно переваримаго, впечатлѣніе, къ несчастію, остающееся нерѣдко на всю жизнь.

Причинъ такого печальнаго явленія немало, и на первомъ мѣстѣ нужно поставить отсутствіе преподавателей географіи со

спеціальною подготовкою. Учителей географіи выпускають или Историко-Филологическіе Институты, или филологическіе факультеты Университетовъ. Въ перваго типа учебныхъ заведеніяхъ на географію обращено достаточно вниманія; такъ, напр., въ Петерб. Историко-Фил. Институтѣ студентамъ читается физическая географія, политическая, математическая, антропологія, этнографія, картографія, исторія путешествій и физическая геологія. Но студентовъ, прослушавшихъ такой курсъ — немного, такъ что ихъ принимать въ расчетъ почти не приходится. При Университетахъ же, за исключеніемъ Петербургскаго, Харьковскаго и Новороссійскаго, насколько извѣстно, кафедръ географіи не существуетъ по той очень простой причинѣ, что у насъ чувствуется недостатокъ не только въ профессорахъ географіи, но даже въ лекторахъ. Да и въ вышеупомянутыхъ университетахъ курсы географіи читаются иногда на естественномъ отдѣленіи физико-математическаго факультета, иногда на филологическомъ, иногда и на обоихъ одновременно, но и то не всегда, а спорадически. Тѣмъ не менѣе, студенты, окончившіе курсъ въ Университетѣ на историко-филологическомъ факультетѣ и назначенные на должность преподавателей исторіи, eo ipso становятся преподавателями географіи. Каково же ихъ положеніе? Познаній географическихъ они не имѣютъ, потому что спеціального курса не слушали, а то, чему когда-то учились сами въ гимназіи отъ I—IV кл., давно улетучилось изъ головы. Методика предмета имъ тоже неизвѣстна: поэтому имъ приходится рыться въ далекихъ воспоминаніяхъ и подражать способу преподаванія бывшаго когда-то своего учителя географіи, увы, тоже не всегда идеальнаго. Между тѣмъ время не ждетъ, программа должна быть выполнена. Молодой преподаватель начинаетъ самъ, иногда съ отвлеченіемъ, зубрить далеко неудовлетворительный учебникъ, *на урокъ впередъ* отъ своихъ учениковъ, раздражается ихъ апатичностью, неудовлетворительностью отвѣтовъ, такъ какъ требуетъ только зубристики, не умѣя самъ внушить любви и интереса къ своему предмету. Изъ такого преподавателя, можетъ быть, со временемъ и выработается дѣльный учитель, но цѣ-

ной сколькихъ дѣтскихъ слезъ и горькихъ минутъ ихъ отцовъ и матерей, которые сами и рады были бы помочь своимъ дѣтямъ, но не могутъ за незнакомствомъ съ этой „скучной, противной географіей“. Прибавимъ къ этому, что и въ глазахъ самого педагогическаго персонала географія до послѣдняго времени считалась предметомъ второстепеннымъ, неуспѣшность по которому не могла препятствовать переходу ученика въ слѣдующій классъ. Исходя изъ этого взгляда, въ виду отсутствія специалистовъ по географіи, преподаваніе этого предмета педагогическими совѣтами поручается лицамъ самыхъ разнообразныхъ специальностей: преподаютъ ее, кромѣ историковъ, и математики, и словесники, и классики.

Такая постановка преподаванія географіи еще была бы съ полбѣды, если бы у насъ существовали порядочные учебники и пособія. Но и съ этой стороны дѣло обстоитъ плохо. Циркулирующіе у насъ учебники (напр., Смирнова и Лебедева) представляютъ собой какую-то конспективную смѣсь отдѣльныхъ фактовъ изъ всѣхъ естественныхъ, историческихъ и политическихъ наукъ. Матеріалъ въ нихъ расположенъ спорадически, представляетъ массу свѣдѣній и частныхъ специальныхъ, ничѣмъ между собой не связанныхъ (а иногда и прямо невѣрныхъ) и потому только съ чрезвычайными усиліями усвояемыхъ памятью. Само собой разумѣется, что въ такомъ случаѣ, вслѣдствіе отсутствія ассоціаціи идей, усвоеніе не можетъ претендовать ни на прочность, ни на основательность. Отягощеніе памяти мѣшаетъ успѣхамъ учащихся, не даетъ истиннаго знанія и не возбуждаетъ интереса къ занятіямъ. Последнее особенно рѣзко замѣчается въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя даже не снабжены удовлетворительными пособіями (картами, картинами, рельефами мѣстностей, и проч.), а такихъ учебныхъ заведеній большинство!

Наконецъ, слабому знанію географіи учащихся въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ содѣйствуетъ еще и то обстоятельство, что по дѣйствующимъ программамъ географія преподается только въ низшихъ 4-хъ классахъ, т.-е. тогда, когда у дѣтей еще сравнительно невеликъ запасъ представленій и по-

нѣтъ, когда кругозоръ ихъ узокъ, когда умъ ихъ еще недостаточно подготовленъ для воспринятія массы чуждыхъ доселѣ терминовъ, названій и конгломерата всевозможныхъ фактовъ.

Результатомъ всѣхъ вышеприведенныхъ причинъ является незнакомство учащихся ни со всеобщей географіей, ни съ географіей Россіи. Съ переходомъ ученика въ V-й классъ у него изъ головы начинаютъ улетучиваться даже и тѣ скудныя и отрывочныя свѣдѣнія, которыя онъ приобрѣлъ за 4 года, такъ что къ моменту выхода изъ гимназіи его знанія по географіи равняются почти нулю. Такова картина преподаванія географіи въ большинствѣ русскихъ гимназій¹⁾. Каковы же результаты должны быть въ нашихъ окраинныхъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ достиженіе удовлетворительныхъ результатовъ тормозится еще слабыми познаніями учащихся по русскому языку, незнакомствомъ съ Россіей и со всѣмъ русскимъ, усугубляемымъ

¹⁾ Интересно при этомъ сопоставить распредѣленіе географическаго матеріала по классамъ и число уроковъ по географіи въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Пр. и въ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ. Прилагаемая при семъ сравнительная таблица даетъ краснорѣчивый отвѣтъ на этотъ вопросъ.

Таблица числа уроковъ по географіи въ прусскихъ учебныхъ заведеніяхъ по новымъ учебнымъ планамъ, введеннымъ 29 мая 1901 г.

Типы учебныхъ заведеній	Классы.	VI	V	IV	III		II		I		Итого уроковъ въ недѣлю.
					низ.	выс.	низ.	выс.	низ.	выс.	
Gymnasien Гимназіи	Число недѣльныхъ уроковъ.	2	2	2	1	1	1	—	—	—	9
Realgymnasien Реальныя гимназіи съ латинск. яз.		2	2	2	2	2	1	—	—	—	11
Oberrealschulen Высшія реальныя школы.		2	2	2	2	2	1	1	1	1	14
Realschulen Реальныя школы.		2	2	2	2		2		2		12

еще неправильными представленіями и невѣрными понятіями о нашемъ отечествѣ, распространяемыми иногда вслѣдствіе узко понимаемаго чувства патріотизма, а чаще по невѣжеству. Правильная постановка преподаванія географіи особенно трудна въ тѣхъ округахъ, гдѣ преподаваніе географіи соединено съ преподаваніемъ русскаго языка и исторіи въ рукахъ одного учителя. Въ силу необходимости преподаватель долженъ устремлять главное свое вниманіе прежде всего на русскій языкъ, какъ предметъ первенствующій; но этотъ предметъ, самъ по себѣ важный особенно въ крайнихъ учебныхъ за-

Число уроковъ по географіи во французскихъ школахъ новаго типа.
(Составлено по „L'éducation nouvelle. L'école des Roches.“ Демолена).

Общее отдѣленіе (первые 3 года)			Спеціальныя отдѣленія (послѣдніе 3 года).											
VI кл.	V кл.	IV кл.	Словесность			Точныя науки			Земледѣліе и колонизація			Промышлен- ность и торговля.		
			III	II	I	III	II	I	III	II	I	III	II	I
2 ч.	2 ч.	2 ч.	2 ч.	2 ч.	2 ч.	1 ч.	1 ч.	1 ч.	3 ч.	3 ч.	3 ч.	3 ч.	3 ч.	3 ч.

Итого, въ теченіе всего *шестилѣтняго* учебнаго періода полагается въ недѣлю уроковъ по географіи:

На общемъ курсѣ и на отдѣленіи словесности	12
„ „ „ „ „ точныхъ наукъ	9
„ „ „ „ „ земледѣлія и колонизаціи	15
„ „ „ „ „ промышленности и торговли	15.

Число уроковъ по географіи въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Просв. по дѣйствующей до послѣдняго времени программѣ.

Типы учебныхъ заведеній	I кл.	II кл.	III кл.	IV кл.	V кл.	VI кл.	VII кл.	VIII кл.	Ито- го
Въ гимназіяхъ	2	2	2	2	—	—	—	—	8
Въ прогимназіяхъ	2	2	2	2	—	—	—	—	8
Въ реальныхъ училищахъ.	2	2	2	2	—	—	—	—	8

веденіяхъ, требуетъ со стороны педагога столько энергіи, труда и времени для исправленія письменныхъ работъ, что ему почти физически невозможно быть постоянно въ курсѣ остальныхъ предметовъ и изыскивать способы наилучшей ихъ постановки. Между тѣмъ, по мысли законодателя, всѣ эти три предмета, помимо общаго развитія, должны дать учащемуся полное, ясное и точное понятіе о Россіи, ея климатѣ, фаунѣ, флорѣ, народахъ, населяющихъ ее, познакомить съ русскимъ народомъ, его историческимъ прошлымъ, постепеннымъ духовнымъ развитіемъ, его характеромъ, правами и обычаями. При вышеуказанной же постановкѣ этихъ предметовъ цѣль эта не можетъ быть достигнута съ должнымъ успѣхомъ.

Вотъ тѣ темныя стороны современной постановки преподаванія географіи, на которыя въ послѣднее десятилѣтіе неоднократно указывалось въ печати, въ рефератахъ, въ докладахъ на географическихъ съѣздахъ! Но на ряду съ указаніемъ недостатковъ, въ трудахъ авторовъ и докладчиковъ мы встрѣчаемъ и цѣлый рядъ проектовъ къ устраненію ихъ. Особенно много было дебатовъ по этому вопросу на послѣднемъ XI съѣздѣ русскихъ естествоиспытателей, географовъ и врачей въ Спб. въ декабрѣ 1901 г. Сущность всѣхъ этихъ проектовъ сводится къ слѣдующимъ положеніямъ.

Прежде всего преподаваніе географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть предоставляемо исключительно лицамъ, окончившимъ курсъ т. наз. „географическихъ отдѣленій“, которыя желательно было бы учредить при Университетахъ на физико-математическомъ факультетѣ.

Мысль эта уже не нова и давно занимала Мин. Народн. Просв. Въ свое время былъ сдѣланъ даже запросъ Университетамъ, касательно взглядовъ на будущую кафедру, при чемъ Университеты единогласно высказались за учрежденіе кафедры географіи на естественномъ отдѣленіи физико-математ. факультета. Только Импер. Рус. Геогр. Общ. въ 1887 г. предлагало учредить на физико-математ. факультетѣ *особое географическое отдѣленіе*, гдѣ слушатели пользовались бы спеціально приспособленными, по методу и программѣ своей къ ихъ основ-

ному предмету, лекціями по Физикѣ, Астрономіи, Химіи, Минералогіи, Геологіи, Почвовѣдѣнію, Ботаникѣ, Зоологіи, Зоотоміи, Физиологіи, Сравнит.-языковѣдѣнію, Всеобщей литер., Всеобщей исторіи, Русской исторіи, Политич. экономіи и Статистикѣ. Но эта благая идея ожидаетъ еще своего осуществленія. На практикѣ же дѣло ограничилось тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ университетахъ была учреждена на естественномъ отдѣл. физико-математическаго факультета одна кафедра географіи; послѣдовало назначеніе профессоровъ, изданы были правила для экзаменовъ на званіе магистра и доктора „географіи“, назначены были извѣстныя суммы на устройство географическихъ кабинетовъ—но и только. Послѣдній XI съѣздъ въ виду такого положенія дѣлъ высказался за предоставленіе преподаванія географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ лицамъ, окончившимъ курсъ естественнаго отдѣленія физико-математическаго факультета, избравшимъ своею спеціальностью географію. Это все-таки лучше, чѣмъ предоставлять преподаваніе географіи всѣмъ, кто только хочетъ. Разумѣется, преподаватель географіи, не долженъ совмѣщать въ своихъ рукахъ преподаваніе другихъ предметовъ, за исключеніемъ уроковъ по естествовѣдѣнію, преподаваніе котораго недавно вошло въ курсъ младшихъ классовъ гимназій и прогимназій. Для объединенія же дѣятельности преподавателей географіи постановлено было возбудить ходатайство объ ежегодныхъ съѣздахъ учителей географіи разныхъ вѣдомствъ по Округамъ.

Далѣе желательно было бы пользоваться учебниками, только во составленными, соотвѣтствующими современному состоянію науки, возрасту и пониманію учащихся. По мнѣнію г. Соколова, петерб. педагога-географа и составителя методики географіи, изложеніе въ учебникѣ должно быть ассоціирующимъ, генетическимъ и, по возможности, сравнительнымъ. Только при такомъ способѣ изложенія учебнаго матеріала уроки стануть и интересны и понятны и легко заучиваемы. Номенклатура должна быть сокращена до минимума. Названія должны быть помѣщаемы въ учебникѣ для освѣщенія общихъ фактовъ, а не служить сами цѣлью заучиванія. Большая часть намѣченныхъ пунктовъ

должна быть упоминаема при обозрѣніи народной дѣятельности, какъ частные факты при общихъ и въ связи съ ними. Такой учебникъ много выигралъ бы, еслибы онъ совмѣщалъ въ себѣ и хорошій атласъ и коллекцію картинъ, методически подобранныхъ и художественно исполненныхъ.

Но для успѣшности преподаванія одного учебника мало. Надо помнить, что дѣло имѣемъ съ дѣтьми, у которыхъ нѣтъ еще представленія о многихъ предметахъ, о которыхъ они слышатъ въ классѣ. Изъ психологіи же мы знаемъ, что самыя отчетливыя ощущенія мы получаемъ отъ впечатлѣній, доставляемыхъ зрѣніемъ потому, что видѣнное мы можемъ себѣ легче представить, чѣмъ слышанное. Впечатлѣнія же, получаемыя нами одновременно и слухомъ и зрѣніемъ, вызываютъ особенно отчетливыя представленія и надолго фиксируются въ нашей памяти. Преподаватель, сообщая своимъ маленькимъ слушателямъ географическій матеріалъ, долженъ постоянно имѣть это въ виду и ничѣмъ не пренебрегать для сообщенія наглядности излагаемому. А для этого нужны хорошія карты, картины типическихъ мѣстностей, минералогическія, ботаническія и др. коллекціи, рельефы и діапозитивы. Проф. Петри въ предисловіи къ своему „Атласу“ пишетъ: „Слово во многихъ случаяхъ бессильно при описаніи невиданныхъ странъ и обычаевъ. Личное знакомство учащагося съ природою, само собой разумѣется, даже въ наиболѣе благопріятныхъ случаяхъ, ограничивается посѣщеніемъ немногихъ мѣстъ и областей. Абсолютному большинству учащихся приходится ограничиться знакомствомъ съ наглядными пособіями, замѣняющими личное посѣщеніе изучаемыхъ мѣстностей“. Далѣе въ своемъ трудѣ „Методы и принципы географіи“, тотъ же почтенный профессоръ рекомендуетъ устройство при каждомъ учебномъ заведеніи особаго географическаго кабинета. „Мы предполагаемъ, говоритъ онъ, что для преподаванія географіи отводится особый классъ, въ которомъ сосредоточиваются географическія коллекціи. Подобные кабинеты имѣются уже для физики. Для географіи же подобный кабинетъ въ сущности еще болѣе необходимъ, чѣмъ для физики, предметъ котораго отнюдь не требу-

еть того, чтобы въ его рукахъ находились постоянно всѣ инструменты кабинета. Географъ же не можетъ отказаться отъ столь полезнаго при преподаваніи географіи сравнительнаго метода, а этотъ методъ, въ свою очередь, требуетъ, чтобы всѣ карты и прочія изображенія сравниваемыхъ странъ были на лицо“. Въ томъ же духѣ высказался послѣдній стѣздъ естествоиспытателей и географовъ въ СПб., опредѣливъ:

1) „Въ каждомъ учебномъ заведеніи обязательно учрежденіе географическаго кабинета, въ которомъ должны вестись учебныя занятія по географіи, показываться посредствомъ проекціоннаго фонаря діапозитивы, и въ которомъ должны быть собраны географическія учебныя пособія — книги, карты, картыны, фотографіи, діапозитивы, модели и коллекціи натуральныхъ предметовъ, знакомящихъ съ природою и жизнью изучаемыхъ странъ“. 2) „Желательно назначеніе комиссіи изъ профессоровъ и преподавателей географіи для составленія первоначальнаго списка необходимыхъ для географическаго кабинета пособій. Дальнѣйшее пополненіе кабинета лежитъ на обязанности преподавателя географіи, въ предѣлахъ особой суммы, ежегодно ассигнуемой на этотъ предметъ“. 3) „Необходимо работать программу наглядныхъ пособій по географіи Россіи и организовать ихъ изданіе“.

Что устройство географическихъ кабинетовъ — дѣло возможное, это показываетъ существованіе ихъ при 5-ой Московской гимн., Тенишевскомъ учил. въ СПб., 1-мъ Кадетск. корп., 1-ой Кіевской гимназіи, 3-ей Петерб. и т. д. ¹⁾ За границей наглядное преподаваніе практикуется въ широкихъ размѣрахъ, какъ видно изъ книгъ: „Новое воспитаніе“ Демолена, „Народ-

¹⁾ При IV-ой Варшавской м. гимназіи авторъ положилъ основаніе географическаго кабинета безъ всякихъ пособій со стороны гимназіи, обратившись къ ученикамъ съ выясненіемъ пользы существованія географическаго кабинета. Ученики принесли и продолжаютъ приносить множество кол. ботан., зоолог., энтомол., минерал. Пока еще не все систематизировано, но съ увеличеніемъ предметовъ, само собой разумѣется, все будетъ приведено въ систему и порядокъ.

ное образованіе въ Сѣв. Соед. Шт. Ам.“ Ковалевскаго, „Методика“ Оберлендера, „Методы и принципы географіи“ Петри, „Обученіе географіи“ Гейки, „Географія“ Кирхгофа и др. Къ наглядному методу преподаванія нужно отнести и географическія экскурсіи и поѣздки съ учениками, на что въ послѣднее время особенно напѣрають многіе педагоги, какъ на лучшее средство практическаго изученія географіи. За границей, особенно въ Швейцаріи, эта часть процвѣтаетъ; у насъ же пока дѣлаются только одиночныя попытки, и методъ устройства ихъ еще не выработанъ. На послѣднемъ сѣздѣ естествоиспытателей и географовъ не мало читалось рефератовъ объ устройствѣ географическихъ экскурсій, какъ дальнихъ, такъ и однодневныхъ. Географическія экскурсіи признаны были весьма полезными, при чемъ былъ предложенъ слѣдующій рядъ положеній относительно дальнихъ экскурсій:

1) Изъ суммъ государственнаго казначейства ассигновать и вносить ежегодно въ смѣту каждаго учебнаго заведенія на географическія экскурсіи извѣстную сумму денегъ.

2) Расходы по путешествію руководителя оплачиваются казной, а расходы по путешествію учениковъ—ихъ родителями и специальными обществами; въ видѣ награды ученики отправляются и на казенный счетъ.

3) Помѣщеніями для экскурсантовъ могутъ служить учебныя заведенія и интернаты, пустующіе въ лѣтнее время; въ устраненіе личнаго произвола необходимо сдѣлать общее по этому предмету распоряженіе.

4) Министерства Финансовъ и Путей Сообщенія понижаютъ тарифъ для экскурсантовъ въ размѣрѣ воинскаго и устанавливаютъ прямыя сообщенія.

5) Въ столицахъ и другихъ пунктахъ учащимся открывается безпрепятственно и немедленно доступъ во всѣ мѣста, заслуживающія осмотра.

6) Въ разныхъ городахъ организуются кружки, которые теоретически разрабатываютъ планъ осмотра и оказываютъ практическое содѣйствіе экскурсантамъ.

7) Для экскурсій необходима предварительная подготовка,

почему должны быть облегчены самостоятельныя поѣздки самихъ преподавателей географіи.

8) Такъ какъ для развитія географическихъ экскурсій необходимы подробные планы посѣщаемыхъ мѣстностей, не имѣющіеся въ продажѣ, желательно, чтобы Военно-топографическій Отдѣлъ Главнаго Штаба разрѣшилъ болѣе широкое пользование своими богатыми матеріалами и, въ особенности, дозволилъ бы снятіе копій со своихъ подробныхъ картъ.

Если у насъ географическія экскурсіи привыются, какъ привились онѣ въ школахъ Зап. Европы, то, несомнѣнно, возрастеть у учащихся интересъ къ изученію географіи вообще, и разовьется ихъ наблюдательность, и они на мѣстѣ ознакомятся съ отечествомъ, природою, богатствами, населеніемъ, мѣстными условіями, что весьма имъ пригодится въ будущемъ, на какомъ бы служебномъ поприщѣ имъ ни привелось потомъ работать.

Остается еще разсмотрѣть вопросъ о распредѣленіи учебнаго матеріала по возрастамъ. Существующее распредѣленіе географическаго матеріала по классамъ большинствомъ признается анти-педагогическимъ. Основаніемъ для современной постановки курса географіи признается ученіе о концентрическихъ курсахъ. Но для правильнаго проведенія этого метода нужно время, а его на географію отведено въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ немного. Поэтому, что возможно въ западно-европейскихъ школахъ, (о чемъ подробно говоритъ Оберлендеръ) невозможно у насъ. Профессоръ Петри полагаетъ, что нормальная постановка курса географіи возможна при 14 часахъ въ недѣлю, распредѣляя учебный матеріалъ, сообразно развитію учащихся, слѣдующимъ образомъ: I кл. — общая географія (3 ч.); II кл. — части свѣта, кромѣ Европы (2 ч.); III кл. — Западная Европа (2 ч.); IV кл. — Россія (2 ч.); VII кл. — Россія, болѣе подробно (3 ч.); VIII кл. — общая географія (2 ч.). При существующей же восьмичасовой нормѣ, по Петри, лучшей является слѣдующая комбинація: I кл. общій курсъ и краткій обзоръ частей свѣта, кромѣ Европы (2 ч.); II кл. — Западная Европа и колоніи европейцевъ въ другихъ частяхъ свѣ-

та (2 ч.); III кл. — краткій обзоръ Россіи (2 ч.); VIII кл. — отечествовѣдѣніе сравнительно съ важнѣйшими странами (2 ч.). А. О. Соколовъ въ своей методикѣ ¹⁾ различаетъ три курса: приготовительный — I кл. (2 ч.); нормальный во II, III и IV кл. — страны внѣевропейскія, Европа и Россія (по 2 ч.); повторительный въ VII кл. ²⁾. Центромъ повторительнаго курса должна быть отечественная географія, сравнительно съ однородными фактами главныхъ государствъ Европы. При прохожденіи этого курса обращается серьезное вниманіе на промышленность; цифры приводятся исключительно для подтвержденія выводовъ и сравненій; нѣсколько уроковъ въ началѣ курса посвящаются общему обзору и установленію болѣе научнаго взгляда на нѣкоторые вопросы всеобщей географіи. XI Съѣздъ естествоиспытателей и врачей, оставляя прежнее распредѣленіе матеріала по классамъ, также призналъ необходимымъ подробное прохожденіе географіи Россіи въ одномъ изъ старшихъ классовъ ³⁾, такъ какъ этотъ курсъ представляетъ собой рядъ свѣдѣній, которыми долженъ обладать всякій образованный человекъ, и которыхъ не даетъ современная школа. Центръ тяжести долженъ лежать въ физической географіи Россіи, но въ то же время должны быть твердо усвоены свѣдѣнія объ административномъ дѣленіи, населеніи и движеніи его, государственномъ устройствѣ и судоустройствѣ, видахъ промышленности, путяхъ сообщенія, торговлѣ, финансахъ, народномъ образованіи, военныхъ и морскихъ силахъ, народной нравственности и благотворительности ⁴⁾.

¹⁾ „Очеркъ методики и дадактики учебной географіи“. Составилъ А. Соколовъ. Глава IV.

²⁾ Курсъ повторительный существуетъ при очень немногихъ учебн. завед. М. Н. Пр.

³⁾ „Дневникъ XI Съѣзда естеств. и врач.“ № 11, доклады г.г. Руднева и Степанова.

⁴⁾ Какъ на первую попытку создать руководство подобного характера, можно указать на книгу А. М. Ловягина: „Отечествовѣдѣніе. Природныя условія, народное хозяйство, духовная культура и государственный строй Россійской Имперіи.“ СПб., 1901 г., ц. 2 р. Трудъ почтенный, но, къ сожалѣнію, мало обработанный.

Наконецъ, слѣдуетъ указать еще на одинъ проектъ переустройства преподаванія географіи въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, помѣщенный въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „Журн. Мин. Нар. Пр.“¹⁾. Авторъ этого проекта, исходя изъ той мысли, что сравнительный методъ (хотя бы въ сочетаніи съ другими) долженъ играть первенствующую роль въ современномъ географическомъ обученіи, предлагаетъ построить учебный планъ географіи такимъ образомъ, чтобы дать этому методу наибольшій просторъ. По мнѣнію автора, цѣль эта можетъ быть достижима только въ томъ случаѣ, если будутъ *проходитьсѣ каждый годъ всѣ части свѣта вмѣстѣ*, но съ разныхъ точекъ зрѣнія. Въ основу новаго подраздѣленія можно бы положить искони существующее различіе физической и политической географіи. Такимъ образомъ сперва будетъ проходитьсѣ курсъ физической географіи *всѣхъ странъ*, затѣмъ курсъ политической географіи тоже *всѣхъ странъ*. Третій курсъ посвящался бы попрежнему географіи отечества, *не забытаго, однако, уже при прохожденіи физическо географіи Европы*. Авторъ надѣется, что предлагаемая схема можетъ удовлетворить какъ чисто матеріальному значенію школьной географіи (сообщенію ученикамъ извѣстнаго запаса специальныхъ знаній), такъ и задачѣ ея содѣйствовать умственному развитію учащихся, давая широкій просторъ сравнительному методу благодаря постановкѣ курса Европы въ тѣсную связь съ другими курсами. Изложеніе особенностей предлагаемаго проекта авторъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Думается, что она (проектируемая схема) явилась бы цѣлесообразной еще и въ другомъ отношеніи. Школьная практика показываетъ, что пониманіе и усвоеніе политической географіи является наиболѣе затруднительнымъ для дѣтскаго возраста, почему выдѣленіе ея въ особый, притомъ болѣе старшій курсъ, имѣетъ за себя еще и это соображеніе. Не странно ли

¹⁾ См. „Журн. М. Нар. Пр.“, 1903, мартъ, ст. г. Фридолина: „Нѣсколько словъ по поводу преподаванія географіи въ Германіи и у насъ“.

было до сихъ поръ, что политическій обзоръ хотя бы Германіи сообщался мальчику III-го кл., а такой же обзоръ Сѣверо-Американскихъ Соед. Шт. мальчугану II-го кл.? Даже *одинъ* годъ имѣть въ дѣтскомъ возрастѣ большое значеніе“.

Обобщая всѣ вышеприведенные взгляды новѣйшихъ географовъ, мы видимъ, что они 1) придерживаются концентрическаго метода, 2) совѣтуютъ особенное вниманіе обращать на изученіе географіи Россіи: она должна изучаться въ общихъ чертахъ въ I-мъ кл., болѣе подробно въ одномъ изъ среднихъ и все-сторонне въ одномъ изъ послѣднихъ. Въ виду же того, что въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Пр. курса географіи въ старшихъ классахъ не существуетъ, было бы весьма желательно восполнить этотъ пробѣлъ — и такимъ образомъ довести концентрическій методъ, практикуемый и въ настоящее время, до конца.

Гораздо больше споровъ между географами возбуждаетъ вопросъ о томъ, *съ чего* начинать преподаваніе географіи въ I-мъ кл. и *какъ* его вести. Вопросъ, дѣйствительно, очень важный въ виду того, что въ I-мъ кл. закладывается фундаментъ географическихъ знаній, и въ виду того, что преподавателю приходится имѣть дѣло съ дѣтьми, обладающими, сравнительно, незначительнымъ развитіемъ и малымъ запасомъ представленій. Одни преподаватели при этомъ стоятъ за методъ аналитическій, т.-е. прямо начинаютъ изученіе географіи съ земли, какъ мірового тѣла; другіе предпочитаютъ методъ синтетическій ¹⁾. Но на практикѣ, въ сущности, ни тотъ ни другой методъ всецѣло не приложимы. Проф. Петри ²⁾ называетъ эти методы „наслѣдіемъ средневѣковой науки, которая стремилась прежде всего къ тому, чтобы все классифицировать, все разграничить и заключить въ узкія рамки“. И это правда: методы школьной географіи служатъ не столько пріемами изученія географическаго матеріала, сколько пріемами

¹⁾ № 11 „Дневн. XI Сѣзда рус. естествоисп. и врач. въ Спб. 1901 г.“ Докладъ г. Иванова и обсужденіе его.

²⁾ „Методы и принципы Географіи“, глава VI, стр. 80.

преподаванія; каждый методъ хорошъ, когда онъ примѣненъ умѣстно.

Авторъ настоящаго изслѣдованія уже 14-й годъ преподаетъ географію въ нашихъ окраинныхъ гимназіяхъ (сначала на Дальнемъ Востокѣ, потомъ въ Закавказьѣ, въ настоящее время въ Привислинскомъ краѣ), т.-е. въ условіяхъ, въ виду слабаго знакомства учениковъ съ русскимъ языкомъ, сравнительно неблагоприятныхъ, требующихъ особенной осторожности въ выборѣ методовъ преподаванія, и онъ вынесъ убѣжденіе, что курсъ географіи I-го класса невозможно пройти, держась только одного к.-н. метода, и что при преподаваніи географіи въ этомъ классѣ учебникъ долженъ занимать послѣднее мѣсто, если безъ него уже нельзя обойтись ¹⁾. Для успѣшности преподаванія нуженъ только опытный, любящій свое дѣло учитель, толково составленное „наглядное пособіе“, рядъ стѣнныхъ картинъ, необходимые географическіе приборы (глобусъ, теллурій и проч.), модели, діапозитивы, словомъ все то, что способствуетъ наглядному представленію изучаемыхъ географическихъ объектов ²⁾. Изученіе географическаго матеріала авторъ начинаетъ по методу синтетическому, держась правила „переходить отъ из-

¹⁾ Интересно въ этомъ случаѣ сравнить взглядъ на учебникъ русскихъ педагоговъ со взглядомъ нѣмецкихъ.

Вотъ выдержка изъ прусскихъ учебныхъ плановъ, выпущенныхъ 29 мая 1901 г.:

„VI кл. Географія. 2 часа еженедѣльно. Основныя понятія всеобщаго землевѣдѣнія въ примѣненіи къ ближайшимъ окрестностямъ и первое введеніе къ пониманію глобуса и карты. Основныя понятія страновѣдѣнія (Länderkunde), начиная съ родины и Европы. Пользованіе учебникомъ возбуждается.

²⁾ Вопросъ о наглядномъ преподаваніи географіи авторомъ разбирался въ слѣдующихъ статьяхъ: „Діапозитивы, какъ учебное пособіе при преподаваніи географіи въ нашихъ средне учебныхъ заведеніяхъ“ (Варш. Дневн. 1895 г. № 217); „О современномъ преподаваніи географіи въ низшихъ классахъ нашихъ средне-учебныхъ заведеній“ (Варш. Дневн. 1896 г. № 226); „Діапозитивы, какъ учебное пособіе.“ (Циркуляръ по Варшавскому Учебному Округу. 1898 г. № 2); „Сравнительное землевѣдѣніе и школьная географія“ (отдѣльн. брош., Варшава, 1900 г.).

вѣстнаго къ неизвѣстному”, пока ученики не дойдутъ до понятія о землѣ, какъ міровомъ тѣлѣ; затѣмъ пользуется методомъ аналитическимъ (географ. сѣтка, расчлененіе суши и воды); остальную часть курса (горы, рѣки, фауна, флора, человѣкъ) излагаетъ по методу сравнительному. Результаты получаются всегда удовлетворительные.

Такъ какъ курсъ географіи въ I-мъ кл. касается почти исключительно географической терминологіи и ознакомленія съ простѣйшей картой, то вышеупомянутое желательное наглядное пособіе должно заключать въ себѣ рядъ чертежей и рисунковъ, иллюстрирующихъ, по возможности, всѣ географическіе термины, и нѣсколько картъ перваго концентрическаго, отчетливо исполненныхъ исключительно въ цѣляхъ уразумѣнія картографическихъ знаковъ. Рисунки должны быть снабжены необходимымъ пояснительнымъ текстомъ. Изданіе такого пособія-атласа-учебника значительно облегчило бы какъ пониманіе учениками изучаемаго матеріала, такъ и самый трудъ преподавателя ¹⁾.

Вотъ краткій обзоръ взглядовъ, существующихъ теперь на правильную постановку преподаванія географіи въ нашихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ ²⁾.

¹⁾ Въ виду того, что пособія подобнаго характера не существуетъ ни въ русской, ни въ западно-европейской учебной литературѣ, авторомъ настоящаго изслѣдованія сдѣлана попытка осуществить эту идею. Трудъ этотъ („Пособіе къ изученію географіи въ низшихъ классахъ учебныхъ заведеній”, СПб., 1902 г. Учен. Ком. М. Н. Пр. *допущено* въ ученич. библ.) вышелъ не безъ недочетовъ, но на него надо смотрѣть какъ на первый камень новой дороги, которая рано или поздно будетъ выстроена совмѣстными усиліями педагоговъ-географовъ. Кромѣ того, слишкомъ высокая цѣна, назначенная за „Пособіе” издателемъ, мѣшаетъ его распространенію.

²⁾ Въ настоящемъ трудѣ авторъ не касался еще двухъ вопросовъ, нерѣдко разбираемыхъ на стран. педагогическихъ журналахъ: вопроса о черченіи картъ и вопроса о постановкѣ класснаго и внѣ-класснаго чтенія статей географическаго содержанія. Защитниковъ черченія картъ въ послѣднее время находится все меньше и меньше (докладъ О. Г. Шубина на XI Съѣздѣ; статьи А. О. Соколова въ

Послѣдній XI Сѣздъ и рядъ статей въ повременныхъ изданіяхъ за послѣднее десятилѣтіе, служатъ доказательствомъ того, что, въ какомъ загонѣ ни была до сихъ поръ географія, какъ учебный предметъ, однако она имѣла немало сторонниковъ, безкорыстно ей преданныхъ, сознающихъ ея важное значеніе среди другихъ образовательныхъ предметовъ и работающихъ надъ ея развитіемъ, въ тиши своихъ провинціальныхъ угловъ, на пользу юношества и для блага нашего дорогого отечества. Остается только пожелать, чтобы труды ихъ не остались „гласомъ воиющаго въ пустынь“, и чтобы и самъ педагогическій персоналъ и общество убѣдились, наконецъ, въ серьезномъ значеніи изученія географіи вообще и отечествовѣдѣнія въ особенности, какъ предметовъ важнѣйшихъ въ наше время среди другихъ общеобразовательныхъ наукъ.

Всеволодъ Власовъ.

Ж. М. Н. Пр. 1882 — 1892 г.; „Географія какъ наука“ Меча; „Опытъ методики и дидактики къ преподаванію географіи“ Димитріу и др.). Что касается второго вопроса, то съ пользой, даже съ необходимостью класснаго и внѣ класснаго чтенія статей географич. содержанія — согласны всѣ, но практическіе способы приведенія этой идеи въ исполненіе еще недостаточно разработаны. Главное затрудненіе, съ которымъ здѣсь приходится считаться, — недостаточное число часовъ, отведенныхъ на изученіе географіи.

Семья у кавказских горцевъ.

Nicht jede beliebige Anreihung kann uns fördern, sondern nur eine methodische Verarbeitung.

(Kohler „Zur Urgeschichte der Ehe“).

I.

Ученіе о гетеризмѣ, основаніе которому положено было Бахофеномъ ¹⁾, подверглось критикѣ уже давно еще со стороны французскаго ученаго Гузо ²⁾, затѣмъ Летурно ³⁾ и др. и въ болѣе рѣзкой формѣ Штарке ⁴⁾ и Вестермаркомъ ⁵⁾, причемъ эти послѣдніе утверждаютъ, что семья всегда существовала и ученіе о гетеризмѣ и родственныхъ ему формахъ брака — сплошной мифъ. Этимъ двумъ рѣзкимъ противоположнымъ ученіямъ нѣкоторые ученые нашли примиреніе въ такъ называемыхъ групповыхъ бракахъ, подробно описанныхъ меж-

¹⁾ J. J. Bachofen, Das Mutterrecht, Stuttgart 1861.

²⁾ J. J. Houzeau, Etudes sur les facultés mentales des animaux comparées à celles de l'homme. Mons 1873.

³⁾ Ch. Letourneau, L'évolution du mariage et de la famille. Paris 1888.

⁴⁾ C. N. Starke, Die primitive Familie. Leipzig 1888.

⁵⁾ E. Westermarck, Geschichte der menschlichen Ehe. Jena 1893.

ду прочимъ Физономъ ¹⁾. Однимъ изъ первыхъ послѣдователей гетеризма, искавшимъ примиреніе и исходъ ученія о семьѣ въ групповомъ бракѣ, былъ Постъ ²⁾, а затѣмъ въ недавнее время подробная защита группового брака представлена профессоромъ Колеромъ ³⁾. Суть групповыхъ браковъ заключается въ томъ, что мужчины и женщины одной опредѣленной группы въ силу своего рожденія, такъ сказать *de jure*, считаются мужьями и женами соотвѣтственныхъ лицъ другой группы безъ отношенія къ тому, вступили ли они въ реальную связь мужей и женъ или нѣтъ. Къ этому ученію о групповомъ бракѣ примкнулъ также и М. Ковалевскій ⁴⁾, который употребилъ усилія найти слѣды этихъ групповыхъ браковъ среди нѣкоторыхъ народовъ Кавказа. Не останавливаясь на разсмотрѣніи вопроса объ этой формѣ брака самой по себѣ, какъ выходящаго за предѣлы моей задачи, постараюсь лишь анализировать выводы Ковалевскаго и показать, на сколько таковые несогласны съ духомъ Кавказской общественной организаціи вообще и организаціи семьи въ частности. Прежде чѣмъ я приступлю къ анализу изслѣдованій Ковалевскаго, я позволю себѣ нѣсколько словъ о способѣ подобныхъ изслѣдованій и ихъ недостаткѣ. Убѣдивъ себя à priori во всемирности развитія той или другой общественной организаціи, нѣкоторые изслѣдователи безусловно стремятся найти слѣды этой „всемирности” всюду. Выискавъ черты внѣшняго сходства, и при томъ сплошь и рядомъ самыя незначительныя, путемъ казуистическихъ сопоставленій изслѣдователи эти дѣлаютъ слишкомъ широкія заключенія, которыя при болѣе близкомъ анализѣ не выдерживаютъ критики. Читая подобныя анало-

¹⁾ L. Fison and Howitt, Kamilaroi and Kurnai. Melbourne, Sydney, Adelaide and Brisbane. 1880.

²⁾ A. H. Post, Hausgenossenschaft und Gruppenehe. Ausland 1891 S. 845 etc.

³⁾ J. Kohler, Zur Urgeschichte der Ehe. Stuttgart. 1897.

⁴⁾ М. Ковалевскій, Законъ и обычай на Кавказѣ. Москва 1890.

гін, невольно вспоминаешь французскую поговорку: „comparaison n'est pas raison". Монизмъ въ развитіи социальныхъ формъ, который самъ по себѣ является еще гипотезой, требующей для своего подтвержденія слишкомъ многого, чего мы до сихъ поръ еще не имѣемъ, во всякомъ случаѣ не будетъ спасенъ путемъ такихъ аналогій. Прежде всего является вопросъ, всегда ли сходная форма тѣхъ или другихъ общественныхъ организацій имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ своего происхожденія и ео ipso имѣемъ ли мы въ такихъ случаяхъ право оперировать этой внѣшней аналогіей для уразумѣнія сути этихъ общественныхъ формъ. Для уясненія этого возьму примѣръ, приводимый Ковалевскимъ ¹⁾. Дѣло касается частаго похищенія дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ изъ чужихъ родовъ у Сванетовъ. Разсматривая суть этого явленія, авторъ, отказываясь видѣть въ этомъ фактѣ черты глубокой старины, совершенно справедливо указываетъ, что прежде чѣмъ останавливаться на общихъ причинахъ извѣстнаго явленія, необходимо удостовѣриться еще въ томъ, что послѣднее не находитъ себѣ достаточнаго объясненія въ тѣхъ чисто мѣстныхъ условіяхъ, среди которыхъ оно возникло. И дѣйствительно, статистическія данныя, сообщенныя мѣстной администраціей Ковалевскому, указываютъ, что причины этого явленія слѣдуетъ искать въ недостаткѣ женщинъ у Сванетовъ, ихъ оказывается на 17% меньше чѣмъ мужчинъ. Эти статистическія данныя, сообщенныя Ковалевскому, подтверждаются изслѣдованіями другого автора ²⁾, указывающаго, что мужское населеніе Сванетіи превышаетъ женское на 665 душъ. Если бы всѣ холостые вздумали жениться, то въ Сванетіи не достало бы 232 невѣстъ. Позволю себѣ привести еще одинъ примѣръ о полиандріи въ Тибетѣ. Рядомъ съ возникновеніемъ этой формы брака подъ вліяніемъ крайней бѣдности мы встрѣчаемъ

¹⁾ ib., томъ II, стр. 67.

²⁾ Тепцовъ, „Сванетія“, въ сборникѣ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ X, стр. 52.

до извѣстной степени почти противоположное явленіе. Самуиль Турнеръ ¹⁾ рассказываетъ, что въ Тибетѣ государственные чиновники такъ же, какъ тѣ, которые стремятся къ достиженію подобныхъ должностей, считаютъ продолженіе рода несоотвѣтственнымъ для своего достоинства и обязанностей занятіемъ, предоставляя таковое исключительно простому народу. Женитьбу они считаютъ, какъ нѣчто унижительное, какъ тяжелую обузу, которую цѣлая семья должна дѣлить между собою, чтобы облегчить таковую для себя. Мы видимъ два случая полиандріи, двѣ тождественныя формы, но причины совершенно противоположны: одна продуктъ бѣдности, а другая скорѣе продуктъ роскоши, которой не хотятъ лишаться и ради которой прибѣгаютъ къ полиандріи.

Къ сожалѣнію Ковалевскій упустилъ изъ виду эту необходимость анализировать мѣстныя причины для уясненія возникновенія того или другого обычая и вслѣдствіе этого его изслѣдованія въ теоретической части почти лишены научнаго значенія.

Вѣдь сравнительный методъ имѣетъ въ виду сопоставленіе не только внѣшнихъ формъ общественныхъ организацій у различныхъ народовъ, но и внутреннее ихъ содержаніе; аналогія должна быть полная, а не частичная. Задача сравнительнаго метода заключается не только въ отыскиваніи единства среди разнообразія, но и въ познаніи существа общественныхъ формъ путемъ сопоставленія таковыхъ у разнообразныхъ народовъ, при чемъ сопоставленіе должно безусловно идти рука объ руку съ анализомъ явленія самого по себѣ въ связи съ окружающими его условіями быта. „Право народа понятно лишь въ связи со всей его культурой“ ²⁾.

Изслѣдователь же, который, какъ уже высказано, руководствуется лишь апріорными тенденціями и упускаетъ изъ

¹⁾ S. Turner, An Account of an Embassy to the Court of the Teshoo Lama in Tibet. London 1800 p. 349.

²⁾ J. Kohler, Recht, Sitte und Glaube въ Grünhut's Zeitschrift etc. Bd. XIX S. 561.

виду вышеупомянутыя требованія, впадаетъ не только въ заблужденія, но и въ противорѣчія, такъ какъ онъ будетъ хвататься за все, лишь бы только достигнуть благопріятнаго результата для ранѣ поставленной задачи. Нагляднымъ примѣромъ этого можетъ служить работа Ковалевскаго. Возьму нѣсколько примѣровъ. Пока держится патріархатъ, говоритъ онъ ¹⁾, родственное отношеніе брата и сестры является особенно тѣснымъ; если на лицо не имѣется физическаго братства, то стараются замѣнить его братствомъ искусственнымъ и съ этой цѣлью обращаются къ такъ называемому посестримству. Такое посестримство представляетъ намъ обычай, въ силу котораго пшавская дѣвушка выбираетъ себѣ кого-нибудь изъ неженатыхъ мужчинъ въ „цацалы“ или нареченные братья.... Весьма рѣдко эти отношенія искусственно породившихся между собою молодыхъ людей вырождаются въ отношенія любовника и любовницы. Того же нельзя сказать о тѣхъ отношеніяхъ, какія завязываются на ежегодномъ праздникѣ въ честь Лаши, сына царицы Тамары. На этомъ праздникѣ.... отношенія половъ болѣе чѣмъ свободны.

О томъ же самомъ во второмъ томѣ того же сочиненія ²⁾ мы читаемъ, что „отношенія цацальства, а затѣмъ проявляющіяся на „самхто“ или вечерникахъ общенія половъ и покровительствуемый религіей гетеризмъ (въ честь Лаши)—все это явленіе одного и того же порядка (sic!).

Правда, въ современной Пшавіи половое сожительство цацаль считается позорнымъ и дѣти, происходящія отъ него, обыкновенно убиваются, но въ нѣсняхъ, несомнѣнно болѣе древнихъ, чѣмъ всѣ эти предписанія обычая, отношеніе цацаль рисуется отношеніями любовниковъ“. Это послѣднее мнѣніе выражено авторомъ въ другомъ его сочиненіи ³⁾ еще

¹⁾ Ковалевскій, *ib.* т. I стр. 21.

²⁾ *ib.* т. II стр. 98.

³⁾ М. Kovalevsky, *Tableau des origines et de l'évolution de la famille et de la propriété.* Paris 1890 p. 23.

въ болѣ рѣзкой формѣ. Чтобъ понять этотъ обычай цацальства, говорить тамъ Ковалевскій, нужно вспомнить, что Гоуитъ говоритъ объ австралійскомъ племени Курнаи, гдѣ индивидуализація брака должна быть покупаема цѣною добрачнаго гетеризма дѣвушекъ съ членами той же группы. Гетеризмъ пшавскихъ и хевсурскихъ дѣвушекъ имѣеть то же самое начало. Такимъ образомъ одинъ разъ цацали—братъ и сестра и ихъ отношенія чистыя, а другой разъ—это любовники и самъ обычай представляетъ изъ себя переживанія добрачнаго гетеризма! Противорѣчіе это не требуетъ комментарія.

Второе противорѣчіе касается существующаго на Кавказѣ обычая, особенно у черкесовъ, отдавать своихъ дѣтей на воспитаніе постороннимъ людямъ; воспитатель ребенка носить названіе аталыка. Дѣти, по мнѣнію Ковалевскаго ¹⁾, потому поступаютъ у черкесовъ на воспитаніе къ постороннему лицу, что принадлежность ихъ тому или другому отцу являлась спорной, такъ какъ всѣ члены одного братства одинаково могли быть мужьями ихъ матери. Только открытое признаніе ихъ тѣмъ или другимъ мужчиной обращало ихъ въ его дѣтей. Для этого одного рожденія было недостаточно, нужно было усыновленіе, принимавшее форму передачи аталыкомъ взрослого сына въ руки мужа его матери. Въ другомъ мѣстѣ другого сочиненія ²⁾, которое вообще довольно неясно выражено, сопоставляя аталычество такъ же, какъ и въ первомъ случаѣ, съ аналогичнымъ обычаемъ у Маори, Ковалевскій утверждаетъ, что настоящая причина этого обычая заключается въ желаніи избѣжать пристрастія, которое могло возникнуть у матери къ дѣтямъ того лица, котораго она особенно любить. Хотятъ установить полное равенство между всѣми дѣтьми семьи. И это противорѣчіе, думаю, не нуждается въ поясненіи. Еще одно. Дѣло идетъ о положеніи женщины въ

¹⁾ Ковалевскій, Законъ, etc. т. I стр. 17.

²⁾ M. Kovalevsky, Coutume contemporaine et loi ancienne. Paris 1893 p. 191.

Пшави, которая считалась существомъ нечистымъ и въ социальномъ отношеніи стояла ниже мужчины. Это низкое социальное положеніе пшавской женщины Ковалевскій ¹⁾ видитъ въ томъ, что жена не смѣетъ назвать своего мужа по имени. Даже въ клятвахъ замужнихъ женщинъ имя мужа никогда не упоминается, наоборотъ, въ свидѣтели истины призывается братъ или сынъ. А три страницы далѣе ²⁾ нашъ авторъ увѣряетъ, что предположеніе о позднемъ происхожденіи брака у Пшавовъ вполне согласуется... съ наружной холодностью, съ которой супруги обязаны обращаться другъ съ другомъ въ присутствіи чужихъ, и съ запрещеніемъ женѣ называть имя мужа—пережитокъ той эпохи, когда такое дѣйствіе являлось фактически невозможнымъ. Такимъ образомъ на разстояніи трехъ страницъ два совершенно различныхъ объясненія одного и того же факта!

Приведенные примѣры, я думаю, достаточно показываютъ, къ чему могутъ привести импрессионизмъ и недостатокъ методичности вообще. При изслѣдованіи кавказскихъ горцевъ Ковалевскій не столько стремился выяснить намъ дѣйствительную суть обычаевъ этихъ народовъ, сколько непремѣнно найти сходство ихъ обычаевъ съ таковыми у полинезійскихъ негровъ и американскихъ краснокожихъ. Онъ упустилъ изъ виду, что сравнивать несоизмѣримыя величины по меньшей мѣрѣ опасно. А вѣдь черкесы, сванеты и т. д., сколько бы ни говорили о низкой ступени ихъ общественнаго быта, въ сравненіи съ Маори и т. д. могутъ быть названы по крайней мѣрѣ хоть полудивилизованными. Уже одно то, что многія сотни лѣтъ тому назадъ къ нимъ проникло христіанство и магометанство, заставляетъ насъ задуматься, мыслимо ли у такого народа найти слѣды той глубокой старины, какіе мы находимъ у австралійскихъ племенъ.

Въ совершенно другую крайность вдался Ковалевскій, и при томъ противоположную первой, поставивъ себѣ цѣлью до-

¹⁾ Ковалевскій, Законъ etc. т. II стр. 97.

²⁾ ib., т. II стр. 100.

казать вліяніе иноземнаго права на право кавказское. Этой цѣли онъ посвятилъ большую часть своего труда. Напримѣръ ¹⁾, сравнивая взглядъ на женщину, какъ онъ выраженъ въ Авестѣ, гдѣ предписывается женщину во время менструацій держать отдѣльно во избѣжаніе оскверненія очага, а также изолировать ее во время родовъ, съ подобными же обычаями у нѣкоторыхъ кавказскихъ народовъ, Ковалевскій находитъ въ этомъ вліяніе Авесты на обычаи Кавказа. Но мы въ такомъ случаѣ вліяніе Авесты должны были бы распространить по всему земному шару. У гвинейскихъ негровъ, по словамъ Гранпре ²⁾, женщина въ періодъ мѣсячныхъ очищеній считается нечистою и скрывается отъ всѣхъ. У луизианскихъ индѣйцевъ ³⁾ во все время мѣсячныхъ очищеній женщины должны жить внѣ хижины, въ которой запрещается даже пищу для нихъ готовить. Равнымъ образомъ, лишь только приближается время родовъ, онѣ удаляются съ нѣкоторыми старыми женщинами въ особо назначенную для этого хижину. То же самое встрѣчается у шавановъ ⁴⁾ въ Америкѣ, гдѣ женщина на время родовъ удаляется изъ хижины мужа, куда она возвращается лишь послѣ надлежащаго очищенія. То же самое у индѣйцевъ центральной Калифорніи ⁵⁾. Та же изоляція со всею строгостью происходитъ у жителей Курильскихъ острововъ ⁶⁾, гдѣ женщина можетъ показаться на глаза мужа, лишь испукавшись предварительно въ рѣку.

¹⁾ Законъ etc. т. II стр. 97.

²⁾ L. Grandpré, Reise nach Kongo in den Jahren 1786 und 1787, въ Allgemeine Reise-Encyklopädie Bd. VI S. 301—302.

³⁾ Pervin du Lac, Voyage dans les deux Louisiannes. A Lyon (An. XIII) 1805, p. 352—353.

⁴⁾ Thomas Ashe, Travels in America. London 1808 p. 85.

⁵⁾ Bancroft, The native Races of the pacific States of N. America. London 1875. 1876. vol. 1. p. 549.

⁶⁾ Krebs, C. A. Kurzer Bericht des Herrn... etc въ Journal für die neusten Land—und Seereisen und das interessanteste aus der Völker—und Länder Kunde etc. Berlin 1808 Bd. XVII S. 365.

Подобные же обычаи встрѣчаются у Остяковъ ¹⁾, у Самоѣдовъ ²⁾. Я привелъ лишь сходные примѣры съ кавказскими и индусскими, какъ они выражены въ Авестѣ, но такіе примѣры можно бы увеличить до безконечности, ибо это такое общераспространенное явленіе, что, лишь занимаясь случайными аналогіями и апріорными тенденціями, Ковалевскій могъ видѣть въ этихъ обычаяхъ вліяніе Авесты, а не общее явленіе, распространенное по всему земному шару. Это явленіе столь распространено, что Дюркгеймъ ³⁾, возводя его къ болѣе общему институту—къ страху передъ кровью вообще у первобытныхъ народовъ, пытался построить гипотезу о происхожденіи экзогаміи. Ковалевскій въ этомъ отношеніи сильно напоминаетъ между прочимъ миссіонера Adair'a ⁴⁾, который, найдя нѣкоторые сходные обычаи американскихъ индѣйцевъ съ таковыми у евреевъ, полагалъ, что они ни кто иные, какъ евреи.

Еще одинъ примѣръ этого же рода. Сопоставляя временные браки Персіи, а также Парсовъ въ Индіи съ таковыми же у осетинъ, и пополняя это сходство еще существованіемъ левирата у этихъ народовъ въ формѣ сожитія вдовы съ ближайшимъ родственникомъ мужа, Ковалевскій ⁵⁾ утверждаетъ, что при такомъ сравненіи сходство осетинскихъ брачныхъ порядковъ съ парсійскими покажется доходящимъ до полного тождества. Но развѣ временный бракъ такая особенность, что таковой у осетинъ непременно долженъ былъ развиться подъ чужимъ вліяніемъ? Временный бракъ существо-

¹⁾ Ahlquist, Unter Wogulen und Ostiaken въ Acta Societatis fennicae Bd. XIV S. 292.

²⁾ Pallas, Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reichs Bd. III S. 71.

³⁾ E. Durkheim, La prohibition de l'inceste et ses origines въ l'Année sociologique I. Paris 1898.

⁴⁾ James Adair, The History of the American Indians. London 1775.

⁵⁾ Ковалевскій, ib. т. I стр. 107 etc.

валъ въ Турціи подъ названіемъ Капинъ ¹⁾. Временные браки встрѣчаются въ Тонкинѣ, къ нимъ прибѣгаютъ матросы, заключая таковыя на время своего пребыванія ²⁾. Подобные же временные браки встрѣчаются и на Мадагаскарѣ ³⁾ обыкновенно съ европейцами, при чемъ женщины въ такихъ случаяхъ считаются законными женами. О временныхъ бракахъ на Каролинскихъ островахъ говоритъ намъ Кубари ⁴⁾. Мы встрѣчаемъ ихъ также у берберовъ ⁵⁾. Временные браки, какъ извѣстно, существовали среди арабовъ ⁶⁾. Подобное же мы встрѣчаемъ и у Криксь-индѣйцевъ ⁷⁾. О временныхъ бракахъ въ Японіи мы находимъ указанія у Du-Pin'a ⁸⁾.

Такимъ образомъ мы видимъ, что мысль, связанная съ временнымъ бракомъ, существовала въ различныхъ частяхъ свѣта. Повидимому, временный бракъ является простымъ видоизмѣненіемъ покупного брака и вызванъ былъ къ жизни потребностью путешественниковъ—купцовъ и т. п. въ пополненіи недостатка въ семейной жизни, при чемъ онъ могъ въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напримѣръ въ Персіи, выработаться въ опредѣленный институтъ. Но заключать отсюда о вліяніи того или другого права на брачное право осетинъ

¹⁾ Coneille Le Brun, Voyage au Levant. A la Haye 1732 p. 400, 402.

²⁾ Houzeau, ib. p. 392.

³⁾ Le Gentil, Voyage dans les mers de l'Inde. En Suisse 1780 8. t. IV, p. 360.

⁴⁾ Kubary, Ethnographische Beiträge zur Kenntniss der Karolinen Inselgruppe. Berlin 1885. S. 52.

⁵⁾ J. Lewis Burckhardt, Travels in Nubia. London 1819 p. 217.

⁶⁾ O. Dappier, Umständliche Beschreibung von Asia, Nürnberg 1681, S. 422; см. также Wilken, Das Matriarchat bei den alten Arabern. Leipzig 1884 S. 9 etc.

⁷⁾ Bartram, Reisen in Nord-America въ J. R. Forster's Magasin von merkwürdigen neuen Reisebeschreibungen. Berlin 1790 Bd. X S. 487.

⁸⁾ Du Pin, Le Japon, moeurs, coutumes etc... Paris (безъ года) p. 88.

нѣтъ никакой необходимости. Сходство осетинскаго и парсійскаго брачнаго права ничуть не представляетъ чего то особеннаго вслѣдствіе существованія левирата, который, какъ извѣстно, нашелъ широкое примѣненіе повсюду.

II.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію выводовъ Ковалевскаго о переживаніяхъ группового брака на Кавказѣ. Но такъ какъ онъ занялся разсмотрѣніемъ этого вопроса не для него самого, а для доказательства существованія матриархата на Кавказѣ, то во избѣжаніе повтореній при послѣдующемъ разсмотрѣніи вопроса о матриархатѣ, останавлиюсь теперь же на немъ.

Ковалевскій присутствіе слѣдовъ матриархата ставитъ въ связь съ переживаніями гетеризма въ формѣ группового брака, считая одно безъ другого невысказаннымъ и потому въ спеціальной главѣ ¹⁾ о матриархатѣ приводитъ данныя, которыя, по его мнѣнію, служатъ переживаніями группового брака, а вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, и переживаніями матриархата. Но дѣйствительно ли возникновеніе матриархата стоитъ въ безусловной связи съ гетеризмомъ въ какой бы то ни было формѣ? Ближайшее знакомство съ примитивной организаціей народовъ, съ ихъ воззрѣніями и чувствами даетъ, повидимому, отрицательный отвѣтъ. Въ смыслѣ этого отрицательнаго отвѣта мы находимъ указаніе въ сочиненіи профессора Колера ²⁾. „Основы материнства являются гораздо болѣе простыми, чѣмъ это до сихъ поръ себѣ представляли. Быть можетъ, другія условія при этомъ содѣйствовали удержанію и упроченію системы, быть можетъ, таковыя иногда и отодвигали на задній планъ вниманіе по отношенію къ отчеству, но

¹⁾ Ковалевскій, *ib.* т. I стр. 1—27.

²⁾ Kohler, *Zur Urgeschichte...* S. 53.

главнымъ основаніемъ была невозможность комбинаціи обѣихъ системъ, (т. е. системы отцовскаго и материнскаго тотема). А то, что только связь съ матерью принималась въ расчетъ, съ матерью, которая родила ребенка, цѣлые годы кормила его грудью, около которой затѣмъ ребенокъ долгіе годы игралъ, тогда какъ отецъ предавался всевозможнымъ авантюрамъ, является столь естественнымъ, что противоположное этому должно было бы каждому, кто уже составилъ себѣ понятіе о жизни дикарей, показаться въ высшей степени страннымъ“.

Приблизительно въ томъ же духѣ высказывается Шмоллеръ ¹⁾, обративъ вниманіе кромѣ того на одинъ обычай, который долженъ былъ вліять на болѣе тѣсную связь матери съ ребенкомъ и на отчужденность его съ отцомъ, именно воздержаніе отъ половой связи во время кормленія. Но достаточно ли этихъ, вполне вѣрныхъ и согласныхъ съ духомъ первобытныхъ общественныхъ организацій, объясненій? Вѣдь эти болѣе тѣсные узы ребенка съ матерью, воздержаніе отъ половой связи во время кормленія и т. д. существовали и существуютъ до сихъ поръ у народовъ, перешедшихъ къ системѣ отчества и какъ видно ничуть не препятствуютъ также близкой связи отца съ дѣтьми.

Мнѣ кажется, что начало материнства коренится еще въ одномъ элементѣ, составляющемъ характерную черту первобытнаго человѣка, его духа и т. п. Намъ извѣстно, насколько первобытный человѣкъ не любилъ излишнихъ заботъ. Миссіонеры часто упрекаютъ ихъ въ лѣни, въ отвращеніи къ труду. Онъ преодолевалъ это отвращеніе къ труду и любовь къ спокойствію лишь въ крайнихъ случаяхъ голода, опасности, страха и т. д. Нуженъ былъ сильный внѣшній толчекъ, который бы, такъ сказать, заставилъ первобытнаго человѣка реагировать, выйти изъ состоянія покоя, это внѣшнее явленіе должно было въ самомъ реальномъ видѣ коснуть-

¹⁾ Schmoller, Die Urgeschichte der Familie въ его Jahrbücher etc. 1899, I S. 6—7.

ся его, ибо даже страхъ передъ злыми духами у первобытнаго человѣка въ сущности сводился къ боязни потерять матерьяльно, тѣмъ болѣе что эти духи вѣдь, по его мнѣнію, были конкретныя существа.

Спрашивается, было ли рожденіе ребенка женщиной, съ которой онъ состоялъ въ болѣе или менѣе продолжительной связи, тѣмъ явленіемъ, которое должно было вызвать въ немъ реакцію, заставить его заинтересоваться, назвать ребенка своимъ, не разлучаться съ нимъ и т. п? Чѣмъ могъ интересоваться тотъ, котораго онъ даже признавалъ бы за своего потомка? Матерьяльно ничѣмъ, наоборотъ, онъ былъ бы для него излишнимъ балластомъ, бременемъ, увеличивающимъ его заботы, нарушающимъ его спокойствіе и т. д. Но могутъ сказать, что здѣсь могъ дѣйствовать органическій инстинктъ, инстинктивная любовь къ своему плоду. Но кто знакомъ съ первобытной этнологіей, тотъ едва ли скажетъ это. Сами матери не особенно отличались этимъ. Достаточно вспомнить общераспространенность дѣтоубійства со стороны матерей и при томъ далеко не всегда подъ вліяніемъ нужды, часто изъ желанія не потерять своей красоты, не лишиться на время долгаго кормленія ребенка ласкъ своего мужа, не обременять себя лишними заботами и т. д. Что же въ такомъ случаѣ говорить объ инстинктивной любви отца? Подтвержденіе моей мысли я нахожу въ сообщеніи такого знатока, какъ В. Эллисъ ¹⁾, говорящій о дѣтоубійствѣ на Гавайскихъ островахъ. Главной причиной для большинства, практикующаго дѣтоубійство, является лѣность; основаніемъ дѣтоубійства, которое очень часто приводится даже самими родителями, прибѣгшими къ нему—это тягость, связанная съ воспитаніемъ дѣтей.

Подобно другимъ дикимъ націямъ они, т. е. австралійцы, питаютъ отвращеніе ко всякому труду, сверхъ абсолютно необходимаго, поэтому они смотрятъ на своихъ дѣтей, какъ на обузу и неохотно обрабатываютъ нѣсколько бѣльшій клочокъ

¹⁾ William Ellis, Narrative of a tour through Hawaii, sec. ed. London 1827 p. 327.

земли, или предпринимаютъ самую незначительную добавочную работу, необходимую для поддержанія ихъ потомства въ продолженіе безпомощнаго періода дѣтства и младенчества. Въ случаѣ болѣзни ребенка, утомившись уходомъ и заботами о немъ, его сплошь и рядомъ закапываютъ живымъ. Другой знатокъ австралійскихъ племенъ Эйръ ¹⁾ говоритъ, что дѣтоубійство распространено въ Австраліи и причиною его является желаніе избавиться отъ тяжести воспитанія дѣтей, также дать возможность женѣ сопровождать мужа въ его скитаніяхъ, чего она бы не въ состояніи была сдѣлать, будучи обременена ребенкомъ. Эту же причину дѣтоубійства мы находимъ у Мпонгуэ ²⁾ въ Африкѣ. У готтентотовъ на мысѣ Доброй Надежды, по словамъ Буркхарда ³⁾, въ случаѣ смерти матери ребенка живымъ закапываютъ вмѣстѣ съ нею, въ случаѣ рожденія двойниковъ одинъ изъ нихъ закапывается въ землю—все это дѣлается изъ страха передъ заботами („aus Furcht der Mühe“).

У жителей Гвіаны ⁴⁾ женщины изъ боязни лишиться красоты вслѣдствіе родовъ принимаютъ мѣры противъ дѣтороженія, къ чему ихъ побуждаютъ и мужья, желая не лишиться извѣстнаго наслажденія и дать возможность женамъ побольше заниматься хозяйственными заботами. У Абинонцевъ ⁵⁾ матери должны были кормить дѣтей до трехъ лѣтъ и въ это время онѣ не могли имѣть никакихъ сношеній съ мужьями; этимъ послѣднимъ надоѣдало такъ долго ждать и они себѣ подыскивали другую жену. Чтобы не терять своихъ мужей, абинонки

¹⁾ E. J. Eyre, Journal of expeditions of Discovery into central Australia in the years 1840 — 1. London vol. II p. 324.

²⁾ Paul Barret, L'Afrique occidentale. Paris 1888, t. II p. 152.

³⁾ Christian Burckhart, Ostindianische Reise-Beschreibung. Halle und Leipzig 1693. S. 35.

⁴⁾ Ab. Salvador Gilii, Nachrichten vom Lande Guiana. Hamburg 1785 S. 351.

⁵⁾ Abbé Dobrizhofer, Geschichte der Abiponer. Wien 1783 Bd II S. 124.

убивали своихъ дѣтей тотчасъ послѣ рожденія. Дѣтоубійство въ связи со слабой связью родителей и дѣтей, особенно этихъ послѣднихъ и ихъ отца, мы находимъ у американскихъ племенъ, описанныхъ Гиббсомъ ¹⁾).

Характерное въ этомъ отношеніи сообщаетъ намъ Азара ²⁾. Когда онъ началъ мужчинъ изъ племени Мбайасъ въ южной Америкѣ упрекать въ этомъ варварскомъ обычаѣ, они, смѣясь, отвѣтили ему: мужчины не должны вмѣшиваться въ женскія дѣла. Бѣдный проповѣдникъ долженъ былъ послѣ такого отвѣта обратиться къ прекрасному полу съ увѣщаніями, на что тѣ отвѣтили ему откровенно, что рожденіе дѣтей дѣлаетъ ихъ некрасивыми и старить, послѣ чего мужчины отворачиваются отъ нихъ... Азара былъ побѣжденъ. Эти сообщенія, далеко не единственные, показываютъ сомнительность инстинктивной родительской любви у первобытныхъ людей вообще и безучастность со стороны мужчинъ къ своимъ потомкамъ, на которыхъ они смотрѣли, лишь какъ на излишній балластъ и какъ на нѣчто, что относится къ сферѣ женскаго интереса, съ которымъ они ничего общаго не имѣютъ.

Если ко всему этому прибавить еще и то, что во всякомъ случаѣ бракъ не отличался особенной устойчивостью, я думаю, для насъ не трудно будетъ понять происхожденіе материнства, болѣе тѣсную связь ребенка съ матерью, а чрезъ нее съ ея родомъ, и вопросъ о гетеризмѣ въ какой бы то ни было формѣ для гипотезы материнства, по моему, не имѣетъ никакого значенія. Этимъ также устраняется необходимость искать слѣдовъ гетеризма на Кавказѣ для доказательства существованія тамъ переживанія материнства—тѣмъ болѣе, что гетеризмъ на Кавказѣ, какъ его рисуетъ Ковалевскій, простая легенда, которую можно принять за нѣчто вѣроятное, лишь анализируя факты, вооружившись предвзятой тенденціей.

¹⁾ Gibbs, Tribes of western Washington въ Contributions to N. American Ethnologie I p. 197.

²⁾ Felix Azara, Voyage dans l'Amerique méridionale. Paris 1809 p. 115—116.

III.

Остановимся на этомъ нѣсколько подробнѣе. Ковалевскій, какъ я уже выше упомянулъ, находитъ слѣды гетеризма въ формѣ группового брака преимущественно у черкесовъ. Одно изъ доказательствъ существованія группового брака въ томъ видѣ, какъ это было описано Физономъ относительно австралийскихъ негровъ и Морганомъ относительно американскихъ краснокожихъ, Ковалевскій ¹⁾ видитъ въ организаціи такъ называемыхъ братствъ „Тлеухъ“ со строгой экзогаміей у черкесовъ. Описаніе братствъ заимствовано имъ у Белля ²⁾. Белль ³⁾ говоритъ, что у черкесовъ каждый, включая и рабовъ, принадлежалъ къ какому нибудь братству, въ силу своего рожденія онъ былъ связанъ съ тѣмъ братствомъ, къ которому принадлежалъ его отецъ.

Бракъ между членами одного и того же братства считался кровосмѣшеніемъ и какъ таковой былъ запрещенъ, при чемъ и рабы должны были также вступать въ бракъ лишь съ рабами другого братства. Брачные запреты распространяются не только на членовъ одного рода, но и на членовъ всѣхъ родовъ, входящихъ въ братство. Братства эти характеризуются тѣсной солидарностью, доходящей до того, что бѣдному члену братства покупаютъ на общія средства „братьевъ“ жену. Вдова, какъ купленная когда то однимъ изъ братьевъ, становилась собственностью братства и отдавалась въ жены одному изъ членовъ бесплатно, но подъ условіемъ содержать

¹⁾ Ковалевскій, *ib.* I стр. 10—27.

²⁾ Кстати, Ковалевскій, полагаясь на слова Белля, ошибается, считая, что Белль былъ первый, который открылъ эти братства. Первымъ былъ Платонъ Зубовъ въ его сочиненіи: „Картина Кавказскаго края“ С.-Петербургъ 1834, 1835, т. III стр. 44—45.

³⁾ J. S. Bell, *Journal of Residence in Circassia during Years 1837—8 and 1839 in two volumes.* London 1840. v. I p. 179, 202—3, 347—8.

ея дѣтей. Къ этимъ характернымъ чертамъ Ковалевскій ¹⁾ прибавляетъ свѣдѣнія о гетеризмѣ замужнихъ женщинъ и цѣломудріи дѣвушекъ внутри группы, полагая въ заключеніи, что въ основанныхъ на началѣ экзогаміи и сохранившихъ еще слѣды коммунальнаго брака „Тлеухахъ“ черкесовъ слѣдуетъ видѣть пережитокъ тѣхъ порядковъ, которые современная этнологія относитъ къ періоду зачинающей общественной ²⁾. Затѣмъ, послѣ разсмотрѣнія еще будто бы сходственныхъ съ черкесскими братствами организацій у чеченцевъ, такъ называемыхъ „Тайпа“ ³⁾, о чемъ я буду говорить далѣе, и нѣкоторыхъ другихъ, вытекающихъ изъ этихъ организацій обычаевъ, Ковалевскій ⁴⁾ утверждаетъ, что въ виду этихъ фактовъ трудно говорить въ примѣненіи къ предкамъ современныхъ намъ горцевъ объ иномъ бракѣ, какъ о томъ, какой Морганъ, а за нимъ Физонъ удачно обозначали терминомъ „брака по группамъ“. Такой бракъ необходимо предполагаетъ на ряду съ ограниченнымъ по отношенію къ сферѣ дѣйствія общеніемъ женъ и существованіе экзогамическихъ запретовъ. При немъ строгое соблюденіе половой нравственности незамужними дѣвушками легко мирится съ свободой замужнихъ женщинъ.

Посмотримъ теперь, на сколько все это вѣрно и убѣдительно. Прежде всего въ тотэмистическихъ группахъ самымъ характернымъ, откуда и само названіе ихъ, является совсѣмъ не то, что онѣ экзогамны, а то, что мужчины известной группы считаются *de jure* по рожденію мужьями женщинъ соотвѣтственной группы ⁵⁾.

Членъ австралійскаго тотэма, гдѣ бы онъ ни былъ, хорошо различаетъ съ кѣмъ онъ можетъ вступить въ бракъ и

¹⁾ Ковалевскій, *ib.* стр. 11—13.

²⁾ *ib.* 13—14.

³⁾ *ib.* 17.

⁴⁾ *ib.* 27.

⁵⁾ Fison and Howitt, *ib.* p. 50, 51, etc.

съ кѣмъ нѣтъ ¹⁾. Не принадлежность къ группѣ вообще, но принадлежность къ группѣ съ опредѣленнымъ тотѣмомъ регулируетъ его жизненныя условія. Ничего подобнаго, даже ни малѣйшаго намека на это мы не находимъ въ кавказскихъ братствахъ. Наоборотъ, если мы обратимъ вниманіе на то, что говоритъ Белль и что Ковалевскій упустилъ изъ виду, мы сразу убѣдимся, что братства черкесовъ—одна изъ тѣхъ политическихъ федерацій, о которыхъ намъ такъ много говоритъ Морганъ и др., и которыя ничего общаго съ тотѣмистическими группами не имѣютъ и возникли подъ вліяніемъ необходимости взаимной защиты и нападенія. Белль ²⁾ именно говоритъ, что сплошь и рядомъ различныя братства входятъ въ одинъ общій союзъ, и брачныя запреты распространяются на всѣхъ ³⁾. Такъ что мы видимъ, что экзогамія здѣсь—продуктъ искусственный, созданный подъ вліяніемъ имитациі родственныхъ отношеній. Намъ тѣмъ болѣе не трудно будетъ признать въ этой экзогаміи продуктъ искусственнаго родства, что это послѣднее почти нигдѣ такъ сильно не распространено, какъ на Кавказѣ. Сплошь и рядомъ, напримѣръ, для прекращенія кровавой мести прибѣгали къ такому родству. Убийца, хотя бы насильно, пососавъ грудь матери убитаго ⁴⁾, ста-

¹⁾ *ib.* p. 53—54.

²⁾ Bell, *ib.* I p. 347.

³⁾ And where as is generally the case many fraternities enter into one general bond, this law, in regard to marriage, must be observed by all.

⁴⁾ Интересно отмѣтить тотъ же способъ установленія родства съ гостемъ у черкесовъ. Чтобы предоставить гостю еще большія права, домохозяйка даетъ свою грудь, въ которой каждое изъ ея дѣтей находило свою первую пищу; разъ онъ ее взялъ въ ротъ, этимъ самымъ онъ считается уже усыновленнымъ и приравненнымъ къ законнымъ дѣтямъ. Братство, къ которому принадлежитъ его хозяинъ, должно его съ этихъ поръ считать своимъ.... (S. Koch, *Reise durch Russland nach dem Kaukasischen Isthmus*, Stuttgart u. Tübingen 1842, 3, Bd I, S. 375).

новился ея сыномъ ¹⁾. Съ такою же цѣлью, т. е. для прекращенія кровавой мести путемъ установленія искусственнаго родства, похищали изъ рода убитаго мальчика и, воспитавъ его, возвращали семьѣ, послѣ чего родъ или семья, воспитавшая ребенка, становилась родственною семьѣ мальчика. Такіе воспитанники назывались по-кабордински плечежинканъ, т. е. воспитанный за кровь, а по-горски канъ-эмчекъ ²⁾. Того же рода родство порождалось воспитаніемъ вообще, аталкъ или воспитатель, о чемъ упоминалось выше, становился родственникомъ семьи своего воспитанника. Распространеннымъ является также такъ называемое молочное родство, вполне замѣнявшее кровное, что у горскихъ татаръ выражается въ поговоркѣ: „молоко идетъ такъ же далеко, какъ и кровь“ ³⁾. Акушерка, перерѣзавшая пуповину, считается родственницей ⁴⁾. Прикосновеніе къ цѣпи, на которой виситъ семейный очагъ, устанавливаетъ также родство ⁵⁾. На Кавказѣ распространено также искусственное родство въ формѣ „братства по оружію“, и т. д. ⁶⁾. При всѣхъ способахъ установленія искусственнаго родства, за исключеніемъ послѣдняго, браки между породнившимися запрещены ⁷⁾.

¹⁾ Н. Ф. Грабовскій, Экономическій и домашній бытъ жителей горскаго участка ингушевскаго округа, въ Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ, вып. III, стр. 24.

²⁾ Adolf Bergé, Die Sagen und Lieder des Tscherkessenvolks. Leipzig 1866, стр. 18; также Н. Ф. Грабовскій, очеркъ суда и уголовныхъ преступленій въ кабардинскомъ округѣ, въ Сб. свѣд. о кавк. горцахъ, вып. IV, стр. 32.

³⁾ Иванюковъ и Ковалевскій, у подошвы Эльбруса, Вѣстникъ Европы 1866 г. II, стр. 566—568; см. также Харузинъ, Замѣтки о юридическомъ бытѣ чеченцевъ и ингушей, въ Сборникѣ матеріаловъ по этнографіи, вып. III, 1888, стр. 122.

⁴⁾ ib.; также Ковалевскій, Droit coutumier etc. p. 214.

⁵⁾ Иванюковъ etc., ib.; также Харузинъ, ib., стр. 121.

⁶⁾ Харузинъ ib., стр. 121—122.

⁷⁾ Иванюковъ etc. ib., также Харузинъ, ib. стр. 121.

Что же удивительнаго, что выработавшееся подъ вліяніемъ необходимости прекращенія вражды, установленія мира и т. д., среди отдѣльныхъ членовъ, семей и родовъ, искусственное родство со всѣми его атрибутами было перенесено и на болѣе обширныя организаціи, на отдѣльныя братства и на цѣлый союзъ братствъ. Это было до извѣстной степени братство по оружію, но не тотъ формальный „обмѣнъ“ оружія между отдѣльными членами, не ведущій даже за собою, вопреки всѣмъ другимъ способамъ искусственнаго родства, запрещенія брака, но сильный, тѣсный братскій союзъ подъ эгидой общаго оружія. Это явленіе позднѣйшее, выработавшееся на Кавказѣ подъ гнетомъ вѣчной войны, которая тысячелѣтія продолжалась тамъ. Иноземныя нападенія съ самыхъ древнихъ временъ въ лицѣ турокъ, арабовъ, персовъ, русскихъ и т. д., и рядомъ съ нимъ кровопролитныя столкновения между отдѣльными сосѣдними народами и даже въ средѣ одного народа между отдѣльными родами вызвали къ жизни кавказскія братства такъ же, какъ они вызываютъ подобные союзы и въ другихъ частяхъ свѣта. Такъ, напримѣръ, уже въ началѣ XVII столѣтія іезуиты—миссіонеры указываютъ, что общіе интересы связывали племена, чужія даже по языку, въ одинъ общій союзъ—народъ ¹⁾. А Гумбольдъ ²⁾ сообщаетъ въ этомъ отношеніи интересное о карабахъ: они образуютъ родъ политическаго союза. Такое учрежденіе лучше всего даетъ возможность этимъ воинственнымъ племенамъ, любящимъ свободу, находить общественныя узы лишь тогда выгодными, когда дѣло идетъ объ общей защитѣ. Того же рода явленія отмѣчаютъ и въ Африкѣ ³⁾. Впрочемъ такія

¹⁾ The Jesuit Relations and Allied Documents, Travels and Explorations of the Jesuit Missionaries in New France 1610—1791, ed. by Reuben gold Twaites. Cleveland 1896, etc., II p., 201.

²⁾ A. Humboldt, Reise in die Aequinoctial-Gegenden des neuen Continents. Stuttgart 1859, Bd. IV S. 340.

³⁾ A. Raffenet, Nouveau Voyage dans le pays des Nègres 1856, Paris, II, p. 236.

явленія совѣмъ не исключительныя, и если они на Кавказѣ, быть можетъ, и приняли болѣе интензивную окраску, то лишь въ силу существованія болѣе продолжительной опасности, въ силу необходимости бороться съ болѣе сильнымъ, болѣе организованнымъ врагомъ, чего не существовало въ другихъ частяхъ свѣта. Экзогамія кавказскихъ братствъ, помимо указанного мною вліянія искусственнаго родства, выработавшагося на Кавказѣ въ опредѣленный характерный институтъ, могла появиться въ силу другого требованія, въ силу другой необходимости. Если съ одной стороны въ обществѣ выработалось искусственное родство, какъ средство мира, въ томъ же самомъ обществѣ не могли не обратить вниманія на тѣ элементы, которые грозили миру, разрывали связь, ослабляли защиту. Элементомъ, порождавшимъ это отрицательное явленіе, былъ бракъ. Съ нимъ была связана купля-продажа, часто похищеніе, что уже могло вести къ ослабленію братскихъ чувствъ, къ ихъ уничтоженію, но неизмѣримо болѣе этого другіе недостатки—взаимная ревность, недоразумѣнія между мужемъ и женою, недоразумѣнія, которыя могли выходить и выходили за предѣлы семейнаго круга, ведя за собою столкновение семей, принадлежавшихъ къ одному братству, могли вызвать распадѣніе братства или его ослабленіе иногда въ тотъ моментъ, когда его солидарность болѣе всего была необходима. Что же мудренаго, что горькій опытъ привелъ ихъ къ необходимости устраненія всего того, что нарушало солидарность, миръ. Вотъ почему, какъ только различныя братства, члены котораго до этого могли вступать въ бракъ другъ съ другомъ, соединялись между собой въ одинъ союзъ, взаимные браки были запрещены. Вотъ почему и браки рабовъ одного братства не разрѣшались. Для раба покупали жену ¹⁾, эта покупка могла вести къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ.

Къ какимъ, напримѣръ, столкновеніямъ вело въ дѣйствительности похищеніе женъ, показываетъ сообщеніе Коха:

¹⁾ К о с х, ib. I S. 354.

„когда похититель не выдаетъ добровольно похищенную имъ, и братство его покровительствуетъ ему въ этомъ отношеніи, тогда нерѣдко возникаетъ самая продолжительная вражда и раздоръ, при чемъ отечество и общая опасность отступаютъ на задній планъ. Когда въ 1837 году русскіе взяли Ардлеръ, произошла вслѣдствіе такого увода такая вражда между двумя братствами, что при одномъ столкновеніи пятнадцать чело-вѣкъ было отчасти тяжело ранены, отчасти убиты. Напрасно было собрано народное собраніе; дѣло дошло опять до рукопашной, при чемъ двое или трое были убиты и многіе ранены ¹⁾. Итакъ, имитация родства и необходимость мира вызвали экзогамію черкесскихъ братствъ, которыя представляютъ изъ себя политическую федерацію, основанную вслѣдствіе необходимости, и ничего общаго они съ тотемистическими группами Америки и Австраліи не имѣютъ. Такъ, напри-мѣръ, характеризуетъ Карлгофъ ²⁾ организацію черкесовъ: первый элементъ общества составляетъ свободное семейство съ его подвластными и рабами, въ которомъ всѣ люди *различнаго происхожденія*, связанные между собою общими интересами безопасности, обязаны взаимною защитой. Въ обществѣ, раздробленномъ на такія мелкія самостоятельныя части, по естественному порядку вещей *должны были образоваться союзы*, и они составились на родовомъ началѣ.

Въ этомъ же родѣ другой авторъ ³⁾ характеризуетъ черкесскія братства: „Они, по всей вѣроятности, образовались такимъ образомъ, что черкесы и обыкновенно близкіе родственники, повидимому, принадлежавшіе къ одному роду, соединялись между собою для общей защиты, въ силу которой каждый членъ стоялъ за другого.... Но такъ какъ сила и могущество братства заключается также въ количествѣ ея членовъ,

¹⁾ К о с ъ, ib. I S. 414.

²⁾ Н. Карлгофъ, Политическое устройство черкесскихъ племенъ, населяющихъ сѣв.-вост. берегъ Чернаго моря. Русскій Вѣстникъ 1860/VIII, стр. 526.

³⁾ К о с ъ, ib., I, S. 357—358, также II, S. 105 (у осетинъ).

то слабые обыкновенно расторгаютъ между собою союзъ и соединяются съ болѣе сильнымъ братствомъ.

Также объясняетъ Кохъ образованіе братствъ у осетинъ.

А природный чеченецъ Лаудаевъ ¹⁾, говоря объ организации у чеченцевъ въ прежнія времена, объясняетъ, что въ тѣ смутныя времена все зависѣло отъ оружія, встрѣча двухъ людей разныхъ фамилій, вмѣсто нынѣшняго привѣтствія саямъ-алейкумъ (миръ съ тобою), тогда нерѣдко разрѣшалась битвою....

Сильный побѣждалъ слабого, часто убивалъ его... Поэтому каждая фамилія составляла какъ бы одно тѣло и всѣ члены оной находились въ тѣсной связи.... Эта родственная связь членовъ фамиліи называлась по-чеченски „тай панъ“ или „тайна“, что означаетъ одна фамилія, одинъ родъ или одно племя.... Въ отношеніи фамильнаго родства всѣ его члены назывались братьями „вежерей“ или „воша“, а цѣлая связь—братствомъ „вошалла“. Такимъ образомъ мы видимъ, что и у чеченцевъ солидарность вызвана необходимыми условіями жизни. Ковалевскій ²⁾, ссылаясь на то же мѣсто того же автора, котораго и я цитирую, почему то утверждаетъ, что у чеченцевъ встрѣчаются братства подъ названіемъ „тайна“. Я нарочно привелъ это мѣсто *in extenso*, чтобы видѣть, насколько невѣрно это заключеніе, ибо, насколько можно понять Лаудаева, „тайна“—это родъ, члены его вслѣдствіе тѣсной связи—братья, а совокупность всѣхъ братьевъ—братство. Гдѣ же здѣсь сходство „тайны“ съ черкесскими братствами, а тѣмъ болѣе съ тотѣмистическими группами?! Ковалевскій прибавляетъ, что бракъ въ этихъ тайнахъ былъ запрещенъ даже въ двѣнадцатой степени родства, хотя ни Лаудаевъ, ни другой авторъ, Харузинъ ³⁾, на которыхъ онъ ссылается, ничего

¹⁾ Лаудаевъ, Чеченскій родъ, въ Сб. св. о к. г., VI, стр. 14—15.

²⁾ Ковалевскій, Законъ, etc., I, стр. 17.

³⁾ Харузинъ, *ib.*, стр. 120.

не упоминаютъ объ этомъ. Харузинъ говоритъ, что „родство чтится свято у чеченцевъ и ингушей, брачныя узы между родственниками кровными и некровными запрещаются даже до двѣнадцатаго колѣна“. Неужели же это запрещеніе родственныхъ браковъ даетъ право сравнивать чеченскій родъ съ тотэмистическими группами? Въ такомъ случаѣ мы должны были бы также находить, напримѣръ, въ Китаѣ переживание группового брака, такъ какъ извѣстно, что тамъ даже лица, носящія одно имя, не должны вступать въ бракъ ¹⁾).

Переходимъ теперь еще къ одной особеннности, которая даетъ Ковалевскому также возможность видѣть сходство кавказскихъ братствъ съ тотэмистическими группами Австраліи и Америки, именно, къ гетеризму замужнихъ женщинъ и цѣломудрію дѣвушекъ.

Но тутъ нашъ авторъ вводитъ насъ въ область темнаго и противорѣчиваго. Если дѣло сводится къ запрещенію связи между лицами, принадлежащими къ одной и той же группѣ, то это была бы просто на просто экзогамія, о которой была уже рѣчь ранѣе, но таковая ничуть не обусловливаетъ цѣломудрія дѣвушекъ, ибо эти послѣднія могли вступать въ половую связь съ мужчинами другой группы. Если же дѣло идетъ о цѣломудрії вообще, то всякій согласится, что никакіе разговоры о томъ, что замужнія потому нецѣломудренны, что онѣ де чужеродки, а вслѣдствіе этого каждый изъ группы ихъ мужей можетъ вступать съ ними въ связь, ибо понятіе цѣломудрія, какъ таковое, т. е. требованіе „пуританства“ отъ женщины, въ этомъ отношеніи должно было быть одинаково для всѣхъ, какъ дѣвицъ, такъ и замужнихъ. Но помимо такихъ абстрактныхъ размышленій мы имѣемъ конкретныя данныя этнологіи, которыя показываютъ, что у всѣхъ первобытныхъ народовъ дѣвицы въ сравненіи съ замужними, за очень рѣдкимъ исключеніемъ, были очень нецѣломудренны,

¹⁾ Du Halde, Description géographique, historique etc. de l'Empire de la Chine et de la Tartarie chinoise. Paris 1735, T. II, p. 123.

на ихъ поведеніе обращалось очень мало вниманія. Однако обратимся къ тѣмъ даннымъ, которыя будто бы доказываютъ „коммунальность“ замужнихъ женщинъ. О гетеризмъ замужнихъ женщинъ, по словамъ нашего автора, говорятъ арабскіе писатели Абу-эль-Кассимъ и Массуди. Что же мы въ дѣйствительности находимъ у этихъ писателей? Первый изъ нихъ ¹⁾ говоритъ, что *Les femmes Caschakes* (т. е. черкешенки) *passent pour être voluptueuses*, а Массуди ²⁾: „*On dit que les femmes sont d'une beauté surprenante et tres-voluptueuses*“. Если сладострастіе и гетеризмъ одно и то же, то я думаю, что и въ современной Европѣ мы безъ труда могли бы найти гетеризмъ, избавивъ себя отъ обязанности искать его у прекрасныхъ черкешенокъ. Какъ характеризовать тогда такое состояніе, гдѣ мужчины страстны? Такъ, напримѣръ, Зубовъ ³⁾ говоритъ, что грузинцы страстны къ женскому полу. Затѣмъ слѣдуетъ Стрюисъ: „*Sie* (т. е. черкешенки), *говоритъ Стрюисъ* ⁴⁾, *sind über die massen gemeinsam und freundlich, lassen sehr gern zu, dass mann sie küsse und handele, sehen auch nicht... ob gleich ihre Männer keineswegs deswegen unwillig werden, gegenwärtig sind... Ich habe vielerlei Frauenvolk gesehen, an kainen Ort aber so freundlich, befellig und dienstfertig gegen die Fremdlinge, alls allhier. Etliche unseres Volks fingen an mit ihnen zu spielen und zu schertzen, auch hie und da zu handeln, welches sie lachendes Mundes gern zuliessen, wer aber weiter kommen wollte, musste zurückstehen*. Во избѣжаніе недоразумѣнія я привелъ цитату почти полностью и, думаю, все, что она показываетъ, это извѣстная легкость въ поведеніи съ чужестранцами, состоящая въ смѣси любопытства дикароковъ

¹⁾ C. D'Ohsson, *De peuples du Caucase etc. ou Voyage d'Abou-el-Cassim*. Paris 1828 p. 25.

²⁾ J. Klaproth, *Magasin Asiatique*. Paris 1835, p. 289.

³⁾ Зубовъ, *ib.*, т. I, стр. 152.

⁴⁾ J. J. Strausens, *Sehr schwere wiederwertige und denkwürdige Reisen... angefangen anno 1647 und vollendet 1673*. Amsterdam 1678 S. 116.

(онѣ все время ощупывали костюмъ прибывшихъ) съ извѣстнаго рода гостепріимствомъ, ибо иначе, что должно было бы значить „*wer aber weiter kommen wollte, musste zurückstehen*“. Двѣ другія цитаты, приводимыя Ковалевскимъ изъ сообщеній барона Стала и Тавернье, нѣсколько иного характера. У одного черкесскаго племени, у шансуговъ, по словамъ Стала ¹⁾, волокитство въ прежнее время составляло общераспространенный обычай, имѣть любовника не считалось позорнымъ для женщины, и мужья гордились тѣмъ, что жены ихъ любимы другими мужчинами. „Если мужъ“, говоритъ Тавернье ²⁾, „входя въ домъ, застаётъ жену свою съ любовникомъ, онъ выходитъ, ничего не говоря, и впослѣдствіи также не говоритъ женѣ ничего объ этомъ. Жена поступаетъ такъ же, когда она застаётъ своего мужа съ любовницей. Чѣмъ болѣе женщина имѣетъ любовниковъ, тѣмъ бѣльшій почетъ для нея, и во время своихъ ссоръ женщины упрекаютъ другъ друга въ недостаткѣ любовниковъ.“

Но если бы даже ничего не противорѣчило этимъ сообщеніямъ, едва ли можно изъ этого заключить то, что заключаетъ Ковалевскій ³⁾, говоря: „изъ описанія Стала мы узнаемъ, что общность чужеродокъ встрѣчалась въ прежніе годы и у шансуговъ“. Между „волокитствомъ“, взаимной снисходительностью къ любовнымъ похождениямъ до „общности“ женъ, я думаю, такая пропасть, не различать которой можно лишь при страстномъ желаніи найти то, чего ищешь. Мнѣ кажется, если надлежаще повѣять Абу-эль-Кассима и Массуди, говорящихъ о „сладострастіи“ черкешенокъ, можно будетъ объяснить снисходительность мужей къ любовнымъ похождениямъ своихъ женъ. Въ самомъ дѣлѣ, частое отсутствіе мужей въ походахъ, набѣгахъ и т. д., должно было вести къ адюльтеру

¹⁾ Ковалевскій, *ib.* I стр. 11, также Леонтовичъ, *Адаты кавказскихъ горцевъ*, т. 1. стр. 173.

²⁾ Tavernier, *Les six voyages en Perse, en Turquie et aux Indes*. Paris 1676, p. 332—340.

³⁾ Ковалевскій, *ib.*, стр. 13.

сладострастныхъ по натурѣ черкешенокъ, и мужья во избѣжаніе ссоръ, могущихъ вести за собою кровавую расправу и кровавую месть, какъ ея неизбѣжнаго спутника, *volens-nolens* должны были прибѣгать къ снисхожденію. Мою мысль въ этомъ отношеніи подтверждаютъ такіе знатоки черкесскихъ правовъ, какъ Тэтбу-де-Мариньи и Кохъ. Первый говоритъ ¹⁾, что въ случаѣ адюльтера со стороны жены черкесы ограничиваются полученіемъ опредѣленной суммы за несправедливость, нанесенную мужу, который не осмѣливается посягнуть на жизнь своего соперника, такъ какъ за его смерть онъ отвѣтилъ бы его родственникамъ. Женщины бываютъ въ такихъ случаяхъ биты и продаваемы, находятся даже такіе жестокосердые мужья, которые отрѣзаютъ своимъ женамъ уши, носъ и т. д.

Наравнѣ съ трусостью и убійствомъ, говоритъ Кохъ ²⁾, прелюбодѣяніе является однимъ изъ величайшихъ преступленій. Несмотря на большую свободу женскаго пола у черкесовъ, при которой прелюбодѣяніе болѣе доступно, случаи таковой однако рѣдки.... Прелюбодѣй находится.... въ рукахъ оскорбленнаго мужа, и этотъ имѣетъ полное право убить его, если захватить его на мѣстѣ преступленія... Тѣмъ не менѣе однако, если онъ прелюбодѣя убилъ, онъ подпадаетъ кровавой мести.

Также убійство жены и нанесенный ей позоръ отрѣзываніемъ ушей, носа, рукавовъ у платья вызываетъ со стороны ея родныхъ кровавую месть. Въ виду этого дѣло обходится проще: любовникъ платитъ 25 быковъ; это количество, кстати сказать, платятъ и за соблазнъ дѣвицы. Даже простая отсылка жены домой вызываетъ уже вражду. Послушаемъ также, что говорятъ другіе авторы объ общности замужнихъ женщинъ. По Клапроту ³⁾, у черкесовъ одинаково требуется цѣ-

¹⁾ Taitbout de Marigny, Voyage en Circassie. 1836, p. 85.

²⁾ Koch, *ib.*, I, S. 369—370.

³⁾ Julius Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien. Halle und Berlin 1812—1814, I, S. 574.

ломудріе какъ отъ незамужнихъ такъ и отъ замужнихъ. Оказавшаяся нецѣломудренной дѣвушка отсылается къ родителямъ, которые должны возвратить калымъ. Прелюбодѣйной женѣ надрѣзываютъ уши, обрѣзываютъ рукава у одежды. Прелюбодѣй подвергается смерти отъ руки мужа или его друзей. Палласъ ¹⁾ говоритъ о свободномъ общеніи молодежи („frei miteinander umgehen“) между собою, но ничего не говоритъ о гетеризмѣ замужнихъ женщинъ, а я думаю, что такой серьезный изслѣдователь не могъ бы не обратить вниманія на это. Анонимный авторъ — офицеръ ²⁾ рассказываетъ, что замужнія женщины никого не видятъ... Не переступаютъ за порогъ безъ длиннаго покрывала на лицѣ. Дѣвушки, напротивъ, показываются въ обществѣ мужчинъ и могутъ даже въ присутствіи старой женщины принимать у себя гостей. По отношенію къ женской добродѣтели черкесъ очень чувствителенъ и за всякое нарушеніе ея онъ безпощадно мститъ. Потеря невинности не считается для дѣвушки преступленіемъ, но только несчастіемъ; виновный искупаетъ вину женитьбой на соблазненной имъ дѣвушкѣ, въ противномъ случаѣ онъ подвергается кровомщенію (канлы).

Незамужнія женщины, говоритъ Карлгофъ ³⁾, пользуются свободой и могутъ показываться постороннимъ людямъ, замужнія же, по восточному обычаю, закрываютъ свои лица и ведутъ жизнь затворническую.

У черкесовъ Кабардинскаго округа, по словамъ Грабовскаго ⁴⁾, не особенно строго, относительно, осуждаютъ изнасилованіе дѣвицъ и вдовъ, но страшно и неумолимо преслѣ-

¹⁾ P. S. Pallas, Bemerkungen auf einer Reise in die südlichen Statthalterschaften des russischen Reichs in den Jaren 1799—1801, I S. 387.

²⁾ V. Erinnerungen eines Officiers des kaukasischen Corps. Berlin 1868, Bd II, S. 93.

³⁾ Карлгофъ, ib., стр. 524.

⁴⁾ Грабовскій, Очеркъ суда etc., въ Сб. св. о к. горц. IV, стр. 42.

дуютъ изнасилованіе замужнихъ женщинъ, при чемъ не только за изнасилованіе, но и за покушеніе къ этому виновные рас-
плачиваются жизнью. Interiano, который сравнительно такъ
много подмѣтилъ и описалъ особенностей въ бытѣ черкесовъ,
ничего не говоритъ о гетеризмѣ замужнихъ, а наоборотъ, о
сравнительной вольности дѣвицъ ¹⁾. „Lasciano maneggiare
le loro faciulle uergine del capo ali piedi precipue in presentia
de parenti saluato sempte lacto unereo.... Intrano dicte pon-
celle nude ne li fiumi adochij uedeti di ogniuono“.... Я думаю,
что послѣ приведенныхъ данныхъ едва-ли можно говорить объ
„общности“ замужнихъ женщинъ и противоположно ей цѣло-
мудріи дѣвушекъ у черкесовъ.

IV.

Но если мы не имѣемъ никакого основанія говорить о
переживаніяхъ группового брака на Кавказѣ, то многое, какъ
мы увидимъ далѣе, говорить за то предположеніе, что тамъ,
повидимому, былъ распространенъ семейный бракъ. Этимъ
терминомъ я хочу сказать, что цѣлая группа мужчинъ, при-
надлежавшая къ одной семьѣ, имѣла своихъ женъ сообща. За
это между прочимъ говорить и семейная организація кавказ-
скихъ горцевъ вообще—ея солидарность, ея прочность, ея не-
раздѣльность. Такъ, напримѣръ, у чеченцевъ женатый сынъ
обыкновенно строить себѣ отдѣльную саклю, но владѣть зем-
лей сообща съ отцомъ. Въ подобныхъ большихъ семьяхъ
большакомъ является отецъ, за его смертью его власть пере-
ходитъ къ старшему сыну. Большакъ носитъ названіе „цен-
да“. Если одинъ изъ членовъ семьи уходитъ на заработки,
онъ долженъ приносить отцу все заработанное ²⁾.

¹⁾ Giorgio Interiano, *La vita et sito de Żychi, chiamati cir-
cassi, historia notabile; Venetiis apud Aldum, mense Octobri 1502.*

²⁾ Харузинъ, *ib.*, стр. 123.

Когда у черкесовъ, по словамъ Коха, находятся на лицо взрослые сыновья, они женятся, но остаются однако въ своей семьѣ до тѣхъ поръ, пока живъ отецъ, власть котораго до какъ и послѣ остается въ своей силѣ. Даже послѣ смерти главы семьи, послѣдняя не всегда распадается, часто всѣ члены соединяются подъ властью старшаго брата ¹⁾.

У хевсуръ и тушинъ къ совмѣстно живущимъ родственникамъ доселѣ примѣняется положеніе законника Вахтанга, которое, по собственному сознанию законодателя, является не болѣе, какъ записью вѣками установившагося обычая: „пока братья не раздѣлены—и печаль и радость, и выгода и невыгода, и потеря, и приобрѣтеніе, и жалованіе, и отнятое—все общее между ними“ ²⁾.

Сплоченность семьи въ Осетіи, по словамъ Кокіева, замѣчательна; она необходимо вызывается бытовыми и социальными условіями. Мы видимъ семьи душъ въ 40 и болѣе, потому что раздѣлъ между братьями при жизни родителей явленіе слишкомъ рѣдкое и ненормальное, зависящее отъ исключительныхъ причинъ ³⁾.

Большой стыдъ тому изъ сыновей, который отдѣляется при жизни отца и матери ⁴⁾.

Интересно, что тѣсная прочность семьи существуетъ и у армянъ ⁵⁾.

Прочная организація семьи была бы и безъ этихъ указаний понятна. Если горцы для поддержанія независимости своего существованія искали союзовъ, доходящихъ численностью до сотенъ и тысячъ человѣкъ, логичнымъ является за-

¹⁾ Koch, *ib.*, I, S. 376.

²⁾ Ковалевскій, *ib.*, II, стр. 106.

³⁾ Кокіевъ, Записки о бытѣ осетинъ, Сб. матер. по этногр., вып. I стр. 76—77; также Koch, *ib.*, II, S. 104—105, также Haxthausen, *Transkaukasien*. Leipzig 1856, Bd. II S. 26.

⁴⁾ Обзоръ російскихъ владѣній за Кавказомъ. С.-Петербургъ 1836, часть II, стр. 198.

⁵⁾ Haxthausen, *ib.*, S. 199—200.

ключеніе, что они не могли пренебрегать тѣмъ естественнымъ союзомъ, въ который они вступали въ силу своего рожденія, т. е. семьей. Въ этой общественной единицѣ, гдѣ все основывалось на полной солидарности и все зависѣло отъ взаимнаго поддержанія мира, нетрудно предположить и общность женъ, которыя покупались на общія средства семьи, или добывались общими усиліями путемъ похищенія. Къ этой солидарности, какъ причинѣ общности женъ въ семьѣ, присоединялся, повидимому, и тотъ фактъ, что добываніе женъ тѣмъ или инымъ путемъ при необезпеченной жизни горцевъ было сопряжено съ большими препятствіями—семьѣ, вѣроятно, приходилось довольствоваться количествомъ женъ, которое по числу уступало таковому мужчинъ въ семьѣ. Косвеннымъ указаніемъ того, что эта бѣдность отчасти должна была вліять на возникновеніе семейнаго брака, можетъ служить то, что въ позднѣйшія времена при установившейся обособленной брачной жизни, у горцевъ Кавказа, несмотря на магометанство, которое такъ способствуетъ развитію полигаміи, институтъ этотъ почти не развился совсѣмъ. Многіе авторы видятъ причину этого явленія въ бѣдности. Такъ, напримѣръ, хотя многоженство у черкесовъ дозволяется обычаемъ, но немногіе черкесы имѣютъ болѣе одной жены; причина этому—дороговизна содержанія лишней жены ¹⁾.

У чеченцевъ и ингушей, какъ магометанъ, многоженство допускается, немногіе однако пользуются этимъ правомъ; причиной этого большой калымъ и дороговизна содержанія жены ²⁾.

Между горцами Дагестана многоженство также мало распространено вслѣдствіе ихъ бѣдности ³⁾.

¹⁾ Леонтовичъ, *ib.*, стр. 173.

²⁾ Харузинъ, *ib.*, стр. 125—126.

³⁾ Н. Львовъ, Домашняя и семейная жизнь дагестанскихъ горцевъ, въ Сб. св. о кавк. г., вып. III, стр. 20.

У осетинъ только богатые имѣють двѣ, рѣдко три, жены, а въ общемъ многоженство у нихъ рѣдко ¹⁾.

Хотя у горскихъ татаръ, по закону магометанскому, многоженство и разрѣшается, но оно не въ ходу у нихъ, потому что трудно отыскать и одну жену, большія издержки разорительны и для одной свадьбы, тяжело прокормить и одну небольшую семью ²⁾.

Такимъ образомъ солидарность семьи съ одной стороны и бѣдность ея съ другой должны были быть причиной установленія семейнаго брака. Если это такъ, если это предположеніе вѣрно, въ такомъ случаѣ все, что нарушало эту традицію общности женъ въ семьѣ, должно было вызывать протестъ со стороны членовъ семьи, заинтересованныхъ въ удержаніи стараго порядка, а главнымъ образомъ протестъ долженъ былъ послѣдовать прежде всего со стороны тѣхъ, кто считался представителемъ семьи, ея прочности, именно со стороны родителей, а затѣмъ уже со стороны и другихъ членовъ. Понятно, кто нарушаетъ святость установившагося семейнаго порядка, грѣшитъ не только противъ своей семьи, но и противъ цѣлаго общества, для котораго была дорога прочность входящихъ въ него элементовъ, грѣшитъ, слѣдовательно, противъ общественной этики и этимъ долженъ былъ вызвать протестъ также со стороны и цѣлаго общества и главнымъ образомъ въ лицѣ охранителей порядка—стариковъ. Посмотримъ, на сколько это все оправдывается тѣми брачными обычаями и церемоніями, въ которыхъ стразились черты старины. Я постараюсь указать лишь самыя характерныя изъ нихъ. У кабардинцевъ все время, пока совершается поѣздка за невѣстой, въ которой женихъ не принимаетъ участія, онъ скрывается у товарища, который за нимъ ухаживаетъ и при-

¹⁾ Klaproth, *ib.*, II, S. 597; также Haxthausen, *ib.*, Bd II, S. 23, также Robert Lyall, *Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia*, in two volumes. London, 1825, II, p. 174.

²⁾ Тепцовъ, По истокамъ Терека и Кубани, въ Сб. мат. для опис. м. и пл. К., XIV, стр. 178.

нимаешь всё предосторожности, чтобы онъ не натолкнулся на кого-нибудь изъ старшихъ въ домѣ, отъ которыхъ онъ долженъ скрываться до примиренія; послѣднее происходитъ нѣсколько дней спустя такимъ образомъ. По сторонамъ сакли становятся старики. Въ одномъ углу стоятъ дѣвушки; въ переднемъ углу отецъ и мать молодого и избранный почтенный старикъ, держа въ рукахъ чашу бузы для молодого, который въ это время въ сопровожденіи товарищей своихъ стоитъ за дверьми. Старецъ громкимъ голосомъ говорить: „сынъ нашъ! ты доставилъ намъ то, что мы до сей поры не имѣли, тебѣ, навѣрно, показалось, что ты совершилъ преступленіе, и потому ты такъ долго скрывался отъ насъ...“¹⁾.

У черкесовъ молодой мужъ приводитъ свою жену не прямо въ свой домъ, но временно оставляетъ ее у кого-нибудь изъ своихъ друзей²⁾.

Во время медоваго мѣсяца молодой супругъ не долженъ показываться на глаза своимъ родителямъ, также какъ и никому изъ старшихъ и знатныхъ мужей; при встрѣчѣ съ кѣмъ либо изъ таковыхъ онъ пускается въ бѣгство, какъ будто-бы онъ совершилъ какое либо преступленіе³⁾.

Если мужъ новобрачной имѣетъ родителей или старшаго брата, то обыкновенно удаляется въ домъ какого либо своего пріятеля и оттуда посѣщаетъ молодую супругу по захожденіи солнца въ сопровожденіи одного молодого человѣка⁴⁾.

Белль даже говоритъ, что, лишь сдѣлавъ подарки своимъ родителямъ и поцѣловавъ имъ руки, молодой мужъ получаетъ право посѣщать свою жену⁵⁾.

¹⁾ Талибъ Кашежевъ, Свадебные обряды кабардинцевъ. Этнографическое обозрѣніе 1892, IV, стр. 153.

²⁾ A. Bergé, ib. S. 16.

³⁾ Theophil Łapiński (Tefik Bey), Die Bergvölker des Kaukasus und ihr Freiheitskampf gegen die Russen. 2 Bände. Hamburg 1863, Bd I, S. 147.

⁴⁾ Х. Г., Вѣра, нравы, обычаи и образъ жизни черкесъ. Русскій Вѣстникъ 1842, № 1.

⁵⁾ Bell, ib. vol. II, p. 221—222.

У горскихъ татаръ отношеніе родныхъ жениха къ собирающемуся жениться сочлену самое пассивное. Если онъ остается жить въ семьѣ, то онъ ничего не получаетъ на расходы по задуманному браку. Калымъ и все остальное онъ долженъ заготовить своими собственными трудами. Родные помогаютъ ему въ этомъ случаѣ, но такъ, чтобы цѣльность хозяйства не нарушалась. Родные жениха не принимаютъ никакого участія даже въ сдѣлкѣ съ родными неvěсты. Онъ предоставленъ самому себѣ... Но вотъ уже все улажено... неvěста прибыла въ деревню жениха, но она помѣщается не въ домѣ жениха, а у кого либо изъ его ближайшихъ родственниковъ, гдѣ и происходитъ пирь... Женихъ же, по обычаю, въ день привоза неvěсты долженъ скрыться въ домѣ кого либо изъ своихъ пріятелей, который такимъ образомъ становится его родственникомъ (болушъ); родство это равно по силѣ и значенію родству кровному. Женихъ не долженъ никому показываться на глаза недѣлю, иногда мѣсяцъ, а у князей и нѣсколько мѣсяцевъ. Если новобрачнаго встрѣтятъ на улицѣ даже ночью, то избыютъ палками и загонятъ его въ его убѣжище. Къ женѣ онъ уходитъ глубокою ночью и то тайкомъ, воровски. Съ разсвѣтомъ онъ снова скрывается, а къ женѣ снова сходятся гости и веселятся. Если знаютъ, что новобрачный прокрался къ женѣ и заперся съ нею въ саклѣ, то молодежь взбирается на крышу сакли и бросаетъ въ трубу камина кошекъ, пѣтуховъ, щенятъ и всякую мерзость. Новобрачный все время своего заключенія считается нечистымъ; обычай даже запрещаетъ прикасаться къ нему въ теченіе семи дней минимума заключенія. Если обстоятельства не позволяютъ скрываться долѣе семи дней,—назначается день выкупа, при наступленіи котораго въ опредѣленное мѣсто привозятъ отъ жениха пиво, барановъ и т. д. Новобрачный всенародно объявляется очистившимся и законнымъ мужемъ¹⁾.

У осетинъ, когда женихъ приводитъ неvěсту къ своему дому, то въ дверяхъ ее толкаютъ, щиплютъ деревенскіе

¹⁾ Тепцовъ, *ib.*, стр. 169—170, 177—178.

мальчики, она не должна защищаться или издавать какой либо звукъ ¹⁾).

У нихъ молодой мужъ первые четыре дня не смѣетъ показываться родителямъ своимъ ²⁾. Онъ живетъ у шафера и въ свой домъ приходитъ только поздно вечеромъ, уходя обратно утромъ. Приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы шаферъ рѣжетъ барана и отводитъ новобрачнаго въ домъ отца его; съ этого времени новобрачный находится дома и отъ людей не укрывается ³⁾).

Осетинская дѣвушка, сдѣлавшись невѣстой, можетъ являться лишь на тѣ увеселенія, гдѣ не можетъ встрѣтиться съ какими либо дальними или близкими родственниками жениха, отъ которыхъ она, по обычаю, должна скрываться; и послѣ замужества обычай такъ же строго предписываетъ ей скрываться отъ всѣхъ родственниковъ мужа, значительно превосходящихъ ее лѣтами, даже съ его родителями, братьями и сестрами она не должна говорить ⁴⁾).

У дагестанскихъ горцевъ въ назначенный для бракосочетанія день женихъ уходитъ изъ своего дома къ товарищу или родственнику ⁵⁾).

У чеченцевъ обычай не дозволяетъ молодой женщинѣ въ первые дни своего замужества говорить съ отцомъ своего мужа или старшими родственниками. Всѣ ихъ приказанія она исполняетъ молча ⁶⁾).

¹⁾ Haxthausen, ib. II S. 22.

²⁾ А. Л. Зиссерманъ, Отрывки изъ моихъ воспоминаній, Русскій Вѣстникъ 1878/XI, стр. 88.

³⁾ А. Цаллаговъ, Селеніе Гизель, Сб. мат. для опис. м. и пл. К. XVI, стр. 14.

⁴⁾ Джантемиръ Шанаевъ, Бракъ у сѣверныхъ осетинъ, Сб. св. о к. г., IV, стр. 11—12, 29; также—Haxthausen, ib., II, S. 23.

⁵⁾ Львовъ, ib., III стр. 24.

⁶⁾ А. П. Ипполитовъ, Этнографическіе очерки Аргунскаго округа, Сб. св. etc., I, стр. 11.

У ингушъ женихъ не принимаетъ участія какъ въ поѣздкѣ за невѣстою, такъ и въ свадебномъ пиршествѣ, и все это время скрывается гдѣ-нибудь у родственниковъ или въ домѣ друга ¹⁾. У нихъ же женихъ не можетъ видѣть свою родную мать цѣлый мѣсяцъ послѣ свадьбы ²⁾.

У закавказскихъ татаръ замужняя женщина не должна разговаривать съ членами семейства мужского пола ³⁾.

У удиновъ невѣста въ присутствіи старшаго девера, свекра и постороннихъ старцевъ закрывается въ теченіе лѣтъ десяти—пятнадцати, а не говоритъ почти до старости своей ⁴⁾.

У хевсуръ каждый послѣ женитьбы заводится особымъ домомъ, считая за стыдъ быть съ женою при другихъ ⁵⁾.

У сванетовъ женихъ и невѣста встрѣчаются черезъ годъ или полгода послѣ свадьбы, и хотя все это время невѣста живетъ у родителей жениха, но ложится спать всегда съ другими, а не съ женихомъ ⁶⁾.

Такимъ образомъ въ приведенныхъ примѣрахъ, думаю, съ достаточной ясностью видно, что вся враждебность, весь протестъ индивидуализаціи брака совершается внутри семьи; посторонніе участвуютъ при этомъ, главнымъ образомъ, въ лицѣ стариковъ, какъ охранителей общественной этики. Молодежь чужая не принимаетъ въ этомъ протестѣ почти никакого участія, да оно и понятно—каждый изъ нихъ самъ рассчитывалъ совершить въ будущемъ такое же преступленіе. Наоборотъ, мы видимъ, что женихъ находитъ пріютъ и покровительство для своей молодой жены и для себя самого у ко-

¹⁾ Грабовскій, „Ингуши“, въ Сб. св., etc., IX, стр. 48.

²⁾ Свадебные обычаи и обряды чеченцевъ и ингушей, записанные В. Н. Акимовымъ, Сб. мат. по этнографіи, III, стр. 149.

³⁾ А. Захаровъ, Домашній и социальный бытъ женщины у закавказскихъ татаръ, Сб. мат. для опис. etc., XX, стр. 132.

⁴⁾ М. Бежановъ, Краткія свѣдѣнія о селѣ Верташенъ и его жителяхъ, Сб. мат. etc., XIV, стр. 244.

⁵⁾ Зиссерманъ, ib., 1877/I, стр. 170.

⁶⁾ Д. Маргіани, Сванеты, въ Сб. мат. etc., X, стр. 77.

го-нибудь изъ молодежи, и если эта³ же молодежь устраиваетъ молодому мужу разные скандалы въ первую брачную ночь, то скорѣе изъ подражанія семейному протесту, быть можетъ, даже по желанію членовъ семьи.—Лицо, совершившее преступленіе, естественнымъ образомъ, должно было скрывать все то, что является результатомъ его, все, что напоминаетъ объ этомъ преступленіи. Лицо, взявшее себѣ жену въ исключительное пользованіе, совершило преступленіе противъ своей семьи и потому должно было стараться скрывать плоды этого преступленія; плодами же этого преступленія были жена и дѣти. Вотъ почему его близкія отношенія къ нимъ должны были быть скрываемы. Жену онъ посѣщаетъ тайно, не говорить съ ней, не называетъ ея по имени, то же отношеніе и со стороны жены; съ дѣтьми они оба холодны, ихъ воспитываютъ на сторонѣ, не ласкаютъ, не говорятъ о нихъ и т. д.

У черкесовъ считается неприличнымъ мужу показываться вмѣстѣ со своей женой внѣ своего дома и отцу ласкать своихъ дѣтей въ присутствіи постороннихъ¹⁾. Мужъ посѣщаетъ свою жену тайно черезъ слуховое окно, и во всю свою жизнь онъ никогда не находится съ ней вмѣстѣ, когда у нея чужіе посѣтители, даже неохотно выслушиваетъ разговоры объ его женѣ и дѣтяхъ и считаетъ для себя за оскорбленіе, когда его спрашиваютъ о здоровьи его жены²⁾.

У кабардинцевъ до старости лѣтъ мужъ къ женѣ своей не входитъ днемъ, а живетъ въ особой кунацкой; несохраненіе этого обряда считается безчестіемъ³⁾.

У осетинъ жена въ теченіе трехъ лѣтъ не должна говорить ни съ кѣмъ и даже съ мужемъ при другихъ, хотя-бы ближайшихъ родныхъ⁴⁾.

1) Dubois de Montpérenx, Voyage autour du Caucase... 3 vol. Paris 1839, vol. I, p. 115, также Koch, ib., I S. 380, 412, также Карлгофъ, ib., стр. 524, также Klaproth, ib., I, S. 574, также Bell, ib., II, p. 222, также Taitbout de Marigny, ib., p. 40.

2) Pallas, ib., I, S. 379, 387—388.

3) Леонтовичъ, ib. I, стр. 248.

4) Зиссерманъ, ib., стр. 88.

Избави Богъ, чтобы осетинъ взялъ своего ребенка на руки и приласкалъ его въ присутствіи кого-нибудь, а въ особенноти старшаго, или родной матери, отца и т. д. Если онъ это сдѣлаетъ, ему руки никто не подастъ и всякій можетъ такому человѣку безнаказанно плюнуть въ глаза ¹⁾).

У тушинъ даже въ преклонныхъ лѣтахъ приличіе не допускаетъ при другихъ нѣжностей между супругами, родителями и дѣтьми, и особенно между отцомъ и сыномъ ²⁾). Отецъ, узнавъ о рожденіи сына, стыдится проявить свою радость, даже между приближенными и друзьями ³⁾).

У абхазцевъ новобрачные въ теченіе многихъ лѣтъ послѣ брака не имѣютъ права въ присутствіи отца, матери, старшаго брата или гости находиться вмѣстѣ. Если мужъ входитъ въ комнату, гдѣ находится одно изъ названныхъ лицъ, жена сейчасъ удаляется изъ комнаты и наоборотъ ⁴⁾).

У хевсуръ мужъ избѣгаетъ разговора съ женой при постороннихъ, фамильярнаго обращенія, воздерживается отъ всякихъ нѣжностей съ нею, на супружескія свиданія отправляется въ глухую полночь ⁵⁾).

У чеченцевъ первое время послѣ свадьбы женщина не имѣетъ права ни видѣться, ни говорить со своимъ мужемъ не только въ присутствіи постороннихъ, но даже и родственниковъ. Мужъ посѣщаетъ жену тайно и старается, чтобы объ его посѣщеніи никто не зналъ, въ противномъ случаѣ онъ подвергается различнымъ шуткамъ и насмѣшкамъ ⁶⁾). Впрочемъ, у чеченцевъ и женихъ съ невестой послѣ сговора могутъ видѣться лишь тайкомъ; если они встрѣтятся при другихъ, приличіе требуетъ, чтобы они не говорили другъ съ другомъ ⁷⁾).

¹⁾ Кокіевъ, *ib.*, стр. 76.

²⁾ Зиссерманъ, *ib.*, стр. 197.

³⁾ *ib.*, стр. 196.

⁴⁾ Н. М. Альбовъ, Этнографическія наблюденія въ Абхазіи. Живая Старина, в. III, годъ 3. 1893, стр. 318.

⁵⁾ Зиссерманъ, *ib.*, 1877, I, стр. 170.

⁶⁾ Ипполитовъ, *ib.*, стр. 11.

⁷⁾ Леонтовичъ, *ib.*, II, стр. 97.

У сванетовъ считается весьма неприличнымъ спросить мужа о здоровьи жены или хоть пить за ея здоровье при постороннихъ. Мужъ конфузится, когда его застаютъ въ одной комнатѣ съ женой; на дорогѣ ихъ рѣдко встрѣтишь вмѣстѣ ¹⁾).

У ингушей считается не только неприличнымъ взять на руки или приласкать своего ребенка, но даже, въ присутствіи другихъ, называть его по имени. Точно также считается непозволительнымъ назвать свою жену по имени или вообще говорить о ней или о дѣтяхъ что-нибудь ²⁾).

У пшавовъ считается предосудительнымъ для супруговъ называть другъ друга по имени, и они сходятъ въ могилу, не зная другого обращенія, кромѣ „эй ты“, строго избѣгая, чтобы не сорвалось собственное имя ³⁾).

Разъ обычай требуетъ холодности къ дѣтямъ, укрывательства своихъ отношеній къ нимъ и т. д., нетрудно понять, что родителямъ, или вѣрнѣе отцу, невозможно воспитывать ихъ дома, ибо это привело бы къ нарушенію этикета—вотъ почему ихъ посылаютъ на сторону къ чужимъ людямъ для воспитанія.

У осетинъ послѣ рожденія, спеленанія ребенка въ первый разъ и нареченія ему имени его отбираютъ у матери и отдаютъ на воспитаніе въ постороннее семейство, проживающее иногда на далекомъ разстояніи. Мать и отецъ не видятъ своего ребенка въ продолженіе одного года. По истеченіи же года воспитатель и жена его приводятъ ребенка на свиданіе къ родителямъ и затѣмъ его снова увозятъ къ себѣ, гдѣ онъ остается до 6-ти лѣтняго возраста ⁴⁾).

¹⁾ Стояновъ, Путешествіе по Сванетіи. Записки Кавк. отд. Импер. Геогр. общ., 1876, XIII, стр. 436.

²⁾ Грабовскій, Ингуши etc., стр. 49.

³⁾ А. С. Хахановъ, О Можевахъ и Пшавлахъ, Сб. мат. по этн., в. III, стр. 93.

⁴⁾ Д-ръ В. Пфафъ, Народное право Осетинъ, Сборникъ свѣдѣній о Кавказѣ, I, стр. 185.

У черкесовъ сыновья и дочери тотчасъ послѣ ихъ рожденія отдаются на воспитаніе одному изъ дворянъ, и родители, а особенно отецъ, видятъ мальчика снова не ранѣе, пока онъ вырастетъ и не сдѣлается способнымъ носить оружія; дѣвочки же не ранѣе, какъ послѣ замужества ¹⁾. Во все время воспитанія не только ничего не узнаютъ о своемъ ребенкѣ, но считалось бы даже неприличнымъ, если бы отецъ или мать наводили справки о таковомъ ²⁾. Эта система воспитанія существуетъ у абхазцевъ и частью у грузинъ ³⁾.

V.

При разсмотрѣніи переживаній материнства на Кавказѣ слѣдуетъ имѣть въ виду, что у всѣхъ кавказскихъ народовъ уже давно существуетъ прочно установившійся институтъ отчества. Переживанія эти тѣмъ болѣе замѣчательны, что являются отголоскомъ далекой старины, уцѣлѣвшей въ борьбѣ съ противоположнымъ теченіемъ. Институтъ материнства, какъ могучій дубъ, повидимому, пустилъ глубокіе корни въ бытѣ горцевъ, корни, которыхъ не могло вырвать враждебное ему отчество. Материнство уступило поле битвы не сразу, тутъ и тамъ отъ великаго погрома остались слѣды, которые говорятъ намъ о сѣдой старинѣ. Какъ и вездѣ, при такихъ важныхъ бытовыхъ катастрофахъ первымъ повѣствователемъ оказывается народная легенда, которая въ фантастической формѣ, гдѣ божественное или сверхъестественное перемѣшано съ земнымъ, говоритъ намъ о далекомъ прошломъ. Такую легенду мы находимъ у ингушей. Нѣкто Чона имѣетъ связь

¹⁾ Pallas, *ib.*, I, S. 388, также A. Bergé, *ib.*, S. 17, также Dubois de Montpéreux, *ib.*, I, p. 115—116, также Карлгофъ, *ib.*, стр. 524—525.

²⁾ Koch, *ib.*, S. 381 etc.

³⁾ Dubois de Montpéreux, *ib.*, I, p. 116.

съ лѣсной женщиной, отъ которой у него были двѣ дочери. Лѣсная женщина захотѣла испытать храбрость Чоны и оставила его одного въ лѣсу, предупредивъ, что въ полночь его посѣтитъ лѣсной человѣкъ. Въ полночь появилось, дѣйствительно, чудовище, въ которое Чона выстрѣлилъ: „я братъ той женщины, которая живетъ съ тобой! сказала чудовище, напрасно ты выстрѣлилъ въ меня!“ „Ты убилъ брата моего“, упрекала Чону потомъ лѣсная женщина, но все таки продолжала съ нимъ связь, отъ которой у нихъ родился сынъ. Когда сынъ подросъ, Чона сталъ опасаться отмщенія отъ него за убитаго дядю. Онъ долженъ былъ прекратить свою продолжительную связь съ лѣсной женщиной, онъ даже боялся ходить въ лѣсъ... Но разъ онъ встрѣтилъ своего сына. Между ними произошла драка. Чона былъ раненъ и ограбленъ своимъ сыномъ въ отмщеніе за дядю ¹⁾.

Въ этой легендѣ прекрасно отразилась суть материнства—близкая связь съ родомъ матери, съ его главнымъ представителемъ, съ братомъ матери. Эта роль дяди по матери, на которую указываетъ легенда, сохранилась и въ дѣйствительномъ быту горцевъ. У тѣхъ же ингушей, согласно обычаю, дядя обязанъ племяннику своему—сыну сестры, а не брата, по достиженіи этимъ послѣднимъ 16 или 17 лѣтняго возраста, сдѣлать барчъ, т. е. почетную плату въ видѣ хорошей лошади рублей въ 30. Этотъ подарокъ до того обязателенъ, что племянникъ, долго не получающій отъ дяди своего означеннаго подарка, можетъ отнять такой барчъ силой, обманомъ или воровствомъ ²⁾.

У горскихъ татаръ, при избраніи сватовъ, самымъ почетнымъ лицомъ считается дядя по матери ³⁾.

¹⁾ Чахъ Ахріевъ, Ингуши, Сб. св. о к. г., в. VIII, стр. 28—29; см. Сокольскій въ Ж. Мин. Н. Пр. 1881/XI, стр. 40—41.

²⁾ Грабовскій, Ингуши etc. стр. 102, также Сокольскій, ib., стр. 43.

³⁾ Тенцовъ, ib., стр. 175.

У удиновъ родители жениха вступаютъ въ соглашеніе съ дядею по матери дѣвушки и отправляютъ его съ миссіею свата къ ней, за это женихъ платитъ ему, по обычаю, одинъ рубль; эта плата носитъ особое названіе, халиклу т. е. доля дяди ¹⁾.

У осетинъ въ числѣ подарковъ, которые дѣлалъ женихъ, былъ между прочимъ одинъ подѣ названіемъ мадырвадыбахъ, т. е. конь для ближайшаго родственника матери неvě-сты, каковымъ, конечно, являлся ея братъ ²⁾.

У пшавовъ, въ случаѣ убійства, дядя по матери можетъ требовать отъ убійцы особаго платежа, размѣръ котораго достигаетъ иногда 220 барановъ ³⁾.

У хевсуръ и тушинъ при кровомщеніи дядя по матери играетъ первенствующую роль. Чтобъ получить отъ него прощеніе, нужно дать ему особый выкупъ за кровь. На него падала обязанность разорвать домъ ближайшаго родственника убійцы ⁴⁾.

Въ закательскомъ округѣ, въ Дагестанѣ, лошадь, на которой сидитъ неvěста во время ея переѣзда къ жениху, ведетъ подѣ уздцы ея дяди по матери ⁵⁾.

Рядомъ съ дядею по матери, который во время существованія материнства долженъ былъ играть роль старшаго, замѣнять отца, быть защитникомъ и покровителемъ дѣтей своихъ сестеръ, стоитъ также братъ, какъ второй естественный защитникъ и покровитель сестры.

Кавказская этнологія даетъ намъ въ этомъ отношеніи замѣчательныя указанія.

Закавказскіе татары говорятъ, что „у дѣвочки языкъ высохнетъ, если она будетъ бранить своего брата“. Тамъ суще-

¹⁾ Бежановъ, *ib.* стр. 233.

²⁾ Дж. Шанаевъ, *ib.*, стр. 13. (прим.).

³⁾ Дубровинъ, *Исторія войны и владычества на Кавказѣ*, цит. у Ковалевскаго, *Законъ*, etc., II, 100—101.

⁴⁾ Ковалевскій, *ib.*, II, стр. 116.

⁵⁾ *ib.*, II, стр. 186.

ствуется, между прочимъ, легенда, въ которой близость брата и сестры рельефно выступаетъ. Однажды ханъ приказалъ казнить мужа, сына и брата одной женщины. Она бросилась къ ногамъ хана и стала просить о пощадѣ. Ханъ обѣщаль помиловать, но лишь одного изъ нихъ, причемъ выборъ предоставилъ женщинѣ. Она попросила за брата. А почему-же ты не просишь за мужа или сына, спросилъ ханъ? „Мужа, сказала женщина, я найду на улицѣ, сына въ утробѣ, а брата нигдѣ не найду“. Обычная клятва татарки: „клянусь головой моего брата“. Брать дѣвушки, поссорившись съ ея женихомъ, можетъ выдать ее замужъ за другого ¹⁾.

У удинцовъ во время обрученія брату невесты подносятъ особый подарокъ изъ разныхъ сластей подъ названіемъ „Тапакъ“. Интересно, что на этомъ угощеніи родители не присутствуютъ. У нихъ также братъ долженъ завязать невестѣ поясъ, когда ее одѣваютъ къ вѣнцу, иначе съ ней несчастье случится ²⁾.

У чеченцевъ существуетъ обычай, по которому можно получить дѣвушку съ согласія ея брата. Если, именно, братъ выпьетъ съ кѣмъ либо за здоровье своей сестры, и приметъ отъ него подарокъ, этимъ уже сестра считается просватанною; онъ обязанъ принудить отца выдать ее замужъ за того, съ кѣмъ пилъ за здоровье сестры. Въ противномъ случаѣ, тотъ, отъ кого онъ принялъ подарокъ, преслѣдуетъ его, какъ за кровную обиду ³⁾.

У дагестанскихъ горцевъ на свадьбѣ братъ невесты снимаетъ повязку съ ея лица, за что ему дается шелковый платокъ ⁴⁾.

У пшавовъ лишь на могилѣ брата женщина обрѣзаетъ себѣ косу въ знакъ печали ⁵⁾.

¹⁾ Захаровъ, *ib.*, 106—107, 129.

²⁾ Бежановъ, *ib.* стр. 232—234, 252.

³⁾ Акимовъ, *ib.*, 144.

⁴⁾ Ковалевскій, *ib.*, 187 (прим.).

⁵⁾ *ib.*, II, стр. 75.

Кромѣ роли дяди по матери и брата при материнствѣ, конечно, играетъ роль и весь родъ со стороны матери вообще. И въ этомъ отношеніи кавказская этнологія даетъ намъ интересный матеріалъ, показывающій, что, несмотря на прочно установившійся институтъ отчества, связь съ родомъ матери не прерывалась.

У чеченцевъ, въ случаѣ убійства сына, отецъ хотя и не подвергался мести и не долженъ былъ платить выкупа, но обязанъ былъ заключить миръ съ родственниками своей жены, т. е. съ родственниками матери убитаго. Впрочемъ, иногда случалось, что сыновья мстили отцу за убійства брата ¹⁾.

У осетинъ за убіеніе жены мужемъ было положено кровомщеніе. Мстили братья жены ²⁾.

У кумыковъ, въ случаѣ убійства брата роднымъ братомъ, дѣло остается въ семействѣ, и убійца считается канлы только предъ отцомъ, матерью и другими родными братьями. Если же убійца съ убитымъ братья отъ разныхъ матерей и если у убитаго остался братъ отъ одной матери съ нимъ, этому послѣднему принадлежитъ право мести ³⁾.

Въ Самурскомъ округѣ южнаго Дагестана за убійство матери виновный платитъ за кровь родственникамъ убитой и часть своему отцу, а въ случаѣ если отецъ убійцы не находится въ живыхъ, то вся плата за кровь поступаетъ родственникамъ матери.

За убійство жены виновный платитъ за кровь родственникамъ жены, и если имѣетъ сыновей, часть имъ ⁴⁾.

У ингушей, если у убитой жены нѣтъ сына, то родственники ея могутъ требовать наказанія убійцы по кровному обычаю ⁵⁾.

¹⁾ Харузинъ, ib., стр. 119.

²⁾ Пфафъ, ib., II, стр. 270.

³⁾ Адаты жителей кумыккаго округа, Сб. св. о к. г., VI, стр. 5.

⁴⁾ Адаты южнодагестанскихъ обществъ, Сб. св. о к. г., VIII, стр. 65.

⁵⁾ Грабовскій, Ингуши etc., IX, стр. 80.

Въ Даргинскомъ округѣ, въ Дагестанѣ, въ обществѣ Микахинскомъ въ соприсяжники требуются, смотря по роду дѣлъ, или ближайшіе родственники со стороны отца или тѣ родственники, на которыхъ укажетъ противная тяжущаяся сторона. Въ послѣднемъ случаѣ родственники должны быть выбраны по ровну съ отцовской и материнской сторонъ, если мать присягающаго не изъ другой деревни ¹⁾).

Въ Мушинскомъ обществѣ того же округа, когда для присяги требуются менѣе 12 родственниковъ, то всѣ они должны быть со стороны отца, если 12 или болѣе 12, то требуется поровну со стороны отца и матери ²⁾). Въ томъ же обществѣ при несостоятельности обвиняемаго, къ платежу за него привлекаются сначала его родители, братья и сестры. Если же ихъ имущества окажется недостаточнымъ, то платятъ 10 ближайшихъ родственниковъ, по пяти со стороны отца и со стороны матери ³⁾).

VI.

Переходимъ затѣмъ къ способамъ заключенія брака у кавказскихъ горцевъ. Нигдѣ на свѣтѣ не было такъ развито похищеніе женъ, которое еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ существуетъ, какъ на Кавказѣ. Весь строй кавказской жизни былъ проникнутъ духомъ хищничества. Горецъ и хищникъ это тождество; онъ искалъ примѣненія своей удали въ разбояхъ, грабежахъ, воровствѣ и т. д. Это то свойство хищника привело къ чрезвычайному развитію способа добыванія себѣ женъ путемъ похищенія. Добыть себѣ же-

¹⁾ Адаты даргинскихъ обществъ, Сб. св. о к. г., VII, стр. 45.

²⁾ ib., стр. 60.

³⁾ ib.

ну путем похищенія значило пріобрѣсти геномѣ „джигита“, удалца, наѣздника.

По понятіямъ пшавовъ молодой человѣкъ долженъ показывать свое удалство, похитивъ себѣ жену, а не выпрашивая ея у родныхъ ¹⁾.

Пшавецъ считаетъ для себя позорнымъ жениться по соглашенію съ родителями ²⁾.

У ингушей къ похищенію жены прибѣгаютъ иногда просто изъ удалства ³⁾.

Такимъ же удалствомъ является похищеніе жены у нагайцевъ ⁴⁾.

У черкесовъ бракъ посредствомъ похищенія считается благороднѣе брака по сватовству ⁵⁾.

Какое же широкое примѣненіе должно было имѣть въ прошломъ похищеніе женъ, если оно создало даже особую этику. Объ этомъ широкомъ примѣненіи говорятъ намъ брачныя церемоніи всѣхъ кавказскихъ народовъ. Церемоніи эти насквозь проникнуты духомъ разбоя, грабежа. Слѣды этого варварскаго способа добыванія женъ не исчезли даже подъ вліяніемъ христіанскаго ритуала. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда при народныхъ церемоніяхъ, божественное перемѣшалось съ земнымъ.

Реальное, грубое содержаніе традиціи удержало лишь форму, влагая въ нее новое содержаніе, давъ новое объясненіе, согласное съ новой этикой, которой пропитался духъ и сознаніе народное. Рѣшающимъ въ такихъ случаяхъ является не новое содержаніе, а форма, стоящая въ противорѣчій со всѣмъ духомъ установившейся морали. Разсмотримъ, по воз-

¹⁾ Зиссерманъ, *ib.*, 1878/I, стр. 184.

²⁾ Хахановъ, *ib.*, III, стр. 93.

³⁾ Грабовскій, Экономическій и домашній бытъ *etc.*, III стр. 21; также Ингуши *etc.*, стр. 55.

⁴⁾ Кавказскій календарь 1859., стр. 349.

⁵⁾ Леонтовичъ, *ib.*, I, стр. 172.

возможности, тѣ брачныя церемоніи, въ которыхъ самымъ рельефнымъ образомъ отразились черты старины.

У кабардинцевъ молодежь, которая ѣдетъ за невѣстой, избираетъ себѣ предводителей изъ числа старшихъ, при чемъ всѣ отправляются верхомъ, одѣтые въ дорожное платье и въ полномъ вооруженіи. Въ аулѣ невѣсты, при ея отъѣздѣ съ посланными отъ жениха, происходитъ стрѣльба, съ головы ея провожатыхъ схватываютъ шапки, за ними устраиваютъ погоню и т. д. ¹⁾.

У тушинъ женихъ, въ сопровожденіи вооруженной толпы всадниковъ, скачетъ къ дому невѣсты и при ружейной пальбѣ отводитъ ее въ церковь подъ вѣнецъ ²⁾.

У чеченцевъ за невѣстой посылаютъ старую женщину съ бойкимъ и острымъ языкомъ въ сопровожденіи толпы чело­вѣкъ въ 20—30. Недалеко отъ дому невѣсты толпу встрѣчаютъ крикомъ и бранью, камнями и выстрѣлами. Дверь комнаты невѣсты запираетъ ее родственникъ и, при приближеніи посланныхъ къ ней, требуетъ отъ нихъ подарка, послѣ чего онъ имъ отворяетъ дверь. Но тамъ ихъ ожидаетъ новый скандалъ, который имъ устраиваютъ женщины, родственницы и подруги невѣсты. Тутъ пускаютъ въ ходъ иглы, булавы, ножницы, рвутъ на посланныхъ за невѣстой черески и бешметы, отнимаютъ шапки, такъ что половина изъ нихъ выходитъ полуободранными. Послѣ этого угощаютъ посланныхъ, которые взявъ съ собой невѣсту, отправляются домой, сопровождаемые снова камнями и выстрѣлами ³⁾.

У ингелойцевъ (въ Кахетіи) за невѣстой снаряжаютъ цѣлое посольство, состоящее изъ 12 женщинъ и столько же мужчинъ. Выѣздъ посольства сопровождается выстрѣлами. При приближеніи его ко двору невѣсты оно находитъ ворота за-

¹⁾ Кашежевъ, *ib.*, стр. 148—150, также Грабовскій, очеркъ etc., стр. 38.

²⁾ Зиссерманъ, *ib.*, стр. 196.

³⁾ Ипполитовъ, *ib.*, стр. 8—9; также Акимовъ, *ib.*, стр. 146.

пертыми и около воротъ на длинномъ шестѣ, прикрѣпленномъ къ забору, воткнутое очищенное яблоко. Посланные должны стрѣлять въ это яблоко и пулей сбить его... тогда лишь ворота отворяются и посольство можетъ въѣхать во дворъ ¹⁾. Что когда-то борьба у воротъ невѣсты происходила также и у удиновъ, показываетъ то, что у нихъ, при приближеніи жениха со своимъ поѣздомъ къ воротамъ невѣсты, ворота затворяются и кто-нибудь изъ родственниковъ невѣсты не пропускаетъ поѣзда, пока не заплатятъ слѣдующихъ по обычаю денегъ въ размѣръ 10 коп., что носитъ особое названіе *дохқааһхқи*—плата за ворота ²⁾.

У горскихъ татаръ при отвозѣ невѣсты происходитъ такая сцена: довѣренный жениха садится на коня и сажаетъ предъ собой невѣсту на привязанную къ сѣдлу подушку, послѣ чего свадебный поѣздъ трогается въ путь. Впереди скачутъ наѣзники съ неистовымъ гиканьемъ, съ флагами въ рукахъ и несмолкаемою стрѣльбою. Лошади наѣзниковъ украшаются разноцвѣтными платками. Изъ сосѣднихъ домовъ выбѣгаютъ ребятишки и швыряютъ въ поѣзжанъ палками и камнями. На пути въ какомъ-нибудь узкомъ мѣстѣ, чаще всего на мосту, устраиваются жителями встрѣчныхъ ауловъ баррикады изъ камней и бревенъ. Джигиты должны перескочить черезъ баррикаду и промчатся чрезъ толпу, сплошной стѣной стоящую за баррикадой... у каждого изъ толпы длинная хвостина, которою хлещутъ и лошадь и всадника, покушающагося пробиться. Происходитъ цѣлое сраженіе, изъ котораго многіе выходятъ съ ранами и ушибами.

Дѣло доходитъ иногда и до убійства, хотя и непредна-мѣреннаго. Если хоть одному всаднику удастся промчатся сквозь толпу, то дѣло послѣдней проиграно и свадебный corteжъ движется далѣе. Если же толпа устоитъ, то всадникамъ

¹⁾ А. И. Плотто, *Природа и люди Закавказскаго округа*, Сб. св. о к. г., VI, стр. 31—32.

²⁾ Бежановъ, *ib.*, стр. 240.

приходится откупиться отъ нея. Съ этою цѣлью сзади свадебнаго поѣзда слѣдуетъ вьюкъ (на счетъ жениха) съ пивомъ и бараниной. Вьюкъ отдается въ распоряженіе толпы, которая, получивъ угощеніе, пропускаетъ поѣздъ. Толпа угощаетъ тутъ-же на мѣстѣ сраженія ¹⁾.

У осетинъ аульные мальчики устраиваютъ свить жениха во все время ихъ пребыванія въ домѣ неvěсты всевозможные скандалы. Обкрадываютъ ихъ, такъ что, проснувшись по утру, одни не находятъ своихъ шапокъ, другіе поясовъ, кто патрону, кто кинжала и т. д. Когда же все готово къ отъѣзду неvěсты изъ дома родителей, является за ней шаферъ, на котораго набрасываются ея подружки, обрываютъ на немъ черкеску или бешметъ, вообще верхнюю одежду ²⁾.

Лапинскій въ этомъ отношеніи прекрасно изобразилъ картину хищнической этики, проявляющейся въ похищеніи неvěсты у Адиге. Несмотря на то, что неvěста и родители уже подготовлены къ этому заранѣе, все-таки происходитъ формальное похищеніе. Женихъ въ сопровожденіи вооруженныхъ товарищей отправляется за неvěстой, которая ждетъ его въ условленномъ мѣстѣ. Раздается условленный свистъ, неvěста является, садится на лошадь къ жениху, который въ знакъ побѣды стрѣляетъ, вслѣдъ за нимъ стрѣляютъ и его товарищи. Затѣмъ начинается бѣшеная скачка. Понятно, какъ это впередъ уже извѣстно, услышавъ выстрѣлы, весь дворъ неvěсты бросается съ дикимъ крикомъ въ погоню за похитителями. Горе жениху, если его догонять, у него все отберутъ: неvěсту, лошадь, оружіе, одежду и т. д., осмѣютъ страшнымъ образомъ. Несчастный женихъ долженъ вторично пытать свою удалъ. Но часто случается, что неvěста не хочетъ выйти за него замужъ, ей стыдно выйти замужъ за такого неповоротливаго жениха. Но если все сошло удачно, женихъ съ неvěстой укрываются въ домѣ пріятеля, не пока-

¹⁾ Тепцовъ, *ib.*, 176—177.

²⁾ Шанаевъ, *ib.*, стр. 21, 23, 24.

зываясь никому. Затѣмъ происходитъ обыкновенная свадебная церемонія съ примиреніемъ и покупкой ¹⁾.

Помимо такихъ переживаній, которыя сохранили почти въ полной чистотѣ старую форму похищенія, существуетъ масса такихъ, гдѣ отъ стараго порядка сохранились лишь слабые намски. Къ однимъ изъ такихъ указаній слѣдуетъ отнести присутствіе сабли при разныхъ брачныхъ церемоніяхъ. Правда, въ послѣдствіи съ этимъ атрибутомъ брачныхъ церемоній связывается уже совсѣмъ другое значеніе. Хотятъ защищать молодую чету отъ вліянія злыхъ духовъ, которыхъ отгоняютъ кинжаломъ, но самый способъ воздѣйствія на духовъ показываетъ, что въ прежнія времена, вѣроятно, такимъ путемъ защищали молодую чету отъ нападенія людей.

Такъ Шильтбергеръ въ описаніи свадебныхъ обычаевъ осетинъ и грузинъ говоритъ: „Und wann sie nun ein hochzyt haben, so fürent sie die Junkfrow die brut ist mit gesang zu dem pett, daran si by ligē soll und legens nieder. So kumpt dann der brütgam mit den Jünglingen mit einem blossen-schwert für das pett und schlecht einest daruff“ ²⁾.

У тѣхъ же осетинъ передъ отправленіемъ невѣсты къ жениху, одинъ изъ его товарищей подаетъ ей лѣвую руку, держа въ правой обнаженную шашку, обводитъ ее трижды вокругъ огня, ударяя каждый разъ шашкой о желѣзную цѣпь, висящую надъ очагомъ ³⁾.

У грузинцевъ въ Тіонетѣ при входѣ молодыхъ въ церковь дружки держатъ двѣ скрещенныя сабли, подѣ которыя они должны пройти; тѣ же сабли кладутъ молодымъ подѣ ноги ⁴⁾.

¹⁾ Lapinsky, ib., I p. 145, 154.

²⁾ Johannes Schiltberger, Reisen des... aus München in Europa, Asia und Afrika von 1394 bis 1427 her. von K. F. Neuman. München 1859. S. 142.

³⁾ Зиссерманъ, ²ib., 1878/XI, стр. 88.

⁴⁾ ib., 1876/III, стр. 92.

Къ этому же роду переживанія, съ той же смѣсью варварскаго прошлаго съ божественнымъ настоящимъ, относится, повидимому, и другой сходный обычай, указывающій на тѣ времена, когда женихъ связывалъ и прицѣплялъ къ себѣ на- сильно похищенную жертву.

Въ Грузіи, по словамъ Ламберти, священникъ связывалъ платье жены и мужа ¹⁾).

Гюльденштетъ такъ описываетъ свадьбу грузинскаго князя Эристова: онъ... велъ свою невѣсту на длинной лентѣ, привязанной къ его рукаву, за собою въ церковь... Дружка обнажилъ передъ церковью свою саблю и положилъ ее въ церкви жениху подъ ноги... Послѣ этого (т. е. послѣ вѣнча- нія) женихъ также на лентѣ велъ невѣсту домой ²⁾).

Кромѣ этихъ элементовъ насилія, сохранившихся въ брач- ныхъ церемоніяхъ и являющихся указаніемъ на существовав- шій когда-то хищническій способъ добыванія женъ на Кавка- зѣ, мы имѣемъ еще другого рода указанія, которыя выра- жаются въ притворномъ протестѣ со стороны невѣсты и ея родителей, и кромѣ того враждебное отношеніе обѣихъ сто- ронъ.

Такъ у удиновъ родители невѣсты какъ въ день свадь- бы, такъ и въ другіе дни, не могутъ присутствовать на пир- шествахъ ³⁾).

У закавказскихъ татаръ женихъ посѣщаетъ домъ своей невѣсты обыкновенно ночью. Онъ тщательно скрываетъ свое посѣщеніе отъ постороннихъ, такъ какъ деревенская моло- дежь, а въ числѣ ихъ даже родственники и братья невѣсты, подстерегаютъ его на улицѣ и безпощадно бьютъ, если пой- маютъ его, когда онъ выходитъ изъ дома невѣсты ⁴⁾).

¹⁾ Archange Lamberti, Relation de la Colchide ou Mengre- lie, въ Thevenot'a Relation de voyages curieux. Paris 1663. p. 38.

²⁾ J. A. Hülkenstädt's Reisen nach Georgien und Imeretti, herausg. von Klaproth. Berlin 1815, S. 126—127.

³⁾ Бежановъ, ib., стр. 244.

⁴⁾ Захаровъ, ib., стр. 127.

У чеченцевъ въ промежутокъ времени между сватовствомъ и свадьбой женихъ имѣеть право посѣщать свою невѣсту, стараясь только не встрѣчаться съ ея отцомъ и матерью ¹⁾).

У дагестанскихъ горцевъ въ день, назначенный для поступленія новобрачной въ распоряженіе мужа своего, она съ утра оставляетъ домъ родителей и отправляется къ близкому родственнику, чтобы тамъ приготовиться къ торжественной встрѣчѣ съ молодымъ супругомъ ²⁾).

У чеченцевъ и ингушей зять долженъ всегда избѣгать своей тещи; увидѣть ее считается для него дурнымъ предзнаменованіемъ ³⁾).

Интересное переживаніе протеста со стороны невѣсты встрѣчается въ Дагестанѣ въ селеніяхъ Чохъ и Гергебиль. Въ послѣдній день свадьбы родственники и друзья жениха усердно упираиваютъ невѣсту итти въ домъ жениха. Послѣ долгаго колебанія она выходитъ за ворота родительскаго дома и, дѣлая шагъ впередъ, останавливается, начинается опять упираиваніе съ поклонами до земли, опять невѣста дѣляетъ шагъ впередъ и снова останавливается, что повторяется на всемъ пути вплоть до дома жениха, такъ что невѣста, если домъ жениха находится далеко, выйдя изъ дому своихъ родителей въ полдень, приходитъ къ мужу лишь вечеромъ; по поводу этого обычая создалась въ Дагестанѣ поговорка: „бара гергебильны гѣлинь-кимыкъ“, т. е. идетъ, какъ гергебильская невѣста ⁴⁾).

Долго практиковавшееся похищеніе невѣстъ на Кавказѣ выродилось до извѣстной степени въ право. Такъ, напримѣръ, у горскихъ татаръ похитившій удачно невѣсту получаетъ право на бракъ съ нею. Удачнымъ похищеніе считается тогда,

¹⁾ Ипполитовъ, *ib.*, стр. 8—9.

²⁾ Львовъ, *ib.*, стр. 27—28.

³⁾ Акимовъ, *ib.*, стр. 149.

⁴⁾ Пржецловскій, Дагестанъ, его нравы и обычаи. Вѣстникъ Европы 1867/III, стр. 160.

когда молодой человек украсть невесту из дому ее родителей и успѣлъ лишить ее дѣвства. Если же онъ не успѣлъ совершить послѣдняго акта до того момента, когда ихъ настигла погоня, онъ не только лишается невесты, которая возвращается назадъ къ своимъ родителямъ, но расплачивается за безчестіе головой или, по крайней мѣрѣ, карманомъ. Онъ лишается права на полученіе невесты даже въ томъ случаѣ, если онъ приготовитъ требуемый калымъ. Доставить ему жену и избавить его отъ общаго презрѣнія можетъ только вторичное удачное похищеніе ¹⁾.

Интересно, что тайныя свиданія жениха и невесты на языкѣ курдовъ носятъ названіе „дзі-э-букэ“, что значитъ „кража невесты“, что, повидимому, говоритъ за широкое примѣненіе похищенія невестъ вообще и во время такихъ свиданій въ частности ²⁾.

VII.

Уже а priori понятнымъ становится предположеніе о существованіи покупного брака на Кавказѣ. Похищеніе слишкомъ нарушало спокойное существованіе горцевъ, какъ и вездѣ, гдѣ оно только практиковалось. Похищеніе на ряду со всякими другими преступленіями подвергалось мести со стороны родственниковъ похищенной и, какъ и эти послѣднія, замѣнялось впоследствии выкупомъ, что мы отчасти и видѣли изъ нѣкоторыхъ брачныхъ церемоній. Отъ выкупа до правильной покупки лишь одинъ шагъ. Временное явленіе въ силу долгой практики выродилось въ опредѣленный институтъ. Покупной бракъ у многихъ горцевъ принялъ открытую форму сдѣлки, купли-продажи. Такъ, на примѣръ, у Дагестанцевъ брачный договоръ совершается слѣдующимъ образомъ: священникъ, соединивъ руки брачующихся, говоритъ, обращаясь къ отцу

¹⁾ Тепцовъ, ib., стр. 173—174.

²⁾ Егіазарянцъ, Бракъ у кавказскихъ горцевъ. Юрид. Вѣстникъ 1878/VІ стр. 969.

невѣсты: „отдаешь ли ты дочь свою за столько-то денегъ этому человѣку“? (указываетъ на жениха). Отецъ отвѣчаетъ: „отдаю“, а женихъ на вопросъ, беретъ ли онъ невѣсту за такую-то сумму, отвѣчаетъ „беру“; по аварски этотъ брачный договоръ носитъ названіе „Магари-тлѣ“, что означаетъ брачный торгъ. Когда бракъ въ силу чего либо окажется недействительнымъ, тогда говорятъ „магари или дарамъ беичу“, т. е. торгъ не годится ¹⁾).

Закавказскіе татары прямо выражаются, что невѣста товаръ своего жениха. Татаринъ не спрашиваетъ о дѣвухѣ, чья она невѣста, а чей товаръ ²⁾).

Покупной бракъ существуетъ въ формѣ болѣе или менѣе торговой сдѣлки у черкесовъ ³⁾, у осетинъ ⁴⁾, у сванетовъ ⁵⁾, у пшавовъ ⁶⁾, у чеченцевъ ⁷⁾, у ингушей ⁸⁾, у горскихъ татаръ ⁹⁾, у всѣхъ вообще горцевъ сѣверной покатости горнаго хребта ¹⁰⁾, у удиновъ ¹¹⁾, у ингелойцевъ ¹²⁾.

¹⁾ Львовъ, *ib.*, стр. 25—26.

²⁾ Захаровъ, *ib.*, стр. 127.

³⁾ Карлгофъ, *ib.*, стр. 524; также Dubois de Montpéreux, *ib.*, I p. 124; также Jean de Luca, *Relation des Tartares peregrines et Nogais, des circassiens etc.* въ Thevenot's Relation etc. p. 22; также Tavernier, *ib.*, p. 339; также Taitbout de Marigny, *ib.*, p. 38—40; Lapinsky, *ib.*, I p. 154; также Koch, *ib.*, 411. (т. I).

⁴⁾ Леонтовичъ, *ib.*, II, стр. 6; Klaproth, *ib.*, II, S. 597; Haxthausen, *ib.*, II, S. 53; Зиссерманъ, *ib.*, 1878/XI, стр. 87; Koch *ib.*, II, S. 123.

⁵⁾ Маргіани, *ib.*, стр. 76; Ковалевскій, Законъ etc., II, стр. 40; Haxthausen, *ib.*, I, S. 141.

⁶⁾ Ковалевскій, *ib.*, II, стр. 88.

⁷⁾ Харузинъ, *ib.*, стр. 126; Jean Potocki, *Voyage dans les Steps d'Astrakhan et du Caucase*. Paris, 1829, I, p. 127.

⁸⁾ Potocki, *ib.*, 127; Грабовскій, въ Сб. св. etc., III, стр. 20; IX, стр. 45; также Харузинъ, *ib.*, 126. Reineggs, *Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus*. Gotha u. S. Petersb. 1796, I, S. 46.

⁹⁾ Тепцовъ, По истокамъ etc., 178—179.

¹⁰⁾ Леонтовичъ, *ib.*, II, стр. 253.

¹¹⁾ Бежановъ, *ib.*, стр. 233.

¹²⁾ Плотто, *ib.*, стр. 28.

VIII.

Въ непосредственной или, по крайней мѣрѣ, близкой связи съ покупнымъ бракомъ стоитъ левиратъ. Разъ женщина принадлежала когда-то цѣлой семьѣ, которая ея добывала похищеніемъ или покупкой, естественнымъ образомъ является установившаяся традиція, въ силу которой и впоследствии съ исчезновеніемъ семейнаго брака вдова переходила къ тому, кто вполне или отчасти былъ связанъ съ ея мужемъ близкимъ родствомъ, прежде всего, конечно, къ брату. Въ левиратѣ отразились двѣ идеи—идея общности женъ въ семьѣ и идея собственности по отношенію къ похищенной или купленной женщины. Такъ у черкесовъ, если женщина овдовѣетъ, то на ней обязанъ жениться одинъ изъ братьевъ ея покойнаго мужа ¹⁾.

Тоже самое мы находимъ у осетинъ, при чемъ, если послѣ покойнаго осталось нѣсколько братьевъ и если каждый изъ нихъ хочетъ взять оставшуюся вдову въ жены, споръ рѣшается ея собственнымъ выборомъ ²⁾.

Тоже самое у горскихъ татаръ, гдѣ это носитъ особое названіе „туль“; о вдовѣ говорятъ, что она туль, т. е. собственность семьи покойнаго, и какъ таковая переходитъ по наслѣдству на общемъ основаніи ³⁾.

У чеченцевъ и ингушей вдова можетъ выйти замужъ за кого пожелаетъ, если ближайшій родственникъ ея мужа не хочетъ ее взять за себя. Но она должна получить предварительно разводъ отъ этого родственника, въ противномъ случаѣ, она лишается возможности выйти замужъ ⁴⁾.

¹⁾ Леонтовичъ, *ib.*, II, стр. 118; Карлгофъ, *ib.*, стр. 524.

²⁾ Обзоръніе російскихъ владѣній etc., II, стр. 199; также Naxthausen, II S. 50; также Пфафъ, Матеріалы для древней исторіи Осетинъ въ Сб. св. о к. г., IV, стр. 2.

³⁾ Иванюковъ и Ковалевскій, У подошвы etc., стр. 567.

⁴⁾ Леонтовичъ, *ib.*, II, стр. 169; также Харузинъ, *ib.*, стр. 129.

У ингушъ сыновья вступаютъ въ бракъ съ женами отца, оставшимися послѣ его смерти, за исключеніемъ родной матери. На упрекъ чеченцевъ въ позорности этого обычая ингуши отвѣчаютъ: „мой отецъ вѣдь спалъ съ моею матерью, я также хорошо могу спать съ его женой“ ¹⁾.

Къ вліянію отчасти семейнаго брака съ примѣсю значительной дозы распущенности и матерьяльной необходимости, какъ позднѣйшихъ наростовъ большинства народныхъ традицій, должно отнести и тотъ обычай, хотя и рѣдко встрѣчающійся, въ силу котораго отецъ вступаетъ въ связь съ женой малолѣтняго сына.

У осетинъ отецъ покупаетъ 6—8 лѣтнему сыну въ жены дѣвушку лѣтъ 14—16, которой онъ замѣняетъ малолѣтняго мужа, не способнаго отправлять еще супружескія обязанности ²⁾.

То же самое встрѣчается у тушинъ ³⁾.

Интересно указать для сравненія, что среди нѣкотораго населенія Россіи существовалъ тотъ же обычай женить малолѣтнихъ сыновей на взрослыхъ дѣвицахъ, съ которыми, по видимому, отцы малолѣтнихъ мужей вступали въ связь. Такъ, напримѣръ, на существованіе этого обычая у вотяковъ мы находимъ указаніе въ указѣ Вятской духовной консисторіи, изданномъ въ 1757 г., которымъ этотъ обычай строго запрещается.

Интересно, что у тѣхъ же вотяковъ существуетъ обычай, въ силу котораго сноха не должна показывать свекру ни босыхъ ногъ, ни волосъ ⁴⁾.

Указаніе относительно существованія того же обычая среди населенія Саратовской губерніи даетъ намъ указъ Казанской духовной консисторіи 1775 г., гдѣ предписывается

¹⁾ Potocki, ib., I, p. 127:

²⁾ Haxthausen, ib., II, S. 23—24.

³⁾ Reineggs, ib., I, S. 183.

⁴⁾ Верещагинъ, Вотяки Саранульскаго уѣзда въ Зап. Импер. Русскаго Геогр. Общ., Этногр. отд. т. XIV, в. III, стр. 123 и 35.

браки малолѣтнихъ мальчиковъ со взрослыми дѣвицами во избѣжаніе кровосмѣшенія свекровь съ ихъ снохами росторгать, а священниковъ, совершившихъ бракосочетаніе, подвергнуть наказанію ¹⁾).

Тотъ же обычай встрѣчался и въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Въ заключеніе считаю нужнымъ указать, что, повидимому, отголоскомъ гостепріимнаго гетеризма на Кавказѣ служить слѣдующій обычай въ Дагестанѣ. Жители Ахваха въ видахъ утонченнаго гостепріимства укладываютъ гостя спать ночью съ дочерью хозяина, рассчитывая, что деликатный кунакъ не нарушитъ законовъ гостепріимства... Въ противномъ случаѣ такой считается сквернѣйшимъ гостемъ, и ему приходится расплачиваться за неводержимость деньгами или свадьбой ²⁾). Интересно, что у закавказскихъ армянъ въ Елизаветградскомъ округѣ существуетъ почти подобный же обычай. Если въ домѣ находится гость, то молодая, одѣвшись въ лучшее платье, подноситъ ему чашу вина и цѣлуетъ его руку; если гость расположится ночевать въ домѣ, то она обязана омыть его ноги. Послѣ этого онъ можетъ видѣть ее и безъ покрывала ³⁾).

А. Даринскій.

¹⁾ Народные обычаи, обряды, суевѣрія и предрасудки крестьянъ Саратовской губ., собранные Минхомъ, въ Зап. И. Р. Г. О., отд. Этногр. т. IX, в. II, стр. 120 (Примѣч.).

²⁾ Пржецловскій, *ib.*, стр. 155.

³⁾ Naхthausen, *ib.* I, S. 215; также Обзорѣніе Россійскихъ влад. etc. II, стр. 376.

Прим. ред. Статья г. Даринскаго была напечатана съ незначительными измѣненіями въ журналъ „Zeitschrift für vergleichende Rechtswissenschaft“, Bd. XIV.

Международный историческій конгрессъ въ Римѣ.¹⁾

Международный историческій конгрессъ, созданный въ настоящемъ году въ Римѣ и продолжавшійся одну недѣлю (отъ 2 апрѣля нов. стиля по 9), долженъ былъ собраться еще весною 1902 года; но несогласія, возникшія среди итальянскихъ ученыхъ, помѣшали ему тогда состояться, и онъ былъ отмененъ. Извѣщенія объ этомъ были разосланы всего недѣли за 3—4 до того времени, какъ должно было послѣдовать его открытіе, такъ что нѣкоторые лица не успѣли даже получить ихъ своевременно. Одинъ американскій историкъ, пріѣхавши въ Миланъ, тамъ только узналъ, къ большому своему разочарованію, что напрасно предпринялъ длинное путешествіе изъ своего отечества въ Италію.

Прежде чѣмъ приступить къ разсказу о занятіяхъ римскаго конгресса, слѣдуетъ предварительно коснуться вопроса, должно ли смотрѣть на него, какъ на первый международный съѣздъ историковъ, или признать за таковой парижскій конгрессъ 1900 года, какъ это хотѣлось бы теперь нѣкоторымъ французскимъ историкамъ, а римскій считать уже вторымъ

¹⁾ Докладъ, читанный въ засѣданіи Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ 21 сентября 1903 г.

или даже третьимъ. Дѣло заключается въ томъ, что въ годъ всемірной выставки въ Парижѣ, устроенной на рубежѣ двухъ столѣтій, въ числѣ многихъ другихъ конгрессовъ, былъ созванъ тамъ также и международный конгрессъ сравнительной исторіи (*Congrès international d'histoire comparée*), которому предшествовалъ уже такой же съѣздъ въ Гагъ въ 1898 году. Парижскій конгрессъ не успѣлъ подготовиться надлежащимъ образомъ къ своимъ занятіямъ, засѣданія его шли вяло и обращающихъ на себя вниманіе докладовъ почти не было. Болѣе серьезнымъ характеромъ отличались лишь занятія его второй секціи — сравнительной исторіи учреждений и права. Впрочемъ, нельзя не отмѣтить также счастливой мысли парижскаго конгресса обратить болѣе вниманія на изученіе исторіи наукъ. И съ этою цѣлью была тогда даже образована особая секція сравнительной ихъ исторіи. Но конгрессъ сколько-нибудь важныхъ рѣшеній не принималъ, никакой преемственности своихъ занятій съ трудами послѣдующихъ не намѣтилъ, иностранные историки и даже наиболѣе видные французскіе участія на немъ почти не принимали, а поэтому конгрессъ въ Римѣ совершенно основательно склоненъ считать себя первымъ международнымъ съѣздомъ историковъ. Приписывая заслугу образованія секціи исторіи наукъ извѣстному неаполитанскому ученому Паису, римскій конгрессъ даже совсѣмъ забылъ, что такая секція существовала уже раньше на парижскомъ конгрессѣ, и совершенно игнорировалъ его.

Засѣданія конгресса въ Римѣ распадались на восемь секцій: 1) древней исторіи, эпиграфики, а также филологіи классической и сравнительной; 2) средневѣковой и новой исторіи, методологіи и вспомогательныхъ наукъ; 3) исторіи литературъ; 4) археологіи, нумизматики и исторіи искусствъ; 5) исторіи права; 6) исторіи географіи и исторической географіи; 7) исторіи философіи и религій; 8) исторіи математическихъ, физическихъ, естественныхъ и медицинскихъ наукъ. Занятія въ секціяхъ состояли въ чтеніи рефератовъ, причемъ оно должно было продолжаться въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ не болѣе двадцати минутъ. Нельзя, однако, не пожалѣть

о томъ, что по правиламъ этого конгресса по поводу прочтанныхъ рефератовъ не допускались никакія возраженія и пренія. Кромѣ того, отдѣльными докладчиками могли дѣлаться серьезно обоснованныя предложенія въ цѣляхъ развитія научной дѣятельности въ области историческихъ дисциплинъ. Въ послѣднемъ случаѣ допускалось обсужденіе возбуждаемыхъ референтами вопросовъ. Такъ какъ всѣ восемь секцій засѣдали обыкновенно одновременно, то я остановлюсь, главнымъ образомъ, на занятіяхъ отдѣленія средневѣковой и новой исторіи, какъ наиболѣе привлекавшаго мое вниманіе.

Въ вѣчномъ городѣ, въ которомъ находятся ватиканскій тайный архивъ, съ неисчерпаемыми историческими матеріалами, архивы разныхъ папскихъ канцелярій, а также архивы разныхъ древнихъ итальянскихъ аристократическихъ фамилій, можно было бы ожидать, что будетъ сдѣлано много важныхъ и интересныхъ историческихъ докладовъ. Но по понятнымъ причинамъ (конгрессъ былъ созванъ итальянскимъ правительствомъ и находился подъ протекторатомъ короля) католическіе духовные ученые и всѣ, принадлежащіе къ папской партіи, не приняли никакого участія въ конгрессѣ и совершенно игнорировали его. Это обстоятельство сильно отразилось на значеніи и интересѣ занятій секціи средневѣковой и новой исторіи. Немало повліяла также на успѣшность хода ея работъ, равно какъ и вообще всего конгресса, дурная организація его. Достаточно сказать, что программы предполагаемыхъ его занятій не были заблаговременно доставлены участникамъ его. Притомъ организаторы конгресса не сумѣли привлечь къ совмѣстной дружной работѣ свои итальянскія провинціальныя историческія общества, и рознь между послѣдними и нѣкоторыми учеными учрежденіями Рима, стремящимися централизовать въ своихъ рукахъ руководство историческими изысканіями и изданіями, сказывалась довольно часто на засѣданіяхъ и притомъ очень бурно и шумно. Всѣмъ этимъ отчасти объясняется то, что докладовъ, которые могли бы обратить на себя вниманіе, было очень мало. Они имѣли по большей части случайный характеръ. Нѣкоторые

докладчики прямо читали уже ранѣе напечатанныя ими изслѣдованія, другіе дѣлали сообщенія о вопросахъ давно извѣстныхъ ученымъ изъ спеціальныхъ историческихъ журналовъ, а иные рефераты были бы болѣе умѣстны, какъ статьи для журналовъ въ родѣ „Revue des deux Mondes“, тѣмъ для прочтенія въ собраніи ученыхъ спеціалистовъ. Кромѣ того, надо еще прибавить, что значительная часть докладовъ была посвящена разъясненію разныхъ второстепенныхъ вопросовъ провинціальной исторіи Италіи. Что же касается иностранцевъ, то они, безбожно коверкая итальянскій языкъ, старались, главнымъ образомъ, наговорить поболѣе комплиментовъ по адресу Италіи и заявить о своей любви къ Риму.

Однимъ изъ наиболѣе общинтересныхъ и въ то же время блестящихъ докладовъ былъ рефератъ проф. Люшера (Luchaire) о казуистикѣ папы Иннокентія III. Со всѣхъ концовъ католическаго міра обращались къ нему епископы и другія духовныя лица за разрѣшеніемъ ихъ недоумѣній, какъ отнестись къ тѣмъ или другимъ встрѣтившимся въ ихъ практикѣ запутаннымъ или казуистическимъ вопросамъ, касающимся морали или религіи. Папа, по словамъ референта, всегда находилъ отвѣты, характеризующіе его большой умъ и широту его взглядовъ. Онъ проявлялъ даже нѣкоторую снисходительность къ проступкамъ, казавшимся въ то фанатическое время важными. Многочисленные примѣры, приведенные проф. Люшеромъ, и мастерски сгруппированные имъ факты дали яркую картину міросозерцанія XIII вѣка и совершенно переносили слушателей въ ту эпоху. Знатокъ экономической жизни и въ особенности торговыхъ отношеній Италіи и Германіи проф. Алоисъ Шульте сдѣлалъ интересный очеркъ той роли, которую сыграла шерсть въ промышленной жизни Италіи. Но выводъ его, что недостатокъ ея на итальянскихъ рынкахъ въ XVII вѣкѣ повелъ къ политическому упадку этой страны, нельзя, конечно, не признать слишкомъ поспѣшнымъ. Докладъ о римскихъ архивахъ и библіотекахъ, принадлежащихъ частнымъ лицамъ, сдѣланный проф. Пасторомъ, имѣющимъ возможность пользоваться и наименѣе доступными изъ

нихъ для ученыхъ, могъ бы представить большой интересъ и даже нѣкоторое руководство для лицъ, желающихъ работать въ Римѣ, если бы за ограниченностью времени, отведеннаго на каждый рефератъ, докладчикъ не былъ вынужденъ ограничиться лишь самыми краткими и сухими указаніями на ихъ значеніе. Немало было сдѣлано докладовъ о предполагаемыхъ или уже начатыхъ историческихъ изданіяхъ. Такъ, мюнхенскій проф. Крумбахеръ сдѣлалъ сообщеніе о подготовляемомъ имъ совмѣстно съ вѣнскимъ проф. Иречекомъ на средства Мюнхенской Академіи Наукъ изданіи *Corpus'a* документовъ, относящихся къ исторіи Византіи. Онъ остановился также на отношеніи этого труда къ предполагаемымъ изданіямъ въ томъ же направленіи Петербургской Академіи Наукъ. Но особенно много времени было отведено обсужденію проектовъ изданія разныхъ большихъ собраній документовъ и памятниковъ всякаго рода по исторіи Италіи. Дебаты въ этихъ случаяхъ велись обыкновенно съ чисто южнымъ оживленіемъ и страстностью.

Одно изъ послѣобѣденныхъ засѣданій секціи средневѣковой и новой исторіи было всецѣло посвящено докладамъ о преподаваніи исторіи, главнымъ образомъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ разныхъ государствъ Европы и Сѣв. Америки. Это засѣданіе можетъ считаться однимъ изъ наиболѣе интересныхъ и важныхъ этой секціи, такъ какъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ дозволило ознакомиться съ такимъ животрепещущимъ вопросомъ, какъ постановка научнаго преподаванія исторіи въ различныхъ концахъ цивилизованнаго міра. Доклады по этому вопросу привели, однако, къ довольно печальнымъ выводамъ. Оказалось, что преподаваніе исторіи находится далеко не на надлежащей научной высотѣ даже въ такихъ культурныхъ странахъ, какъ Англія. Въ университетахъ многихъ государствъ нѣтъ даже должнаго количества каедръ по исторіи. Наилучшимъ образомъ обставлено преподаваніе ея прежде всего въ Германіи, а затѣмъ во Франціи.

Проф. Поль Фредерикъ (Paul Frédéricq), рефератомъ котораго начались доклады о преподаваніи исторіи въ разныхъ

странахъ, указалъ, что во многихъ университетахъ Бельгii уже довольно давно стали замѣчать необходимость устройства „историческихъ лабораторiй“ (*laboratoires d'histoire*) или, такъ называемыхъ, историческихъ семинарiй. Въ Бельгii впервые такой семинарiй былъ устроенъ проф. Куртомъ въ Лютихѣ въ 1874 году. Затѣмъ они заводятся въ университетахъ Брюсселя, Гента и другихъ городовъ ¹⁾. Въ настоящее время Бельгiя, дѣйствительно, можетъ похвалиться цѣлымъ рядомъ научно подготовленныхъ историковъ. Совсѣмъ иначе поставлено дѣло преподаванiя исторiи въ голландскихъ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ, судя по словамъ докладчика Блюка, проф. лейденскаго университета. Въ нихъ преслѣдуются чисто практическiя цѣли, и въ Голландiи даже не существуетъ степени доктора исторiи. Нѣсколько лучше и серьезнѣе обставлено дѣло преподаванiя ея только въ Лейденѣ. Неудовлетворительно поставлено оно также въ Данii, Швецiи, Испанii и даже въ Италii. Виллари жаловался, что въ высшихъ учебныхъ заведенiяхъ Италii очень мало каедръ, между прочимъ, даже по исторiи искусства. Этимъ, конечно, въ значительной степени объясняется то, что лучшiя сочиненiя по исторiи Италii, а также въ частности по исторiи ея искусства принадлежать по большей части перу нѣмцевъ, французовъ и вообще ученыхъ другихъ странъ. Докладъ Брайса, говорившаго объ университетскомъ преподаванiи исторiи въ Англiи, произвелъ даже какъ будто нѣкотораго рода сенсацию, такъ какъ такая отсталость ея въ этомъ отношенiи являлась полною неожиданностью для большей части присутствовавшихъ въ засѣданiи историковъ. До послѣдняго времени въ этой

¹⁾ Фредерикъ началъ свой рефератъ съ бѣлаго очерка преподаванiя исторiи во Францiи и другихъ государствахъ, которыя онъ посѣтилъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ съ спеціальною цѣлью познаться съ этимъ вопросомъ. Результаты своихъ наблюденiй въ указанномъ отношенiи онъ изложилъ въ сочиненiи: *L'enseignement supérieur de l'histoire. Allemagne, France, Écosse, Angleterre, Hollande, Belgique*. 1899.

странѣ не было надлежащаго количества кафедръ въ университетахъ по исторіи, а о семинаріяхъ по этому предмету не имѣли даже представленія. Но теперь, по словамъ докладчика, замѣчается стремленіе измѣнить къ лучшему постановку дѣла въ этомъ отношеніи, и есть надежда, что въ скоромъ времени будутъ заведены даже особые курсы по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ. Относительно Германіи по тому же вопросу былъ сдѣланъ краткій, но обстоятельный докладъ проф. Гарри Бреслау (Harry Bresslau). Онъ указалъ, что съ половины восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія въ нѣмецкихъ университетахъ началось сильное специализированіе въ преподаваніи. Въ Германіи существуютъ особыя кафедры по исторіи древней, средней, новой, а также востока. Тамъ обращено вниманіе на непосредственное ознакомленіе студентовъ первыхъ семестровъ съ документами и вообще историческими источниками (это, такъ называемые, Proseminaren); но занятія въ семинаріяхъ, въ которыхъ студенты должны познакомиться съ приемами научной работы, возможны только для тѣхъ изъ нихъ, которые прослушали уже нѣсколько семестровъ въ университетѣ. Въ семинаріяхъ практическія упражненія ведутся тремя способами: во-первыхъ, студентамъ даются темы, которыя они должны разработать, и когда сочиненіе написано, оно прочитывается его авторомъ въ аудиторіи, а затѣмъ обсуждается всѣми присутствующими. По окончаніи обмѣна взглядовъ между студентами по поводу представленнаго сочиненія, профессоръ разрѣшаетъ всѣ возникшіе споры и недоумѣнія. Онъ указываетъ, какъ слѣдовало бы выполнить данную работу или какими путями нужно было идти къ разрѣшенію поставленнаго вопроса. Во вторыхъ, семинарій можетъ заняться интерпретаціей и критикой одного и того же источника. Наконецъ, въ-третьихъ, предлагается разрѣшеніе какого-либо историческаго вопроса, но при этомъ каждый принимающій участіе въ занятіяхъ беретъ на себя изученіе и разработку его съ какой-либо одной стороны. Всѣ эти способы хороши, сказалъ референтъ въ заключеніе своего доклада, если они хорошо и умѣло примѣняются. Въ на-

шихъ университетахъ имъ слѣдуютъ уже давно въ семинаріяхъ и на практическихъ занятіяхъ, хотя первый способъ, повидимому, наиболѣе въ ходу. Нужно замѣтить еще, что въ Германіи почти во всѣхъ университетахъ заведены и спеціальныя каѳедры по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ, какъ-то палеографіи, дипломатики и т. п. Благодаря этому, поступающіе на службу въ архивы Германіи имѣютъ необходимую подготовку, чтобы умѣло и научно обращаться съ тѣмъ матеріаломъ, который имъ ввѣряется. Служба въ архивѣ не синекура въ Германіи. Нѣмецкіе архивариусы не только приводятъ въ порядокъ историческіе документы и акты, но они также издають ихъ. Лицамъ, знакомымъ съ нѣмецкой исторической литературой, извѣстно, на какой научной высотѣ стоятъ эти изданія, и какъ образцово они выполнены. Было бы очень желательное учрежденіе и въ нашихъ университетахъ спеціальныхъ каѳедръ по вспомогательнымъ историческимъ наукамъ. Пока ихъ не будетъ, трудно ожидать, чтобы архивное дѣло перестало у насъ хромать.

Во Франціи, относительно которой докладъ былъ сдѣланъ извѣстнымъ ученымъ Габріелемъ Моно, преподаваніе исторіи въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ обставлено также сообразно съ современными требованіями науки. Хотя въ университетахъ Германіи и читается немало курсовъ по общественнымъ наукамъ, но во Франціи, повидимому, обращается на преподаваніе ихъ болѣе вниманія и въ послѣднее время стали создавать для нихъ самостоятельныя каѳедры, не говоря уже о томъ, что есть кромѣ того даже спеціальныя высшія учебныя заведенія для изученія и занятій общественными науками.

Въ секціи средневѣковой и новой исторіи было возбуждено также нѣсколько важныхъ вопросовъ, касающихся облегченія историческихъ занятій и розысканій ученымъ. Г. Горрини, состоявшій секретаремъ конгресса, поднялъ вопросъ о необходимости, чтобы разныя государства вступили въ соглашеніе между собою относительно правилъ для опубликованія и пользованія документами, касающимися новѣйшей исторіи,

а также относительно установленія предѣльной даты, до которой они могутъ сдѣлаться вполне доступными. Во время дебатовъ по этому вопросу было сломано немало копій. Относительно времени, до котораго должны быть вполне доступны акты государственныхъ архивовъ, конгрессъ вотировалъ постановленіе, что желательно, чтобы до 1847 года включительно они могли безъ всякихъ затрудненій выдаваться для пользования ученымъ. Впрочемъ, значительная часть членовъ конгресса хорошо понимала, что всѣ пренія по данному предмету имѣютъ не болѣе, какъ академическій характеръ, и что возбужденный вопросъ наврядъ ли будетъ имѣть какіе-либо осязательные практическіе результаты. Если въ Германіи нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ могли возникнуть затрудненія (правда, надѣлавшія много шума въ ученomъ мірѣ) по поводу того, возможно ли прусскому историческому институту въ Римѣ опубликовать документы, найденные въ ватиканскомъ архивѣ относительно доходовъ, которые дала продажа индульгенцій въ 1517 году, т. е. въ эпоху, когда противъ нихъ поднялъ свой голосъ Лютеръ, то что же говорить о документахъ, которые покрыты пылью всего только какіе-либо 60 лѣтъ или нѣсколько болѣе того!

Вотировалъ конгрессъ также и пожеланіе, чтобы обмѣнъ рукописями и книгами для занятій ученыхъ совершался между библіотеками разныхъ государствъ непосредственно, а не такъ, какъ въ настоящее время, черезъ Министерство Иностранныхъ дѣлъ. Обсуждался также вопросъ объ изданіи международной исторической библіографіи и, послѣ довольно оживленныхъ преній, было принято рѣшеніе, чтобы профессора Монтиколо и Кривеллуччи обратились къ ученымъ разныхъ странъ съ просьбою выработать къ слѣдующему конгрессу планъ такой библіографіи ¹⁾. Было бы очень желательно, что-

¹⁾ Пизанскій проф. Кривеллуччи (Amedeo Crivellucci) редактируетъ журналъ „Studi Storici“ и съ 1902 года началъ издавать „Annuario bibliografico della storia d'Italia“. Это перечень всѣхъ сочиненій,

бы и Россія со своей стороны приняла участіе въ этомъ дѣлѣ. У насъ въ особенности чувствуется недостатокъ въ хорошей исторической библіографіи.

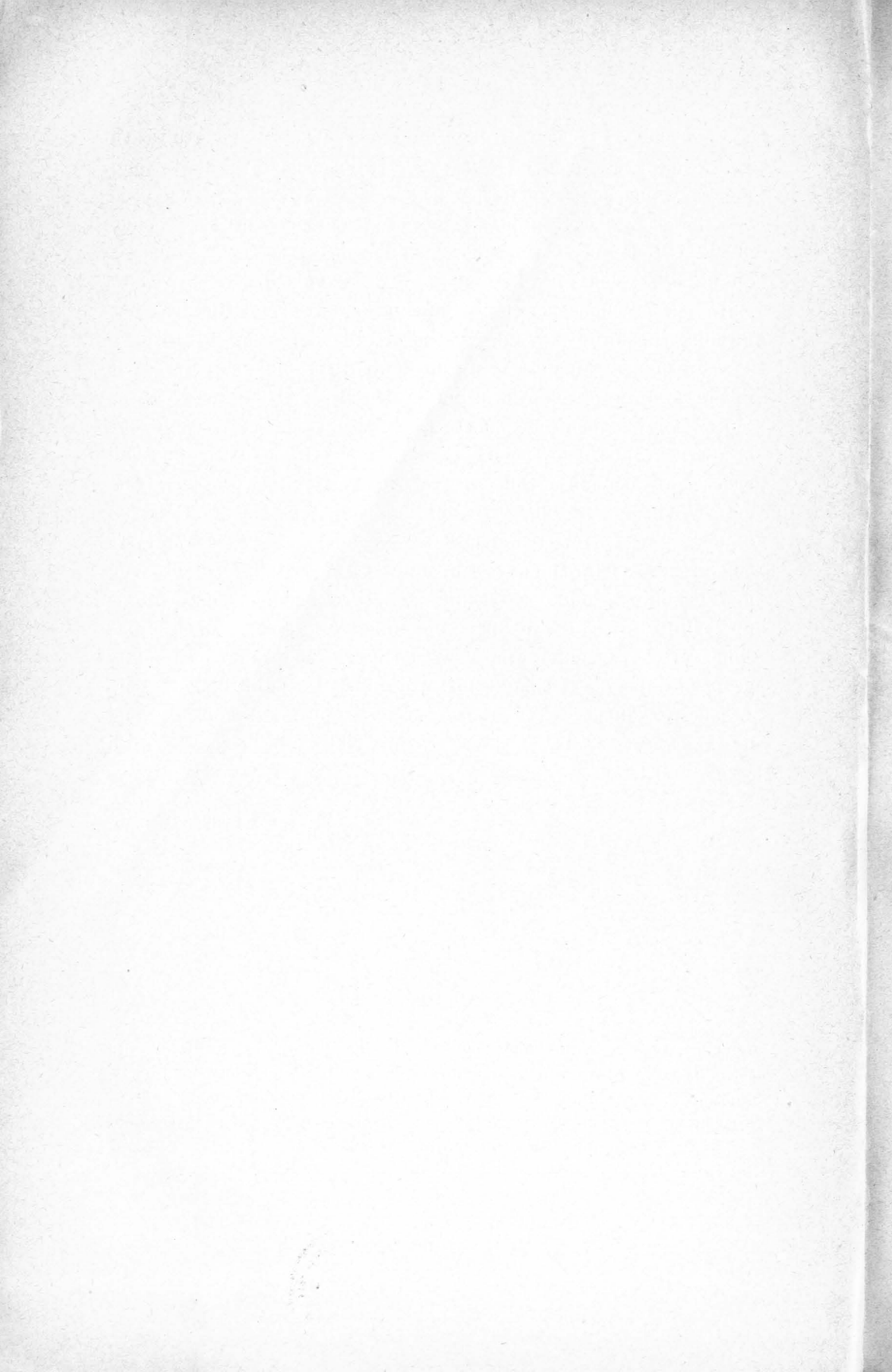
Къ концу засѣданій конгресса у членовъ его естественно сталъ возникать вопросъ, какой городъ намѣтитъ для собранія слѣдующаго, такъ какъ польза общенія ученыхъ въ Римѣ на научной почвѣ была для всѣхъ очевидна и несомнѣнна. Нѣкоторыми лицами предлагалось въ частныхъ бесѣдахъ избрать Мадридъ, и представитель испанской науки проф. Альтамира сочувственно откликнулся на эту мысль. Но, между прочимъ, одинъ изъ французскихъ историковъ сталъ настаивать на необходимости созвать слѣдующій конгрессъ въ Берлинѣ, говоря, что это будто было бы желательно нѣмцамъ. Понятно, что противъ избранія Берлина трудно было возражать съ точки зрѣнія научныхъ интересовъ, и въ общемъ заключительномъ засѣданіи было сдѣлано единогласно предложеніе, чтобы слѣдующій конгрессъ собрался въ сентябрѣ 1906 года въ столицѣ Германіи. Кромѣ того, было выражено также желаніе, чтобы въ разныхъ государствахъ были устроены предварительные подготовительные комитеты къ берлинскому конгрессу съ цѣлью дать возможность повести на немъ научную работу болѣе дружно, чѣмъ это было въ Римѣ.

Н. Любавичъ.

брошюръ и статей, появившихся въ теченіе даннаго года по исторіи Италіи, или хотя отчасти имѣющихъ отношеніе къ ней, начиная съ IV вѣка по Р. Х. и до послѣднихъ дней. Проф. Кривеллуччи просить, чтобы и русскіе авторы сообщали ему заглавія своихъ трудовъ по исторіи Италіи для помѣщенія въ „Annuario“.

143765





ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1903 г.

НА ЕЖЕНЕДЕЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

П Р А В О

выходящую без предварительной цензуры под редакціей пр.-доц. В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшем участіи Г. В. Гессена, пр.-доц. А. И. Каминка, проф. В. Д. Кузьмина-Караваева, В. Д. Набокова и проф. Л. И. Петражицкаго, по прежней программѣ.

Годовые подписчики получаютъ въ качествѣ приложений: Сборникъ рѣшеній кассационныхъ департаментовъ и общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ Правительствующаго Сената и „Законодательный Вѣстникъ“, въ которомъ будутъ помѣщены всѣ опубликованныя въ 1903 г. общія уз коненія, подлежащая внесенію въ Сводъ Законовъ, и тѣ указы Пр. Сената и административныя распоряженія, которые представляютъ существенное значеніе для разъясненія смысла законовъ.

Редакція даетъ годовымъ подписчикамъ „Право“ бесплатные отвѣты (въ количествѣ не болѣе 3-хъ) на юридическіе вопросы.

Въ „Правѣ“ помѣстили статьи слѣдующія лица:

К. К. Арсеньевъ, сенаторъ А. Л. Боровиковскій, проф. Берлинскаго ун. В. И. Борткевичъ, пр.-доцентъ Ф. А. Вальтеръ, М. М. Винаверъ, проф. А. К. Вульфъ, Л. В. Гантоверъ, М. И. Ганфманъ, В. Л. Глинка, проф. А. Х. Гольмстенъ, прив.-доц. В. М. Гордонъ, прив.-доц. М. Б. Горенбергъ, О. О. Грузенбергъ, пр.-доц. П. В. Давыдовъ, проф. Н. Л. Дювернуа, В. Б. Ельяшевичъ, проф. С. И. Живаго, проф. А. А. Жижиленко, Я. М. Затворницкій, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, проф. И. А. Ивановскій, сенаторъ А. О. Кони, Д. А. Левинъ, проф. К. М. Леонтьевъ, Д. Д. Лобановъ, М. А. Лозина-Лозинскій, В. О. Люстихъ, проф. А. С. Лыкошинъ, Н. А. Мандельштамъ, прив.-доц. Г. В. Михайловскій, прив.-доц. П. И. Новгородцевъ, проф. С. А. Муромцевъ, М. И. Мышь, В. А. Мякотинъ, проф. Берлинскаго ун. Dr. Oertmann, пр.-доц. М. Я. Пергаментъ, О. Я. Пергаментъ, пр.-доц. А. А. Пилленко, проф. А. А. Пюнтковский, П. А. Потъхинъ, П. М. Рабиновичъ, О. И. Родичевъ, пр.-доц. Н. Н. Розинъ, В. И. Семевскій, В. Д. Спасовичъ, П. М. Страховскій, сенаторъ Н. С. Таганцевъ, Е. Н. Тарновскій, П. М. Тютрюмовъ, прив.-доц. В. М. Устиновъ, проф. И. Я. Фойницкій, В. В. Хижняковъ, проф. П. П. Цитовичъ, проф. Н. М. Цытовичъ, прив.-доц. К. В. Шавровъ, прив.-доц. Л. В. Шалландъ, проф. Г. Ф. Шершеневичъ, Гр. И. Шрейдеръ, И. Г. Щегловитовъ, Г. Н. Штильманъ, проф. В. Г. Яроцкій, А. А. Эленбогенъ и др.

Поставивъ въ числѣ своихъ задачъ ознакомленіе читателей съ существующей судебною и судебно-административной практикою, а также разработку этой послѣдней, „Право“ удѣляетъ широкое мѣсто судебнымъ отчетамъ, а также разбору рѣшеній, приговоровъ и административныхъ постановленій, представляющихъ принципиальный интересъ. Отчеты о всѣхъ дѣлахъ, рассмотрѣнныхъ въ кассационныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената, печатаются въ ближайшихъ послѣ засѣданій номерахъ.

Въ справочномъ отдѣлѣ печатаются: Алфавитный списокъ лицъ несостоятельныхъ, ограниченныхъ и освобожденныхъ отъ ограниченія въ правоспособности; алфавитные списки уничтоженныхъ довѣренностей; списки дѣлъ назначенныхъ къ слушанію въ Прав. Сенатѣ. Съ 1903 г. будутъ печататься и резолюціи по заслушаннымъ въ Сенатѣ дѣламъ.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 руб. и къ 1 мая 3 р. Заграницу на годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 к.

Главная контора: С.-Петербургъ, Загородный пр., № 2. При юридическомъ книжномъ складѣ „ПРАВО“. Складъ высылаетъ всѣ имѣющіяся въ продажѣ книги по вопросамъ правовѣдѣнія и обществовѣдѣнія. Подписчики „Право“ пользуются при выпискѣ частныхъ изданій скидкой въ размѣрѣ 5%.

Ив 143765

Находятся въ продажѣ:

Записки Общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ. Вып. 1. Варшава, 1902 г. Цѣна 1 р. (Книжный магазинъ Н. П. Карбасникова. Варшава, Новый Свѣтъ, № 69).

— (Цѣна 1 руб. 50 коп.) —